

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени
В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Научный журнал

Том 7 (73). № 3

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2021

ISSN 2413–1644

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации – ПИ № ФС 77–61827 от 18 мая 2015 года

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Редколлегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление»:

Никитина М. Г. – д-р экон. наук, д-р геогр. наук, проф., главный редактор;

Апатова Н. В. – д-р экон. наук, д-р пед. наук, проф.;

Воронина Т. В. – д-р экон. наук, проф.;

Дадашев Б. А. – д-р экон. наук, проф.;

Звонова Е. А. – д-р экон. наук, проф.;

Кирильчук С. П. – д-р экон. наук, проф.;

Лукьянович Н. В. – д-р полит. наук, проф.;

Медведкин Т. С. – д-р экон. наук, проф.;

Нижегородцев Р. М. – д-р экон. наук, проф.;

Панков Д. А. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Реутов В. Е. – д-р экон. наук, проф.;

Симченко Н. А. – д-р экон. наук, проф.;

Солодовников С. Ю. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Цехла С. Ю. – д-р экон. наук, проф.;

Ячменева В. М. – д-р экон. наук, проф.

Ответственный секретарь – Мираньков Д. Б.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 8 от 13 октября 2021 г.

Подписано в печать 15.10.2021. Формат 70x100 1/16.

10,0 усл. п. л. Тираж 25. Заказ № НП/753. Бесплатно.

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского».

Пр. Академика Вернадского, 4,

295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

<http://sn-ecoman.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2021 г.

УДК 339.9

ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ВВП СТРАН МИРА В УСЛОВИЯХ НЕСТОЙЧИВОГО РОСТА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Воронина Т. В., Яценко А. Б.

*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
E-mail: t.v.voronina@mail.ru*

В статье исследуется взаимосвязь экспорта товаров и услуг и ВВП стран мира в условиях неустойчивого роста мировой экономики в 2000–2020 гг. Неустойчивость развития мировой экономики выявляется на основе анализа абсолютных и относительных показателей мирового валового продукта, национальных ВВП и ВВП на душу населения. Обосновано, нарушение относительно стабильного роста мировой экономики в конце каждого десятилетнего периода (в 2009 г. и 2020 г.), вызванное мировым финансово-экономическим кризисом и пандемией коронавируса.

В результате исследования были сделаны выводы о страновых изменениях лидерства в производстве мирового валового продукта и значительной дифференциации темпов его роста по странам. Доказано, что наибольшие темпы экономического роста наблюдались у слаборазвитых стран или с переходной экономикой (за исключением Китая), а в десятку лидеров мирового производства в 2000–2020 гг. вошли новые страны: Китай, Индия и Республика Корея.

На основании анализа коэффициента корреляции рассчитанных для 80 стран мира, обоснован вывод о том, что ВВП большинства государств находится в сильной взаимной зависимости с объемами экспорта товаров и услуг. Проведена группировка стран по степени тесноты взаимосвязи товарного экспорта и ВВП, экспорта услуг и ВВП.

Ключевые слова: мировая экономика, мировой валовой продукт, экономический рост, ВВП, ВВП на душу населения, товарный экспорт, экспорт услуг.

ВВЕДЕНИЕ

Первое двадцатилетие 21 века для мировой экономики ознаменовалось серьезными потрясениями и вызовами, определяющими долгосрочные тенденции и направления ее дальнейшего развития. Глубокий кризис 2008–2009 годов, длительная рецессия мировой экономики и пандемия коронавируса оказали существенное влияние на объемы мирового валового продукта, факторы и темпы его роста, положения стран в мире, которые закладывают основу для будущих трансформаций глобальной экономики.

Гипотеза авторов базируется на предположении о том, что, результирующими показателями состояния мировой экономики выступают мировой валовой продукт и темпы его роста, которые формируются вкладом национальных экономик в рассматриваемые показатели. В свою очередь изменение страновых ВВП все больше определяется внешними факторами. В связи с этим, целью исследования является выявление взаимосвязи внешней торговли и ВВП стран мира в условиях неустойчивого роста мировой экономики в первое двадцатилетие XXI века.

Хронологические рамки исследования охватывают период 2000–2020 гг. В качестве эмпирической основы анализа послужили данные UNCTADStat (Конференции ООН по торговле и развитию). За основу расчетов были взяты показатели мирового валового продукта (МВП), национальных ВВП, товарного экспорта и экспорта услуг в абсолютных значениях.

Для анализа показателей по отдельным экономикам, авторами сделана репрезентативная выборка по 202 странам, которые представляют собой независимые государства и по которым имеются данные за рассматриваемый период с 2000 по 2020 год. Выявление тенденций тесноты взаимосвязи ВВП и товарного экспорта и экспорта услуг осуществлялось на основе выборки по 80 странам. При отборе стран принимались во внимание их доля в мировом ВВП и степень участия в международном разделении труда.

С помощью анализа данных UNCTADStat, были сделаны выводы относительно тенденций и страновых изменений лидерства в производстве мирового валового продукта и значительной дифференциации темпов его роста по странам.

В результате расчета коэффициентов корреляции, с использованием программного пакета STATISTIKA, страны были сгруппированы по степени тесноты взаимосвязи товарного экспорта и ВВП, экспорта услуг и ВВП.

Для количественной оценки наличия и тесноты связи между товарным экспортом и ВВП, экспортом услуг и ВВП стран использовался коэффициент корреляции r .

Анализ научной литературы за период 2000-2020 гг. свидетельствует о большом интересе ученых к осмыслению направлений изменения глобальной экономики и их последствий для стран мира.

В научных публикациях начала XXI века широко обсуждались вопросы влияния внешних факторов на развитие региональных и национальных экономик [5] в связи с нарастанием процессов глобализации и интернационализации [3]. Данные процессы обусловили опережающие темпы роста международной торговли, по сравнению с темпами роста мирового валового продукта [6].

В период и после финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. фокус исследований сместился на выявление влияния кризиса на мировой валовой продукт, разные группы стран, национальные экономики, формы международных экономических отношений [9].

Было выявлено ослабление позиций развитых стран накануне и в период глобального кризиса 2008-2009 гг. при усилении позиций развивающихся государств. Ведущие развивающиеся экономики, такие как Китай, Индия, азиатские НИС, активно включаясь в глобальные процессы международного разделения труда, способствовали развитию глобализации в общемировом масштабе. Они существенно потеснили развитые государства в приросте ВВП, промышленного производства, экспорта средне- и высокотехнологичных товаров.

В этой связи, по мнению В. Варнавского, к современным драйверам развития мировой экономики следует отнести укрепление экономики Китая в мире, наряду с глобализацией и компьютеризацией [1].

Однако, несмотря на проблемы, которые встали перед развитыми государствами в XXI веке, они сохраняют высокую конкурентоспособность [4], а США остаются самой высокопроизводительной и эффективной страной мира, имеющей сбалансированную и конкурентоспособную экономику [2].

ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ВВП СТРАН МИРА...

Значительный ряд публикаций обращает внимание на существенную разницу в темпах экономического роста развитых и развивающихся стран в последнее двадцатилетие [1]. Причины более высоких и устойчивых темпов роста отдельных развивающихся стран, кроются в их экспортноориентированной политике при умеренном протекционизме [1,7].

Однако, и в настоящее время, развивающиеся страны не только опережают по темпам роста развитые страны. Их вклад в генерацию темпов роста мирового валового продукта постоянно возрастает, в отличие от прошлого столетия, когда МВП зависел от темпов роста экономически развитых стран [10]. Отчасти это объясняет постоянное изменение скорости мирового валового продукта [11], которая зависит от «инерции» развития мировой экономики в прошлых периодах, а также характеризует текущее состояние глобальной экономики, как неравновесное [10, 12].

В период с 2020 года по настоящее время большинство научных публикаций продолжает констатировать значительную неопределенность развития мировой экономики, вызванные Пандемией [8]; сравнивают экономические последствия текущей ситуации с предыдущими кризисными периодами в развитии мировой экономики [13].

Таким образом, литературный обзор позволяет сделать вывод о том, что проблематика темпов развития мировой экономики, факторов мирового валового и национальных валовых продуктов требует постоянного мониторинга и является актуальной, как с теоретической, так и с практической точек зрения.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Анализ параметрических данных показал, что за 20 лет XXI века мировая экономика выросла в 2,6 раза с 33,6 трлн. долл. США в 2000 году до 87,4 трлн. долл. США в 2019 году. Если относительные показатели прироста практически совпадают с предыдущим двадцатилетним периодом 1980-2000 гг. (прирост в 2,64 раза), то абсолютный показатель - в 2,4 раза больше. МВП за период 1980-2000 г. вырос на 21,3 трлн. долл. США, а за 2000-2020 гг. – на 51,2 трлн.долл. США. Наибольший темп годового прироста был достигнут в 2006 году и составил 4,53%.

За период 2000-2020 гг. относительные стабильные темпы роста МВП дважды нарушались значительными провалами вследствие глобальных потрясений: мирового финансово-экономического кризиса в 2009 г. и пандемией коронавируса в 2020 г. В 2020 году мировой валовой продукт уменьшился до 84,88 трлн. долл. с показателем прироста -3,56% (рис.1).

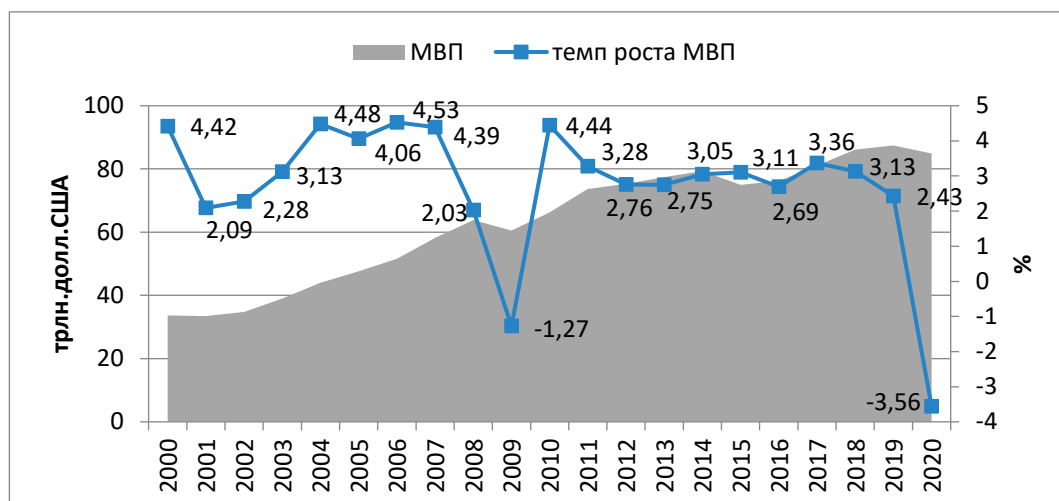

Рисунок 1. Динамика мирового валового продукта (трлн. долл. США) и темпов роста МВП (%), 2000-2020 гг.

Источник: построено авторами по данным ЮНКТАД

Как было отмечено выше, исходя из целей настоящего исследования, для анализа были отобраны 202 независимых государства, по которым имеются данные за период с 2000 по 2020 гг.

Наибольший показатель прироста в рассматриваемые годы наблюдается у Мьянмы (432,26%). При этом в первую десятку стран входит Китай, но отсутствуют развитые экономики (таблица 1).

Таблица 1.

Топ -10 стран с наибольшим и наименьшим приростом ВВП за 2000-2019 гг.

№	Страны с наибольшим приростом	прирост, %	№	Страны с наименьшим приростом	прирост, %
1.	Мьянма	432,26	1.	Ливия	-65,27
2.	Эфиопия	416,37	2.	Венесуэла	-50,01
3.	Китай	415,72	3.	Йемен	-32,11
4.	Катар	374,16	4.	Сирийская Арабская Республика	-24,80
5.	Мали	370,91	5.	Сан-Марино	-14,80
6.	Азербайджан	341,45	6.	Центрально-Африканская Республика	0,10
7.	Туркменистан	328,15	7.	Греция	1,04
8.	Руанда	308,48	8.	Италия	4,00
9.	Джибути	306,16	9.	Микронезия (Федеративные штаты)	6,94
10.	Таджикистан	303,75	10.	Аруба	8,17

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных ЮНКТАД

ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ВВП СТРАН МИРА...

Необходимо отметить, что наименьшие, а точнее, отрицательные показатели наблюдались у стран, имеющих значительные политические проблемы или военные действия на своей территории.

Мировым лидером по ВВП в текущих ценах в 2020 году остаются США (таблица 2). Однако, если в 2000 году конкуренцию им по объемам ВВП составить не могла ни одна страна (у второй в рейтинге Японии ВВП был в 3,5 раза меньше), то за 20 лет вплотную к лидеру подошел Китай, и его показатель ВВП составляет всего на четверть меньше. В этой связи можно предположить, что при таких высоких темпах роста, Китай вполне способен обогнать США по объемам ВВП в ближайшие годы.

В первой десятке стран по показателю ВВП произошли и другие изменения. В нее вошла Индия и заняла шестую позицию, а также на десятой позиции оказалась Южная Корея. Таким образом, в списке Топ-10 стран лидеров по ВВП не осталось места Канаде и Испании.

Таблица 2.

Топ-10 стран лидеров по ВВП в текущих ценах, млрд. долл. США, 2000 г., 2020 г.

Позиция в рейтинге	Страна	2000 год	Позиция в рейтинге	Страна	2020 год
1	США	13843	1	США	19371
2	Япония	3920	2	Китай	14653
3	Германия	2834	3	Япония	4334
4	Китай	2776	4	Германия	3394
5	Соединенное Королевство	2264	5	Соединенное Королевство	2805
6	Франция	2049	6	Индия	2565
7	Италия	1841	7	Франция	2395
8	Бразилия	1193	8	Италия	1745
9	Канада	1163	9	Бразилия	1735
10	Испания	970	10	Республика Корея	1618

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных ЮНКТАД

Наиболее демонстративно распределение стран по объемам ВВП и темпам роста ВВП за 20 лет представлено на диаграмме рассеивания (рис. 2).

Таблица 3.

Топ-10 стран с наибольшим и наименьшим приростом ВВП на душу населения за 2000-2019 гг.

№	Страны с наибольшим приростом	Прирост, %	№	Страны с наименьшим приростом	Прирост, %
1.	Китай	965,77	1.	Сомали	-54,46
2.	Республика Молдова	703,67	2.	Ливия	-33,00
3.	Казахстан	698,88	3.	Гамбия	-21,36
4.	Монголия	681,15	4.	Венесуэла	-2,26
5.	Народно-демократическая республика Лаос	673,89	5.	Сирия	-0,37
6.	Румыния	663,60	6.	Виргинские острова	2,28
7.	Мьянма	663,45	7.	Япония	4,53
8.	Туркменистан	643,89	8.	Сан-Марино	13,87
9.	Азербайджан	636,68	9.	Аргентина	20,14
10.	Армения	596,08	10.	ОАЭ	27,80

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных ЮНКТАД

Мировым лидером по росту ВВП на душу населения за 20 лет является Китай (965,77 %). Это объясняется высокими темпами роста ВВП и жесткой политикой ограничения рождаемости.

Передовые позиции также занимают Республика Молдова (703,67 %), Казахстан (698,88 %), Монголия (681,15 %). Российская Федерация находится на 13 месте по росту ВВП на душу населения в период 2000-2019 гг.

Как было отмечено ранее в литературном обзоре, на экономический рост страны могут оказывать влияние как внутренние, так и внешние факторы. В условиях глобализации, тесной взаимосвязи и взаимозависимости национальных экономик, огромное влияние на экономический рост стран, оказывают внешнеэкономические факторы.

Мировой экспорт вырос за рассматриваемый период в 2,7 раза с 6,45 трлн. долл. США в 2000 г. до 19,02 трлн. долл. в 2019 г. со снижением в 2020 г. на -7,36% до 17,619 трлн. долл. США.

Для оценки влияния внешней торговли, а точнее – экспорта на экономический рост стран были рассчитаны коэффициенты корреляции товарного экспорта и ВВП по 80 странам мира, которые вносят наибольший вклад в МВП и активно участвуют в МРТ.

Результаты анализа показали, что большинство стран выборки имеют достаточно высокий коэффициент корреляции экспорта и ВВП. В целом, страны можно разделить на группы по размеру коэффициента корреляции (таблица 4).

Таблица 4.

Классификация стран по коэффициенту корреляции товарного экспорта и ВВП

Значение коэффициента	Страны
$0,900 \leq r \leq 1,0$	Вьетнам, Польша, Мексика, Словакия, Бразилия, Чехия, Молдова, Грузия, Словения, Болгария, Китай, Таиланд, Филиппины, Румыния, Турция, Ирландия, Швейцария, Республика Корея, Армения, Перу, ОАЭ, Уругвай, Парагвай, Литва, ЮАР, Аргентина, Эквадор, Нидерланды, Австрия, Беларусь, Йемен
$0,800 \leq r \leq 0,899$	США, Австралия, Сингапур, Индия, Новая Зеландия, Хорватия, Малайзия, РФ, Венгрия, Эстония, Венесуэла, Бельгия, Латвия, Чили, Египет, Германия, Украина, Испания, Кыргызстан, Индонезия, Франция, Узбекистан
$0,700 \leq r \leq 0,799$	Пакистан, Канада, Азербайджан, Соединенное Королевство, Израиль, Катар, Финляндия, Иран, Ирак, Кувейт, Оман, Дания, Швеция, Колумбия
$0,400 \leq r \leq 0,699$	Казахстан, Япония, Кипр, Саудовская Аравия Португалия, Туркменистан, Нигерия, Куба, Таджикистан
r менее 0,400	Норвегия (0,396), Люксембург (0,231), Италия (0,055), Греция (-0,455)

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных ЮНКТАД

Чем ближе значение коэффициента к единице, тем с большей уверенностью можно утверждать, что между двумя рассматриваемыми совокупностями переменных существует линейная связь.

Наиболее многочисленную группу составили страны с показателем коэффициента корреляции в диапазоне от 0,900 до 1, что говорит об очень высокой степени взаимосвязи товарного экспорта и ВВП этих стран. Возглавил эту группу с самым высоким показателем по миру - Вьетнам.

Значительное количество государств входит и во вторую группу, с показателем коэффициента корреляции в диапазоне от 0,800 до 0,899, что также свидетельствует о высокой степени влияния товарного экспорта на ВВП этих стран.

Третью группу составили страны с коэффициентом корреляции от 0,700 до 0,799. Коэффициент попадает в диапазон, при котором связь допустимо считать тесной, хотя она и слабее, чем в предыдущих группах.

В четвертую группу вошли страны, которые имеют коэффициенты корреляции, показывающие отсутствие значимой связи между экспортом и ВВП.

Пятую группу составили такие страны как Норвегия, Люксембург, Италия и Греция. Если у первых трех стран показатель хоть и низкий, но положительный, то Греция имеет отрицательное значение.

Далее были рассчитаны коэффициенты корреляции экспорта услуг и ВВП, которые, также, показали высокую зависимость у большинства стран между этими показателями (таблица 5).

Таблица 5.

Классификация стран по коэффициенту корреляции экспорта услуг и ВВП

Показатель коэффициента	страны
$0,900 \leq r \leq 1,0$	Аргентина, Армения, Австралия, Австрия, Азербайджан, Беларусь, Бельгия, Бразилия, Болгария, Канада, Китай, Колумбия, Хорватия, Куба, Кипр, Чехия, Эквадор, Эстония, Франция, Грузия, Германия, Индия, Ирак, Ирландия, Израиль, Япония, Казахстан, Латвия, Литва, Люксембург, Мексика, Молдова, Нидерланды, Новая Зеландия, Оман, Перу, Филиппины, Польша, Катар, Румыния, Российская Федерация, Сингапур, Словакия, Словения, Испания, Швеция, Швейцария, Соединенное Королевство, США, Уругвай, Узбекистан, Венесуэла, Вьетнам, Таиланд
$0,800 \leq r \leq 0,899$	Дания, Финляндия, Венгрия, Индонезия, Иран, Республика Корея, Норвегия, Пакистан, Парагвай, ЮАР, Турция, Украина, ОАЭ,
$0,700 \leq r \leq 0,799$	Чили, Кыргызстан, Малайзия, Саудовская Аравия
$0,400 \leq r \leq 0,699$	Египет, Кувейт, Нигерия, Португалия, Йемен
r менее 0,400	Греция (0,274), Италия (0,275), Таджикистан (0,275)

Источник: рассчитано и составлено авторами на основе данных ЮНКТАД

С целью визуализации показателей коэффициентов корреляции товарного экспорта и ВВП и корреляции экспорта услуг и ВВП по странам мира, с использованием программы Statistika, была построена диаграмма рассеивания (рис.3).

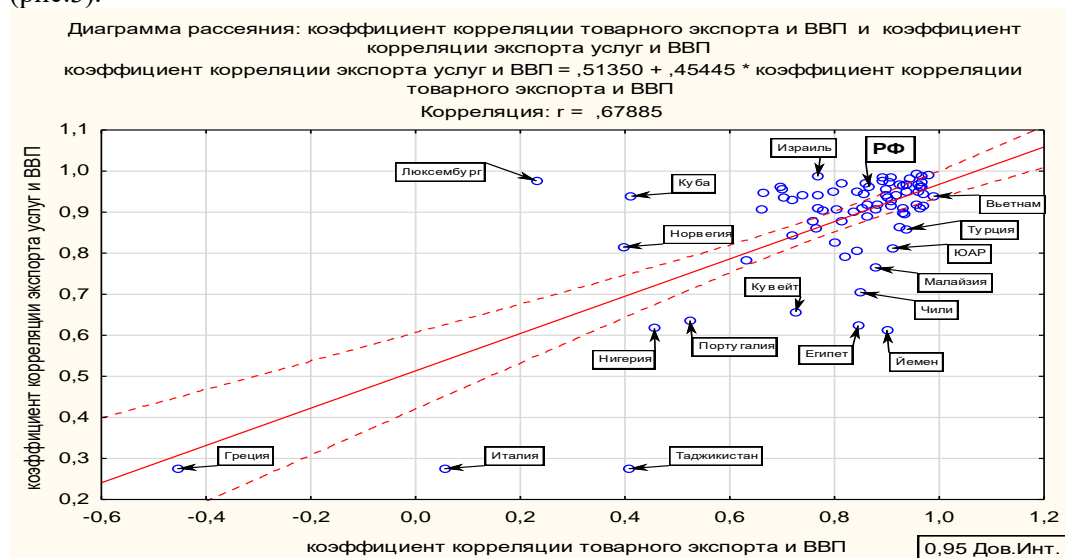

Рисунок 3. Диаграмма рассеивания коэффициентов корреляции товарного экспорта и ВВП (ось X) и корреляции экспорта услуг и ВВП (ось Y) по странам мира (80 стран).

Источник: рассчитано авторами на основе данных ЮНКТАД

Страны, расположенные ниже от осевой линии имеют большую зависимость экономического роста от товарного экспорта. Страны, расположенные выше – от экспорта услуг.

При низких показателях корреляции, большее влияние на экономический рост стран могут оказывать другие различные факторы, как внутренние, так и внешние.

Например, для Греции – это рецессия вследствие мирового финансового кризиса 2009 году, которая усиливалась, начиная с 2010 года, вследствие налогово-бюджетной диспропорции. В итоге, правительство вынуждено было принять трехстороннюю финансовую поддержку со стороны ЕС, МВФ и ЕЦБ.

ВЫВОДЫ

Таким образом, из проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на значительный рост объемов МВП, нестабильность темпов его роста позволяют констатировать неустойчивость мировой экономики в первые 20 лет ХХ1 столетия. В конце каждого десятилетнего периода рост мировой экономики (в 2009 г. и 2020 г.), нарушался глобальными потрясениями: мировым финансово-экономическим кризисом и пандемией коронавируса.

2. Наибольшие темпы экономического роста имеют страны слаборазвитые или с переходной экономикой (за исключением Китая).

3. Несмотря на сохранение ведущей роли в мировой экономике США, наблюдается значительное усиление позиций Китая, Индии, Республики Корея и других новых индустриальных стран.

4. Страны с наименьшими показателями экономического роста, как правило, имеют на своей территории массовые политические конфликты или военные действия.

5. Мировой экспорт с 2000 по 2019 год вырос в 2,7 раза и превысил рост мирового производства.

6. Рост ВВП большинства стран мира находится в сильной взаимной зависимости от объемов экспорта товаров и услуг.

Работа выполнена при поддержке РФФИ. Проект «Фундаментальные закономерности и технологии использования эволюционно-генетических и институциональных механизмов экономического роста и развития» № 20-010-00323-А.

Список литературы

1. Варнавский В. Драйверы мировой экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2020. том 64. № 7. С. 5-16.
2. Варнавский В. Экономический рост в США: тренды и факторы // Мировая экономика и международные отношения. 2016. т. 60. № 2. С. 26-39.
3. Марцинкевич В. Мировая экономика в ХХ веке, потрясающие достижения и серьезные проблемы. Национальная модель социально-экономического развития // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 1. С. 3-26.

ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ И ВВП СТРАН МИРА...

4. Мельянцеv В.А. Сдают ли развитые страны развивающимся свои позиции? // *Мировая экономика и международные отношения*. №12. 2009. С.3-18.
5. Фридман Л., Кузнецова С. Глобализация: развитые и развивающиеся страны// *Мировая экономика и международные отношения*. 2000. № 10.
6. Шишков Ю. Международное разделение производственного процесса меняет облик мировой экономики// *Мировая экономика и международные отношения*. 2004. №10. С. 15-20.
7. Эльянов А. Мировой экономической кризис и развивающиеся страны// *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 10. С.24-32.
8. Altig D., Baker S., Barrero J.M., Bloom N., Bunn P., Chen S., Davis S.J., Leather J., Meyer B., Mihaylov E., Mizen P., Parker N., Renault T., Smietanka P., Thwaites G. Economic uncertainty before and during the COVID-19 pandemic // *Journal of Public Economics*. 2020. P. 191.
9. Born B., Breuer S., Elstner S. Uncertainty and the Great Recession // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2018, № 80 (5), pp. 951-971.
10. Kilyachkov A., Chaldaeua L., Kilyachkov N. Description of world GDP rate changes by using discrete dynamic model // *Business and Economic Horizons*. 2017. № 13(1), pp. 77-96.
11. Kilyachkov A., Chaldaeua L., Kilyachko, N. Application of discrete dynamic model for the assessment of stability of the world economy development // *Business and Economic Horizons*. 2018. № 14(1), pp. 75-84.
12. Korotayev A.V., Bilyuga S.E., Shishkina A.R. Which countries generate Kondratieff waves in global GDP growth rate dynamics in the contemporary world? // *Journal of Globalization Studies*. 2020. № 11(1), pp. 33-63.
13. World Trade Statistical Review 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2020_e/wts20_toc_e.htm

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

УДК 339.92(4:477):332.1(043.5)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЕВРОРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Горда А. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: alx7777@mail.ru

Изучены теоретические и практические аспекты реализации еврорегиональной политики. Систематизированы формы еврорегионального сотрудничества. Проанализированы особенности функционирования еврорегионов, рабочих содружеств и региональных советов, как наиболее распространённых форм еврорегионального сотрудничества, систематизированы цели и задачи их функционирования и приоритеты развития. Выделены главные направления и стратегические ориентиры развития еврорегионального сотрудничества в европейских странах. *Определены характеристики и признаки* экономического воздействия еврорегиональных структур на развитие приграничных регионов сопредельных государств. Изучены особенности формирования Европейских группировок по территориальному сотрудничеству. Выделены направления активизации ВЭД регионов стран Европы в рамках трансграничной кооперации. Отмечена особая роль еврорегионального сотрудничества в процессах активизации ВЭД регионов европейских стран.

Ключевые слова: регион, еврорегион, еврорегиональное сотрудничество, межрегиональное сотрудничество, трансграничное сотрудничество, еврорегиональные образования, внешнеэкономическая деятельность, активизация внешнеэкономической деятельности.

ВВЕДЕНИЕ

Внешнеэкономические связи являются существенным рычагом ускорения социально-экономического развития нашей страны и ее регионов, средством реализации ключевых интеграционных ориентиров. В условиях ограниченности ресурсов и финансовых возможностей принципиальное значение приобретает усиление сотрудничества с соседними странами, которое имеет дополнительный потенциал для активизации внешнеэкономической деятельности (ВЭД) регионов, углубляет социально-экономические, научно-технологические, культурно-образовательные связи между ними, усиливает их устойчивость и ориентацию на повышение качества жизни населения.

Социально-экономический рост и улучшение инвестиционной привлекательности регионов в значительной степени зависят от определения стратегических ориентиров налаживания внешнеэкономических связей с учетом зарубежного опыта развития трансграничного сотрудничества. В качестве одного из ориентиров может быть рассмотрен опыт развития еврорегионального сотрудничества европейских стран. Это обуславливает необходимость теоретико-методического обоснования концептуальных основ формирования механизма активизации ВЭД, практического внедрения эффективных форм еврорегионального сотрудничества.

Многие аспекты исследования процессов развития трансграничного и еврорегионального сотрудничества широко представлены в работах отечественных и зарубежных ученых: Вардомского Л.Б. [1], Давыденко Л. Н. [2], Заречной Е. В. [3],

Кузнецова А. В., Кузнецовой О. В. [4], Плотниковой О. [5], Рустамовой Л. Р. [6], Черномаз П. А. [7], Р. Бальме, Б. Жуве [8], Богатыревой О. Н., Переваловой А. А. [12],

Иванова И. Д. [13], Микулы Н. А. [15] и др. Однако, несмотря на значительный объем публикаций по исследуемой тематике, актуальным остаётся исследование зарубежного опыта развития еврорегионального сотрудничества, недостаточно разработанными остаются вопросы организационно-экономического обеспечения активизации ВЭД региона в условиях еврорегионального сотрудничества.

Цель статьи – изучить организационно-экономические аспекты развития процессов еврорегионального сотрудничества и развития внешнеэкономической деятельности регионов на примере европейских стран.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Для сокращения уровня межрегиональных социально-экономических диспропорций и повышения уровня результативности и эффективности внешнеэкономической интеграции в странах Западной Европы успешно проводится еврорегиональная политика, дополняющая и усиливающая региональную политику стран Западноевропейского региона. ВЭД субъектов еврорегионального сотрудничества предусматривает возможность получения ими определенных экономических выгод благодаря внешнеэкономическим связям бизнес-структур, преимуществам международного разделения труда и т.д.

Еврорегиональное сотрудничество развивается преимущественно в рамках еврорегионов. В научных источниках можно найти немало дефиниций, раскрывающих эту категорию. Большинство определений понятия «Еврорегион» близки по смыслу и мало различаются между собой. Еврорегион является своеобразным экономическим объединением регионов сопредельных стран, характеризующимся наличием общей системы управления и финансирования этой деятельности.

Как классические, так и новые формы трансграничного сотрудничества, классифицируются по различным признакам. Британские исследователи Оксфордского университета Р. Бальме и Б. Жуве по географическому признаку выделяют малые инициативные формы, такие как «еврорегионы» и крупные инициативные формы - «рабочие содружества». В организационную структуру Рабочего содружества, как правило, относят Генеральную ассамблею, исполнительный комитет, тематические рабочие группы и секретариат. Их деятельность, как правило, ограничивается общими декларациями и обменом информацией. Однако некоторые рабочие содружества, такие как «Атлантическая дуга», приняли участие в реализации проектов в рамках программы Interreg, получив финансирование Европейского фонда регионального развития (ЕФРР) [8].

Юридически сотрудничество может принимать различные формы - от неформальных до юридически оформленных. Трансграничное сотрудничество в рамках еврорегионов развивается на определённых территориях в радиусе от 50 до 100 км, население которых, как правило, составляет лишь несколько миллионов человек. Как правило, к сотрудничеству в рамках еврорегионов привлечены местные

органы власти, реже - региональные. В настоящее время Агентства регионального развития, ассоциации и торговые палаты становятся официальными членами еврорегионов [9].

Формы еврорегионального сотрудничества также можно классифицировать по степени сотрудничества их приграничных регионов. Так, например, некоторые из них ограничиваются исключительно торжественными встречами, а другие инициативы направлены на длительное эффективное сотрудничество. Для оценки сотрудничества, Ассоциацией европейских приграничных регионов (АЕПР) предложена следующая классификация еврорегиональных форм: сотрудничество, основанное на правовом механизме. Такие формы еврорегионального взаимодействия создают совместный орган - постоянно действующий секретариат управления собственными ресурсами; еврорегиональные формы, которые в своих уставных документах имеют четко указанные стратегии развития; формы еврорегионального сотрудничества, которые взаимодействуют в различных отраслях, а их инициативы базируются на принципах Мадридской рамочной конвенции (1980 г.) [10].

Еврорегиональные структуры отличаются размерами и организационными структурами. По разным данным их насчитывается от 50 до 189, однако некоторые из них только задекларировали свое создание. Экономический эффект такой организационной формы проявляется в налаживании внешнеэкономических связей, создании режимов, наиболее благоприятных для экспортно-импортной деятельности предприятий с целью сохранения и создания новых рабочих мест.

Наибольший опыт еврорегионального сотрудничества имеет ФРГ. Такие объединения действуют вдоль границ страны с Данией, Нидерландами, Бельгией, Францией, Швейцарией, Австрией, Чехией и Польшей. Наиболее развитыми структурами являются: «Еурегио» (ФРГ, Нидерланды), «Рейн-Вааль» (земли Северная Рейн-Вестфалия и Нижняя Саксония, приграничные территории Нидерландов), «Эмс-Долларт» (ФРГ, Нидерланды), «Маас-Рейн» (Бельгия, ФРГ, Нидерланды), «Рейн-Маас-Север» (ФРГ, Нидерланды), «Верхний Рейн Бодензее» (ФРГ-Швейцария), «Про Европа Виадрина» (ФРГ, Польша), «Нейсе-Ниса-Ныса» (ФРГ, Польша, Чехия) и др.

Основными целями еврорегионов на внутренних границах ЕС является признание главной роли межнациональных инициатив, направленных на решение особых экономических, экологических и социальных проблем в смежных регионах. Эти объединения (многие из них имеют трансграничные местные «парламенты») представляют собой дополнительное звено региональной «администрации» и играют решающую роль в предоставлении европейской помощи для регионального развития в пограничные регионы [11].

Анализируя разработку стратегий развития европейскими регионами, нельзя не обратить внимание на тенденции разработки ими совместных программ и создание других форм межрегионального и трансграничного сотрудничества. Рабочие содружества охватывают крупные трансграничные структуры и другие формы трансграничного сотрудничества в Европе (табл. 1).

Таблица 1

Рабочие Содружества и другие формы трансграничного сотрудничества в Европе

Название трансграничной структуры	Год основания	Страны
Рабочее содружество Центральных Альп (ARGE ALP)	1972	ФРГ/Швейцария/Австрия/Италия
Рабочее содружество «Альпы-Адриатика» (ARGE ALPEN ADRIA)	1978	Австрия/ФРГ/Чехия/Италия/Венгрия/Словения/Хорватия
Рабочее содружество Западных Альп (COTRAO)	1982	Швейцария/Франция/Италия
Рабочее содружество Пиренеев (СТР)	1983	Испания/Франция/Андорра
Рабочее содружество «Юра» (СТJ)	1985	Чехия/Франция
Рабочее содружество «Галисия - Северная Португалия» (с 2008 г. еврорегион)	1991	Португалия/Испания
Рабочее содружество «Экстремадура-Алентежио»	1992	Португалия/Испания
Рабочее содружество Дунайских стран (ARGE Donauländer)	1993	ФРГ/Австрия/Словения/Хорватия/Венгрия/Сербия/Болгария/Румыния/Украина/Молдова
Еврорегион «Север»	1991	Бельгия/Франция/ Великобритания
Ассоциация «Карпатский еврорегион»	1993	Венгрия/Польша/Украина/Словакия/Румыния
Ассоциация еврорегиона «Балтика»	1998	Польша/ Словакия/Литва/Латвия/Дания/Швеция/Россия
Интеррегио «Новая Ганза»	1991	ФРГ/Нидерланды
Регио «Саар-Лор-Люкс»	1995	ФРГ/Бельгия/Франция/Люксембург
Международная пограничная Конференция	1972	Австрия/Чехия/ФРГ/Финляндия
Средиземноморское содружество (IMEDOC)	1995	Франция (о. Корсика)/ Испания (Балеарские о-ва)/ Италия (о. Сардиния)
Ирландское содружество	1995	Великобритания/Ирландия
Регио Трирена	1995	Чехия/ФРГ/Франция

Составлено автором на основе [9]

В большинстве случаев эти структуры основаны на «договорах о сотрудничестве» или «рабочих протоколах», между территориальными единицами первого уровня, реже - между местными органами власти или организациями, которые согласились на сотрудничество. Рабочие содружества имеют целью распространение региональной идентичности во всех регионах, которые характеризуются историко-географическим и культурным сходством [10].

Особого внимания заслуживает анализ структуры и особенностей функционирования на основе регионального сотрудничества рабочих содружеств и ассоциаций (рис. 1).

Ассамблея Европейских Регионов (АЕР) (270 регионов из 33 стран, 16 межрегиональных ассоциаций)			
→	<table border="1"> <tr> <td style="text-align: center;">Рабочее содружество Центральные Альпы (ARGEALP)</td> <td>Поощряется понимание и усиление ответственности за сохранение естественности альпийского пространства, его экологического баланса. Осуществляется координация пространственных планирующих методов в сфере транзитных перевозок, интенсификации экономического сотрудничества, здравоохранения, семьи и молодежи.</td> </tr> </table>	Рабочее содружество Центральные Альпы (ARGEALP)	Поощряется понимание и усиление ответственности за сохранение естественности альпийского пространства, его экологического баланса. Осуществляется координация пространственных планирующих методов в сфере транзитных перевозок, интенсификации экономического сотрудничества, здравоохранения, семьи и молодежи.
Рабочее содружество Центральные Альпы (ARGEALP)	Поощряется понимание и усиление ответственности за сохранение естественности альпийского пространства, его экологического баланса. Осуществляется координация пространственных планирующих методов в сфере транзитных перевозок, интенсификации экономического сотрудничества, здравоохранения, семьи и молодежи.		
→	<table border="1"> <tr> <td style="text-align: center;">Рабочее содружество Западных Альп (COTRAO)</td> <td>Обмен информацией и координация решений регионов-членов; внедрение политических инициатив. Создана электронная сеть Западных Альп, внедрена программа проведения молодежных зимних и летних игр; контроль над французско-итальянским трансграничным сотрудничеством; политическое согласование вопросов получения кредитов в рамках европейской программы Interreg и т. п.</td> </tr> </table>	Рабочее содружество Западных Альп (COTRAO)	Обмен информацией и координация решений регионов-членов; внедрение политических инициатив. Создана электронная сеть Западных Альп, внедрена программа проведения молодежных зимних и летних игр; контроль над французско-итальянским трансграничным сотрудничеством; политическое согласование вопросов получения кредитов в рамках европейской программы Interreg и т. п.
Рабочее содружество Западных Альп (COTRAO)	Обмен информацией и координация решений регионов-членов; внедрение политических инициатив. Создана электронная сеть Западных Альп, внедрена программа проведения молодежных зимних и летних игр; контроль над французско-итальянским трансграничным сотрудничеством; политическое согласование вопросов получения кредитов в рамках европейской программы Interreg и т. п.		
→	<table border="1"> <tr> <td style="text-align: center;">Рабочее содружество «Альпы-Адриатика» (ARGEALPENADRIA)</td> <td>Транспортное сообщение, наземный и водный транспорт, в частности портовое движение, производство и передача энергии, использование водных ресурсов, сельское хозяйство, лесоводство, туризм, экология, охрана окружающей среды, сохранение культурного наследия и рекреационных зон, развитие населенных пунктов, налаживание культурных и коммуникационных связей, научно-техническое сотрудничество, территориальное планирование и т. п.</td> </tr> </table>	Рабочее содружество «Альпы-Адриатика» (ARGEALPENADRIA)	Транспортное сообщение, наземный и водный транспорт, в частности портовое движение, производство и передача энергии, использование водных ресурсов, сельское хозяйство, лесоводство, туризм, экология, охрана окружающей среды, сохранение культурного наследия и рекреационных зон, развитие населенных пунктов, налаживание культурных и коммуникационных связей, научно-техническое сотрудничество, территориальное планирование и т. п.
Рабочее содружество «Альпы-Адриатика» (ARGEALPENADRIA)	Транспортное сообщение, наземный и водный транспорт, в частности портовое движение, производство и передача энергии, использование водных ресурсов, сельское хозяйство, лесоводство, туризм, экология, охрана окружающей среды, сохранение культурного наследия и рекреационных зон, развитие населенных пунктов, налаживание культурных и коммуникационных связей, научно-техническое сотрудничество, территориальное планирование и т. п.		
→	<table border="1"> <tr> <td style="text-align: center;">Рабочее содружество Пиренеев (СТР)</td> <td>Сотрудничество в сфере туризма, транспорта, охраны окружающей среды, развития малых городов и сел, в частности представление их интересов в органах Средиземноморского экономического сотрудничества и структурах Евросоюза.</td> </tr> </table>	Рабочее содружество Пиренеев (СТР)	Сотрудничество в сфере туризма, транспорта, охраны окружающей среды, развития малых городов и сел, в частности представление их интересов в органах Средиземноморского экономического сотрудничества и структурах Евросоюза.
Рабочее содружество Пиренеев (СТР)	Сотрудничество в сфере туризма, транспорта, охраны окружающей среды, развития малых городов и сел, в частности представление их интересов в органах Средиземноморского экономического сотрудничества и структурах Евросоюза.		
→	<table border="1"> <tr> <td style="text-align: center;">Рабочее содружество «Юра» (СТЈ)</td> <td>Одно из направлений «Альпийской дуги». Создание совместной программы экономического и социального развития французского региона Франш-Конте и четырех приграничных кантонов Швейцарии.</td> </tr> </table>	Рабочее содружество «Юра» (СТЈ)	Одно из направлений «Альпийской дуги». Создание совместной программы экономического и социального развития французского региона Франш-Конте и четырех приграничных кантонов Швейцарии.
Рабочее содружество «Юра» (СТЈ)	Одно из направлений «Альпийской дуги». Создание совместной программы экономического и социального развития французского региона Франш-Конте и четырех приграничных кантонов Швейцарии.		
→	<table border="1"> <tr> <td style="text-align: center;">Рабочее содружество «Экстремадура-Алентежио»</td> <td>Содействие органам местной администрации в разработке стратегии испанско-португальского трансграничного сотрудничества, отвечающего положению инициативы Interreg.</td> </tr> </table>	Рабочее содружество «Экстремадура-Алентежио»	Содействие органам местной администрации в разработке стратегии испанско-португальского трансграничного сотрудничества, отвечающего положению инициативы Interreg.
Рабочее содружество «Экстремадура-Алентежио»	Содействие органам местной администрации в разработке стратегии испанско-португальского трансграничного сотрудничества, отвечающего положению инициативы Interreg.		
→	<table border="1"> <tr> <td style="text-align: center;">Рабочее содружество Дунайских стран</td> <td>Содействие трансграничному сотрудничеству ее членов для развития Дунайского региона в интересах его жителей и мирного сотрудничества в Европе.</td> </tr> </table>	Рабочее содружество Дунайских стран	Содействие трансграничному сотрудничеству ее членов для развития Дунайского региона в интересах его жителей и мирного сотрудничества в Европе.
Рабочее содружество Дунайских стран	Содействие трансграничному сотрудничеству ее членов для развития Дунайского региона в интересах его жителей и мирного сотрудничества в Европе.		

Рисунок 1. Цели и направления деятельности Рабочих содружеств
Составлено автором на основе [12-15]

Основные направления еврорегионального сотрудничества, стимулирующие пространственное планирование и реализацию конкретных мер, решение общих проблем как на национальном, субрегиональном, так и на местном уровнях, представлены в таблице 2.

Таблица 2

Главные направления еврорегионального сотрудничества в европейских странах

Стратегические ориентиры	Характеристика мер еврорегионального сотрудничества	Примеры проектов в рамках еврорегиональных программ
1	2	2
Повышение экономической эффективности развития региона	Развитие сотрудничества между малыми и средними предприятиями, в частности предпринимательской кооперации	«Кроссбо» - установление партнерских отношений между малыми и средними предприятиями и бизнес-структурами
	Создание новых рабочих мест для работников, занятых в пограничной инфраструктуре	«Конфедерация британской промышленности, ирландской бизнес-структуры, работодателей и трансграничных торговых инициатив» (Северная Ирландия/Великобритания)
	Разработка общих экономических, социальных и экологических трансграничных проектов	"ISLES" (Ирландия/Великобритания) 2000-2010 гг.
	Повышение конкурентоспособности предприятий трансграничного объединения	"MIAS" (ФРГ/Франция) - «Платформа для внедрения технических инноваций в устаревшие отрасли экономики»; "Maristar" (ФРГ/Нидерланды) - «Поддержка судостроительной отрасли»
	Стимулирование развития существующих в пределах отдельных регионов пограничных малых и средних городов	«Новое урбанистическое и рураллистическое сотрудничество» (Великобритания/Северная Ирландия)
	Стимулирование торгового обмена научно-технической, промышленной и сельскохозяйственной продукцией	«Беспроводный оздоровительный контроль» (ФРГ/Нидерланды)
Оптимизация транспортной и коммуникационной сферы	Улучшение и модернизация региональной системы транспортного сообщения	«Стратегия региональной транспортировки и улучшения транспортной инфраструктуры» (Северная Ирландия/Великобритания)
	Развитие трансграничной информационной и телекоммуникационной связи	«Трансграничная кооперация телекоммуникаций, энергетической отрасли и утилизации отходов» (Великобритания/Ирландия)
	Создание трансграничных планировочных коридоров для автомобилей, перевозок товаров и обмена услугами	«Модель полицентричного развития», «Трансграничные планировочные коридоры (Дундалк-Невр)» (Великобритания/Северная Ирландия)
	Эффективность устойчивого развития транспортной инфраструктуры	«Создание 10 железнодорожных и автомобильных путей и аэропорта в г. Дерби» (Великобритания/Северная Ирландия)

1	2	2
Развитие туристической сферы	Создание общих центров международного еврорегионального туризма	"СТЕР" («Устойчивый туризм в эстуариях парков») (Великобритания/Бельгия/Нидерланды) (2008-2012 гг.)
	Общая организация рекламных компаний и интенсификация развития туризма	«Трансграничный туристический маркетинг» (ФРГ/Нидерланды), «Интеграция туристической индустрии и сохранение культурного наследия» (Великобритания/Северная Ирландия)
	Содействие организации новых видов туризма	«Green Vox Tourism Project» (Великобритания/Северная Ирландия).
Охрана природы и защита окружающей среды	Создание трансграничных рекреационных зон, биотопов, естественных и ландшафтных территорий или заповедников	42 проекта в рамках Interreg VA «Австрия - Словакия»; 33 проекта в рамках программы Interreg VA «Северная Ирландия-Уэльс»
	Проведение исследований с обеих сторон границы в рамках проверки возможного загрязнения окружающей среды	«Пространственное развитие взаимозависимых регионов» (ФРГ); «Пространственное развитие и снижение риска наводнений» (ФРГ)
	Создание международных баз данных и систем раннего экологического оповещения с целью предотвращения промышленных катастроф и защиты окружающей среды	«REKLIP»; «Улучшение механизмов безопасности», «Угроза окружающей среде / Проблемы дезактивации и дегазации»; «На пути к улучшению информирования» (ФРГ/Швейцария/Франция)
Улучшение социального обеспечения	Научно-техническое сотрудничество, развитие общих структур и информационно-коммуникационных систем	"CAWT" - «Общие действия и сотрудничество» (Северная Ирландия/Великобритания).
	Медицинская помощь и здравоохранение	"SINCBR" - «Совершенствование отрасли здравоохранения» (Великобритания/Нидерланды/Северная Ирландия). Всего 12 проектов при участии Северной Ирландии и 6 соседних стран.
	Совершенствование сферы внутренней безопасности еврорегионального рынка труда	"CBAR" - «Немецко-датская спасательная авиаслужба».

Составлено автором на основе [16-31]

Рабочие содружества объединяют не только смежные приграничные регионы соседних стран, но и значительно большие территории. Большинство еврорегиональных структур ограничивают создание большого количества рабочих групп в различных отраслях хозяйства региона для более тесного их сотрудничества.

Особенности Рабочих содружеств и других форм трансграничного сотрудничества состоят в том, что они, во-первых, действуют постоянно; во-вторых, некоторые из них, например, «Ирландская центральная пограничная сеть», функционирующая на ирландско-британской границе отличается своей идентичностью, тогда как португальско-испанское рабочее сообщество «Галисия-Норте» стремится сохранять идентичность своих членов; в-третьих, члены такого сообщества выбирают секретариат и комитеты (рабочие группы) из представленных членов, которые, в свою очередь, проводят регулярные встречи; в-четвертых, все

члены Рабочих содружеств имеют одинаковые полномочия в принятии решений.

Большинство Рабочих содружеств не имеют единой международной законной основы. Использование протокола как «законной силы» для сотрудничества не дает всем этим структурам одинакового права финансировать проекты и проводить собственную трансграничную политику. Рабочие содружества через национальные правительства потенциально могут быть привлечены к реализации управленческих программ. Еврорегиональная структура «Галисия-Северная Португалия», в отличие от других подобных трансграничных структур, была активно вовлечена в планирование и управление в рамках программы Interreg. В частности, считается, что географически меньшие и компактно сосредоточенные трансграничные структуры, такие как например «Галисия-Северная Португалия» играют важную роль в реализации трансграничных проектов.

Ярким примером других форм еврорегионального сотрудничества, относящихся к категории Рабочих содружеств или ассоциаций, является и «Карпатский Еврорегион». Эта крупная межрегиональная ассоциация охватывает приграничные территории Польши, Словакии, Венгрии, Украины и Румынии, инициировала реализацию программы «Карпатское пространство», в частности создание совместной операционной программы ЕС на период 2014-2020 гг.

Еще одной формой еврорегионального сотрудничества, имеющей собственные стратегические схемы управления, является Региональный совет (Regionalrat), в который входят избранные политические деятели от региональных властей с каждой стороны границы. Так, в 1993 г. был основан австрийско-венгерский Региональный совет, который охватывает такие пограничные единицы, как Дьер-Мосон-Шопрон и Вац. Специальные рабочие группы имеют целью создать новый еврорегион с участием приграничных регионов Австрии и Венгрии. Поэтому Региональный совет - это первый шаг в этом направлении. Региональный совет - консультативно-совещательный орган, образованный в целях разработки и внедрения стратегического подхода к развитию европейских приграничных регионов, способствует осуществлению мер, реализуемых местными органами власти, местным самоуправлением, общественными организациями и другими партнерами, которые привлечены к выполнению еврорегиональных проектов.

Наконец, существуют также международные неправительственные организации, относящиеся к частным или общественным структурам. Например, «Ирландское сотрудничество», которое было инициировано в 1979 г. ведущими специалистами деловых бизнес-структур, а также учеными, деятелями академического сектора. В рамках этой ирландско-британской структуры было реализовано немало проектов, которые, в свою очередь, способствовали укреплению международного понимания и сотрудничества в экономической и социально-культурной жизни жителей приграничья.

Еврорегиональные структуры имеют значительное экономическое воздействие на развитие приграничных регионов сопредельных государств (табл. 3).

Таблица 3

Субъекты и ключевые характеристики форм еврорегионального сотрудничества
(ЕРС)

	<i>Формы ЕРС</i>	<i>Субъекты ЕРС</i>	<i>Определяющие характеристики и признаки</i>
Традиционные формы	Еврорегионы	Местные органы власти, территориальные общины.	Трансграничное региональное объединение, которое развивается по согласованным планам и проектам, разрабатывает общие комплексные программы экономического, культурного и гуманитарного взаимодействия
	Рабочие содружества	Территориальные общины, реже - органы местного самоуправления.	Трансграничные и межрегиональные структуры, которые включают территории регионов отдельных государств и целые национальные государства, содействуют укреплению связей между регионами с похожими социокультурными традициями и реализации общих инициатив, осуществляют обмен информацией.
	Трансграничные ассоциации	Местные и региональные органы власти как пограничных регионов, так и трансграничных структур.	Межрегиональные объединения, созданные для защиты и лоббирования интересов своих членов в ЕС и для решения конкретных проблем трансграничного характера.
	Региональные советы	Представители политических кругов от региональной власти из каждой стороны границы.	Консультативно-совещательный орган, который содействует укреплению международного понимания и сотрудничества в экономической, социальной и культурной жизни жителей приграничья и предоставляет помощь в подготовке к созданию новых еврорегионов.
Новые формы	Европейские группировки по территориальному сотрудничеству	Органы национальной, региональной местной власти и общественные организации, а также другие заинтересованные юридические лица.	Юридические учреждения, которые реализуют сотрудничество на всех трех уровнях региональной политики ЕС: трансграничном, транснациональном и межрегиональном.
	Трансграничные кластеры	Органы власти, предпринимательские структуры или компании, учреждения развития сотрудничества, исследовательские объединения, финансовые учреждения.	Отраслевое территориальное объединение предпринимательских структур, которые тесно сотрудничают с научно-образовательными учреждениями, общественными организациями и органами местной власти с целью повышения конкурентоспособности собственной продукции и содействуют экономическому развитию трансграничного региона.
	Трансграничные агломерации	Муниципалитеты пограничных городов и регионов.	Сосредоточение и формирование между городами и поселениями с обеих сторон границы постоянных общественно-политических и социально-экономических контактов на основе обслуживания пограничного движения населения.
	Трансграничные партнерства	Территориальные общины, их местные органы исполнительной власти, общественные организации, юридические и физические лица.	Объединения, которые аккумулируют навыки и определенные ресурсы сторон-участниц, удовлетворяют потребности в информации, содействует улаживанию конфликтов и предоставляет юридическую помощь, а также обеспечивает трудовую мобильность в пределах трансграничных регионов.

Составлено автором

Такое воздействие простирается от локальных приграничных контактов, в частности обмена информацией, который является основной формой еврорегионального взаимодействия между Францией и Великобританией и в регионе Балтийского моря, до принятия совместной интегрированной национальной

политики по сохранению природных ресурсов и внедрению энергосберегающих технологий, разработки и реализации совместных проектов в туристической сфере, в управлении утилизацией отходов, предоставлении услуг общественного транспорта, а также образовательных услуг и услуг здравоохранения. Эти и другие инициативы, внедренные в странах Западной Европы, являются важными формами еврорегионального и трансграничного сотрудничества и неотъемлемой частью политики Европейского пространственного планирования.

В 2014 г. в ЕС была инициирована новая программа Interreg VA «Большой Регион», направленная на активизацию еврорегионального сотрудничества с целью реализации локальных и региональных проектов. Программа включает широкий спектр сфер деятельности, представляющих общий интерес. Поощряется создание малых проектов в трех основных сферах: экономика (расширение и повышение конкурентоспособности межрегиональной экономики, поддержка инноваций и создание трансграничного рынка труда); пространственное обустройство территорий (улучшение качества жизни населения, повышение привлекательности отдельных регионов и защита окружающей среды); социальная сфера (обмен знаниями с привлечением культурных ресурсов и укрепление социальной сплоченности) (рис. 2).

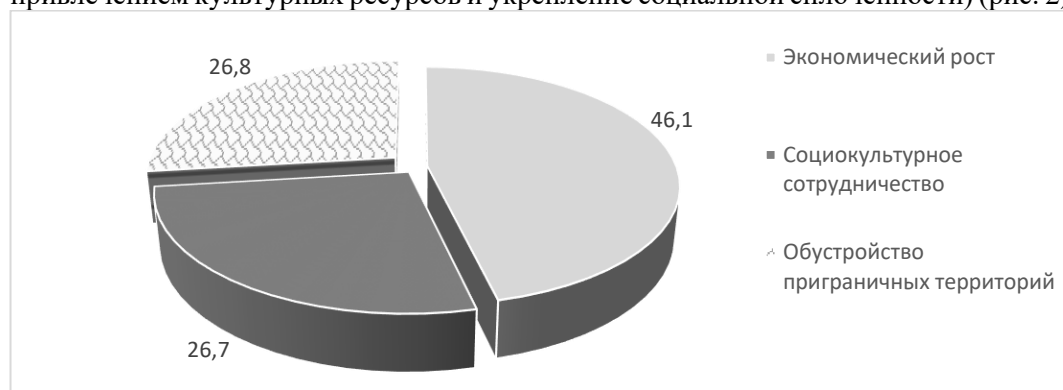

Рисунок 2. Объёмы финансирования проектов по приоритетным сферам трансграничного объединения «Большой Регион» в рамках программы Interreg VA, млн. евро

Составлено автором на основе [32]

Финансирование проектов в рамках деятельности еврорегиональной структуры «Большой регион» осуществляется ЕФРР в размере, не превышающем 50% от общего объема финансирования. Общий бюджет программы составляет 106 млн. евро, из которого на повышение экономической эффективности развития региона выделяется 46,1 млн. евро. Примерно одинаковый объем финансирования выделяется на две другие сферы еврорегионального взаимодействия «Большого Региона» - пространственное обустройство пограничных территорий – 26,8 млн. евро и социальная сфера – 26,7 млн. евро. Участниками программы являются: Валлония, французские и немецкие языковые коммуны Бельгии, Люксембург, немецкие земли Саар и Рейнланд-Пфальц, префектуры французского региона Лотарингии, Региональный Совет Лотарингии, Генеральное Консульство департаментов Мозеля,

Мааса и Мерт-Мозеля [32].

ЕС является одним из интеграционных объединений, регионы которого преодолевают экономические, социальные и экологические проблемы, несмотря на существование традиционных институциональных границ. Территориальная сплоченность является новой стратегической задачей ЕС в соответствии с положениями Лиссабонского договора.

Формой и моделью кооперирования регионов, которая на современном этапе эффективно отличается от предыдущих форм еврорегионального сотрудничества, являются Европейские группировки по территориальному сотрудничеству (ЕГТС).

ЕГТС - это правовой инструмент, введенный Постановлением ЕС № 1082/2006 от 5 июля 2006 г. [33]. Одобрение этого документа - значительное событие в развитии территориального сотрудничества стран ЕС, поскольку является первой успешной попыткой обновления механизма многоуровневого управления трансграничной деятельностью. Через три года после его принятия в странах Западной Европы было создано семь ЕГТС. Несмотря на раннее развитие, новые формы межтерриториального сотрудничества генерируют обновленные механизмы улучшения динамики и реконструкции еврорегионального сотрудничества и партнерства, расширяют географию межгосударственного сотрудничества. Европейские группировки являются новыми механизмами управления трансграничной деятельностью на различных уровнях, что в свою очередь, способствует усилению процессов глокализации и углублению интеграции в Европе.

Интеграционные процессы в ЕС развиваются благодаря внедрению механизмов межрегионального сотрудничества, в том числе, еврорегионального. Они все больше становятся актуальными, поскольку сухопутные и морские границы ЕС значительно расширились за последние десятилетия. Экономические, социальные и экологические проблемы в Европе требуют общей политики. Поэтому, для их решения, были введены ЕГТС как единый правовой инструмент стабильного межтерриториального сотрудничества.

В отличие от предыдущих успешно реализованных форм еврорегионального взаимодействия (еврорегионов и Рабочих содружеств), ЕГТС представляют собой новую форму многоуровневого управления, члены которой реализуют сотрудничество на всех трех уровнях региональной политики - трансграничном, транснациональном и межрегиональном [33]. Членами такой группировки являются управленческие органы государств-членов ЕС, общественные учреждения и организации, юридические и физические лица (университеты, торговые палаты, фонды и т. д.). ЕГТС созданы для облегчения реализации программ и проектов в сфере межрегиональной политики.

Первой ЕГТС стал созданный 28.01.2008 г. Еврометрополь «Лилль-Кортрейк-Турнау». Это объединение охватывает регионы Па-де-Кале (Франция), Фландрию и Валлонию (Бельгия). Вторым этапом в формировании ЕГТС стало создание в марте 2009 г. еще трех группировок - «Пиренеи-Средиземноморье», «Альпы-Средиземноморье» и евродистрикта «Страсбург-Оргенау».

Ранее политика ЕС по экономической и социальной сплоченности регионов государств-членов ЕС была направлена на повышение показателей уровней доходов,

занятости и безработицы. Сейчас с целью обеспечения политики устойчивого развития в ЕС было предложено также учитывать специфику природно-климатических особенностей, размещения населения и степень взаимосвязи между ними.

Главными целями создания ЕГТС является улучшение территориального сотрудничества в рамках новых функционирующих макрорегионов; обеспечение территориального единства и сплоченности экономически сильных и слабых регионов ЕС, фокусировка политики в соответствии с территориальными форматами [34]. В ЕС было инициировано создание таких группировок в бассейнах Средиземного, Балтийского морей и реки Дунай. Новые ЕГТС должны способствовать сбалансированному развитию территорий европейских стран. К потенциальным проектам такого сотрудничества можно отнести: координацию деятельности таких регионов, как «Большой Регион», «Страсбург-Ортенуа»; укрепление взаимосвязей между городскими и сельскими регионами, к примеру, Западной Фландрии и Евromетрополя «Лилль-Кортрейк-Турнау», рост значения Средиземноморской дуги, еврорегионов «Альпы - Средиземное море» и «Пиренеи-Средиземное море»; обеспечение ресурсами периферийных приграничных территорий еврорегионов: «Галисия-Северная Португалия», «Дуэро-Дору», «Истер-Гранум», «Амфиктион», «Карст-Бодвы» и др.

ЕГТС функционируют в различных территориальных форматах, включая, во-первых, крупномасштабные еврорегионы («Галисия-Северная Португалия», «Пиренеи-Средиземное море», «Альпы-Средиземное море») общей площадью от 5 до 100 тыс. км² с населением от 5 до более 15 млн жителей, во-вторых, средние по размеру регионы, такие как Евromетрополь «Лилль-Кортрейк-Турнау», Западная Фландрия, «Дуэро-Дору» общей площадью от 2 до 10 тыс. км², с населением около 2 млн человек; в-третьих, небольшие объединения, такие как «Карст-Бодва», или «Истер-Гранум» площадью до 60 кв. км², с населением около 2 тыс. человек [18-20].

ЕГТС способствуют реализации тематических программ ЕС в сферах транспорта, энергетики, научных исследований, инноваций, образования и обучения, охраны окружающей среды. Так, в рамках некоторых группировок были созданы испанско-французский трансграничный госпиталь здоровья и трансграничная природоохранная зона - итальянско-австрийский парк «Альпы» [35].

Таким образом, за весь период успешного развития еврорегионального сотрудничества в Европе, образование ЕГТС стало первой попыткой Европейской Комиссии создать институциональную базу для механизма реализации территориального сотрудничества не только в программном периоде 2007-2013 гг., но и на последующие программные периоды. В течение последнего десятилетия еврорегиональное сотрудничество набирает политический вес и требует оперативного управления, в частности: внедрение ЕС новой территориально-обоснованной политики в соответствии с Лиссабонским договором, целью которого является территориальная социально-экономическая сплоченность регионов; укрепление межрегионального и еврорегионального сотрудничества как важной составляющей интеграции в ЕС.

Поскольку, еврорегиональное сотрудничество - один из видов

внешнеэкономических связей и одновременно механизм, включенный в систему регионального экономического развития, то существенный потенциал развития ВЭД в условиях еврорегионального сотрудничества определяется сотрудничеством регионов, включая расширение экспортно-импортных операций и предпринимательских связей, что в свою очередь ведет к минимизации затрат в рамках внешнеторговых операций за счет сокращения затрат на транспортировку, созданию новых рабочих мест, повышению общего уровня инвестиционной привлекательности региона в рамках единого европейского механизма еврорегионального сотрудничества и развития.

На основе системного анализа зарубежного опыта еврорегионального сотрудничества следует выделить следующие направления ВЭД регионов в рамках трансграничной кооперации:

- внешнеторговая деятельность на принципах сотрудничества в приграничной торговле между юридическими и физическими лицами, постоянно проживающими на приграничной территории той или иной страны, и иностранных лиц, имеющих постоянное место пребывания (проживания) в смежной пограничной территории, для удовлетворения местных потребностей в товарах, производимых на соответствующих приграничных территориях;

- реализация инвестиционных проектов и производственно-инвестиционное сотрудничество;

- ВЭД в сфере транспорта и связи;

- ВЭД в экологической сфере на основе сотрудничества по рациональному использованию природных ресурсов и охраны окружающей среды;

- сотрудничество в сфере регулирования миграции населения и ВЭД на рынке труда;

- ВЭД в инновационной сфере и научно-техническое сотрудничество.

Вышеперечисленные направления ВЭД способствуют: развитию пограничной инфраструктуры - транспорта и коммуникаций, социально-экономическому развитию приграничных территорий, развитию промышленности и предпринимательства, охране окружающей среды, развитию сельского и лесного хозяйства, повышению уровня здравоохранения и социального обеспечения, повышению эффективности и результативности регионального управления и местного самоуправления.

Системный анализ зарубежного опыта еврорегионального сотрудничества показал, что еврорегиональные инициативы являются мощным инструментом и фактором активизации ВЭД регионов стран Европы. Согласно имплементации европейской стратегии экономического развития «Европа-2030» результатом активизации ВЭД является достижение целей устойчивого развития. В данном контексте, региональная политика ЕС направлена на достижение социально-экономического роста, что предусмотрено целями стратегии экономического роста «Европа-2030», согласно которой внешнеэкономические связи рассматриваются не только как источники дополнительных ресурсов, но и как действенное средство обеспечения устойчивого развития.

ВЫВОДЫ

Основными направлениями еврорегионального сотрудничества европейских стран выступают: территориальное планирование, совместные действия, направленные на гармоничное развитие инфраструктуры, улучшение экономической ситуации (сотрудничество между малыми и средними предприятиями, создание новых рабочих мест, развитие и модернизация отраслей хозяйства), совершенствование транспортной и коммуникационной сфер, социальной отрасли, науки и образования, спорта и туризма, охрана окружающей среды, ликвидация стихийных бедствий, налаживание контактов между жителями и др.

Приоритетными направлениями еврорегионального сотрудничества на ближайшую перспективу остаются: повышение уровня жизни населения, рост трудовой занятости и социального равенства, охрана окружающей среды; научно-техническое сотрудничество; улучшение инфраструктуры приграничных регионов, развитие транспортного сообщения между странами (совместные усилия по развитию транспортных коридоров, строительство и реконструкция контрольно-пропускных пунктов, путей сообщения и средств связи, автомобильных дорог и железнодорожных магистралей) развитие и поддержка предпринимательской деятельности на приграничных территориях (создание адекватных условий для привлечения инвестиций со стороны ЕС и других международных финансовых структур и улучшение инвестиционного климата, создание благоприятного налогового режима в пределах компетенции сторон по правовым вопросам в сфере инвестиционного и налогового законодательства.

Следует отметить особую роль еврорегионального сотрудничества в процессах активизации ВЭД, что открывает новые перспективы и возможности для социально-экономического роста регионов стран Европы. С учетом проанализированных характеристик еврорегионального сотрудничества, концептуальное видение активизации ВЭД в условиях еврорегионального сотрудничества заключается в целенаправленном влиянии на развитие межрегиональных социально-экономических систем и создании благоприятных условий для усиления международного сотрудничества путем определения стратегических ориентиров, налаживания внешнеэкономических связей, механизма их достижения и развития форм еврорегионального сотрудничества.

Список литературы

1. Вардомский Л. Б. Приграничное сотрудничество на «новых и старых» границах России. Евразийская экономическая интеграция. 2008. № 1. С. 90–108.
2. Давыденко Л. Н. Трансграничное сотрудничество как фактор устойчивого развития регионов Евразии // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. №2-2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transgranichnoe-sotrudnichestvo-kak-faktor-ustoychivogo-razvitiya-regionov-evrazii>.
3. Заречная Е. В. Стратегические векторы инновационного развития трансграничного сотрудничества // Формирование рыночных отношений в Украине. 2018. №6 (205). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskie-vektory-innovatsionnogo-razvitiya-transgranichnogo-sotrudnichestva>.
4. Кузнецов А. В., Кузнецова О. В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Baltic Region. 2019. №4. [Электронный ресурс]. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-rol-i-prigranichnyh-regionov-v-regionalnoy-politike-stran-es-i-rossii>.
5. Плотникова О. Глобализация и регионализация их влияние на международное сотрудничество регионов государств. *Власть*. 2013. № 3. С. 134–136.
  6. Рустамова Л. Р. Проблемы и перспективы приграничного сотрудничества евровегионов с участием России // *Регионология*. 2019. №4 (109). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-prigranichnogo-sotrudnichestva-evroregionov-s-uchastiem-rossii>.
  7. Черномаз П. А. Опыт трансграничного сотрудничества в реалиях украинско-российского пограничья // *Россия: тенденции и перспективы развития*. 2017. №12-1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-transgranichnogo-sotrudnichestva-v-realiyah-ukrainsko-rossiyskogo-pogranichya>.
  8. Balme R., Jouve B. Building the regional state: Europe and territorial organization in France. Cohesion Policy and European Integration: Building Multi-level Governance // Oxford University Press. Oxford. 1996. pp. 219–255.
  9. Perkmann M. The rise of the Euroregion. A bird's eye perspective on European cross-border co-operation // Department of Sociology. Lancaster. UK. 2005. pp. 7–13.
  10. Association of European Border Regions and European Commission. Practical Guide to Cross-border Cooperation (AEBR). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aebr.eu/>
  11. Lubin M. The Routinization of cross-border Interactions: an Overview of NEG/ECP structures and activities. In: Broun D., Earl A. States and Provinces in the International Economy. Berkeley: University of California. 1996. pp. 145–166.
  12. Богатырева О. Н., Перевалова А. А. Деятельность евровегионов с участием Италии в начале XXI в. *Проблемы образования, науки и культуры*. 2010. № 2 (75). С. 28–34.
  13. Иванов И. Д. Европа регионов. Москва: Междунар. отношения, 1999. 189 с.
  14. Regional Clusters in Europe. Observatory of European SMEs. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Community, 2002. № 3. pp. 21–26
  15. Мікула Н. А. Євровегиони: досвід та перспективи. Львів: ІРД НАН України, 2003. 222 с.
  16. Commissioner Crețu in Beijing and Zhengzhou for the EU-China dialogue on regional and urban policy [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/newsroom/news/2018/07/13-07-2018-commissioner-cretu-in-beijing-and-zhengzhou-for-the-eu-china-dialogue-on-regional-and-urban-policy
  17. Dörrenbächer P. From the “Mining Triangle” to the “Greater Region” // The Institutionalisation of the SarLorLux Euroregion, Institut Universitari de Estudis Europeus. Universitat Autònoma de Barcelona. Working paper online. 2005. № 12. 45 p.
  18. EGTCs' (draft) Conventions Duero-Douro. European Union. Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.duero-douro.com>
  19. EGTCs' (draft) Conventions Eurometropole Lille-Kortrijk-Tournai. European Union Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lillemetropole.fr>
  20. EGTCs' (draft) Conventions Ister-Granum EGTC Limited. European Union. Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.istergranum.hu>
  21. EGTCs' (draft) Conventions West-Flanders. Flandre-Dunquerque-Côte d'Opale. European Union. Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cud.fr>
  22. Erhvervsfremme Styrelsen. Kompetenceklynger i Dansk Erhvervsliv - en ny brik i erhvervspolitikken (Competence clusters in Danish industry – a new piece in the industrial policy). Copenhagen. 2001. 68 p.
  23. Euregio Maasrhine. Looking to the future. A vision for the Euregio. 4 July 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euregio-mr.org>
  24. Eurodistrict Strasbourg-Ortenau. European Union Official [Электронный ресурс]. URL: www.eurodistrict.eu
  25. European Commission. European Spatial Development Perspective. European Commission, Brussels. 2000. 94 p.
  26. European Policies Research Centre. Delivering the Lisbon and Gothenburg Agendas, Paper for the UK Presidency Conference: Regional and Rural Development Programmes (2007 –2013). 7–8th November 2005. Newcastle.

27. European spatial development of crossborder cooperation [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/reports/pdf/sum_en.pdf
28. European Territorial Cooperation. European Commission. Regional policy inforegio [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/cooperate/cooperation/index_en.cfm
29. Euroregion Pyrenees-Mediterranean. European Union Official Website [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euregio.eu>
30. Grossregion SarLorLux, Gemeinsame Erklärung des 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grossregion.net>
31. Nordström P. Red Biothec analysis. 2010. 36 p.
32. Interreg VA. European Union invests in your future. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interreg.de/INTERREG2014/DE/Interreg/WasistINTERREG/InterregA/InterregA.html>
33. Regulation (EC) No 1082/2006 of the European Parliament and of the Council of 5 July 2006 on a European grouping of territorial cooperation (EGTC). European Union Official Website. [Электронный ресурс]. URL: [http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/regulation/pdf/2007/gect/ce_1082\(2006\)_en.pdf](http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/regulation/pdf/2007/gect/ce_1082(2006)_en.pdf)
34. Spinaci G., Vara-Arribas G., The European Grouping of Territorial Cooperation (EGTC): New Spaces and Contracts for European Integration? // EIPASCOPE, 2009. № 2. pp. 5–13.
35. Euroregion Alps-Mediterranean. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.euroregione-alpi-mediterraneo.eu/-L-Euroregion-Alpes-Mediterranee-.html>

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

УДК 338.439.02:631.57

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ЕС

Горда О. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: alx2777@mail.ru

Определены уровни многоуровневого (распределенного) регулирования регионального развития в ЕС. Охарактеризованы отличительные черты каждого этапа эволюции инструментов финансовой поддержки европейского регионального развития. На основе углубленного анализа эволюции инструментария финансовой поддержки раскрыта сущность интеграционного потенциала наднациональной финансовой поддержки развития регионов ЕС путем создания, использования и распределенного регулирования совместных наднациональных фондов финансовой поддержки. В контексте интеграционного потенциала поддержки обоснована роль инструментов финансовой поддержки регионального развития, обеспечивающих интеграционный эффект в форме дополнительных для интегрированных регионов экономических выгод и преимуществ, достижение которых невозможно (или менее эффективно) вне интеграционного взаимодействия.

Ключевые слова: регион ЕС, европейская региональная интеграция, Политика сплочения ЕС, распределенное (многоуровневое) регулирование, инструменты финансовой поддержки, Европейские структурные и инвестиционные фонды, проекты и программы финансовой поддержки регионального развития.

ВВЕДЕНИЕ

Регионам Европейского Союза присущи разные уровни развития их экономических комплексов и транспортных коммуникаций, преобладание или отсутствие агломерации, схожие и различные социально-экономические проблемы, связанные с демографической ситуацией. Слабые регионы являются фактором ослабления экономического потенциала не только государств-членов, но и всего интеграционного объединения, поэтому стратегической задачей европейской региональной политики является выравнивание региональных диспропорций социально-экономического развития, предотвращение концентрации наиболее конкурентоспособных отраслей экономики в одних регионах и экономической отсталости в других. Реализация стратегии регионального развития ЕС обуславливает необходимость инвестирования в современные инфраструктурные проекты, инновационный бизнес и образование, прежде всего, в слабых регионах.

Процессы европейского регионального развития находились в фокусе многочисленных научных трудов таких ученых, как Г. Армстронг, С. Балмер, Дж. Бактлер, Г. Валлас, Дж. К. Гэлбрейт, Дж. М. Кейнс, Ч. Киндлбергер, Р. Мартинс, Дж. Мевсон, Дж. Сорос, В. Патерсон, Я. Тинберген, Л. Хуг и др. Влияние финансово-экономических кризисов на ход развития регионов и политику регионального развития в странах ЕС исследовали Ф. Барка, С. Верхельст, П. Зилтнер, Дж. Пизани-Ферри, Г. Ричардсон, А. Родригес Роуз и др., предложив комплекс мер антикризисной направленности общеевропейского масштаба для восстановления экономики региона после глобального кризиса 2008-2009 гг. В нашей стране ряд научных исследований

особенностей реализации региональной политики в ЕС, включая финансовые аспекты, провели: Бедерак Д. А. [1], Болотин Д. В. [2], Говорова Н. В. [3], Кузнецов А. В. [4], Хахалкина Е. В. [5], Черникова М. А. [6] и др.

Вместе с тем все еще не хватает глубины исследований инструментария финансирования региональной политики ЕС, закономерностей их эволюции в соответствии с положениями Маастрихтского договора. Европейский опыт финансирования регионального развития свидетельствует о кардинальных изменениях в понимании роли каждого региона как участника создания сильной объединенной Европы и может быть использован при совершенствовании и реализации стратегий развития регионов России в условиях глобальной нестабильности.

Цель статьи – исследование эволюции инструментов финансирования совместной региональной политики стран-членов ЕС в условиях распределенного (многоуровневого) регулирования экономических процессов.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Предпосылкой успешного решения стратегических задач развития регионов ЕС является адекватность подходов к финансированию соответствующих программных целей развития, их гибкость и результативность. В течение нескольких десятилетий ЕС разрабатывает и реализует специфические инструменты финансовой поддержки развития регионов, опираясь на ключевые исторические достижения - единый рынок и многоуровневое управление экономическими процессами. Регулирование регионального развития в ЕС осуществляется на нескольких уровнях, которые составляют основу принятия решений по объемам, источникам и направлениям финансирования соответствующих программ (рис. 1).

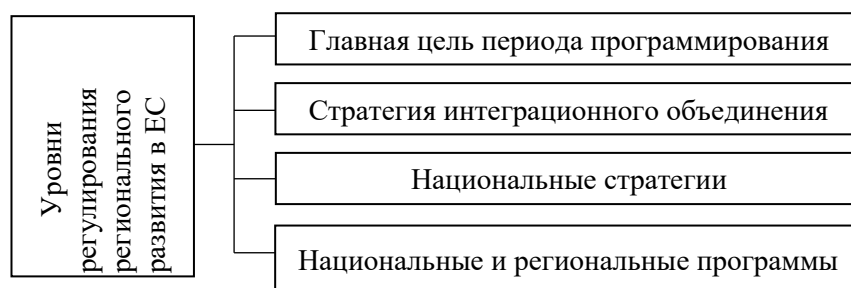

Рисунок 1. Уровни многоуровневого (распределенного) регулирования регионального развития в ЕС

Источник: построено автором

В рамках распределенного (многоуровневого) регулирования развития первоначально определяются регионы, имеющие наибольшую потребность в определенном объеме финансирования. Следующим шагом является разработка программ развития регионов, осуществляемая, как правило, общими скоординированными усилиями ЕС, а также правительств национальных,

региональных и местных уровней. Такие программы в основном охватывают многолетний промежуток времени. В целом многоуровневая система регулирования развития регионов ЕС предусматривает наличие общей стратегии развития, национальных стратегий в соответствии с количеством стран-членов ЕС, национальных и региональных программ, конкретизирующих национальные стратегии. Так, например, на период 2007-2013 гг. была предусмотрена реализация 458 таких программ для 27 стран [7]. Распределение финансовых ресурсов между странами базируется на переговорном процессе между уполномоченными наднациональными структурами и правительствами государств-членов.

Региональная политика направлена на все регионы и города Европейского Союза для поддержки создания рабочих мест, конкурентоспособности бизнеса, экономического роста, устойчивого развития и повышения качества жизни граждан. Достижение целей региональной политики объединенной Европы реализуется благодаря специфическим инструментам финансирования, определение и перечень которых предоставляет Европейская Комиссия. «Финансовые инструменты обеспечивают поддержку инвестиций путем предоставления кредитов, гарантий, собственного капитала и других рискованных механизмов, возможно, в сочетании с технической поддержкой, субсидиями на процентные ставки или субсидиями по гарантийным платежам в рамках одной операции» [7]. К этим инструментам финансирования Европейская Комиссия относит: Европейский фонд регионального развития (ERDF), Фонд сплочения (CF), которые совместно с Европейским социальным фондом (ESF), Европейским аграрным фондом развития сельских районов (EAFRD) и Европейским фондом морского и рыбного хозяйства (EMFF) образуют Европейские структурные и инвестиционные фонды (ESIF). В широком смысле к инструментам финансирования региональной политики ЕС относятся также широкий круг программ.

Функционирование ESIF предусматривает: первоочередное предоставление ресурсов для реализации программ, имеющих комплексный характер; сотрудничество органов управления всех уровней; соблюдение принципа субсидиарности, что означает рациональное делегирование полномочий в области управления на тот или иной территориальный уровень.

Доля ESIF в предыдущем периоде программирования (2007-2013 гг.) превысила 30% бюджетных расходов [7]. В 2014-2020 гг. для достижения целей политики сплочения и решения разнообразных потребностей развития во всех регионах ЕС было выделено 351,8 млрд. евро - почти треть общего бюджета ЕС [80].

Для оказания финансовой помощи в целях стимулирования развития регионов стран-членов, прежде всего, используются ресурсы Европейского фонда регионального развития. Например, в 1989-1993 гг. было использовано 68 млрд. ЭКЮ [9]; в 1994-1999 гг. 152 млрд. ЭКЮ. Проблемные регионы ЕС получили основную часть финансовых ресурсов, которая составила 117 млрд. ЭКЮ. [10; 11]. В 2000-2006 гг. на финансирование развития регионов из структурных фондов (ESIF) было направлено 183,1 млрд. евро [12]. Создание Европейского фонда регионального развития преследовало цель субсидирования инвестиций, предназначенных для создания или сохранения рабочих мест в наиболее слабых регионах. Согласно Уставу

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ...

Фонда, расходы по этому направлению могли составлять 20% объема инвестирования, при условии, что эта сумма не превышает 50% средств, предоставленных правительством страны в качестве поддержки. Средства Фонда также направлялись на стимулирование инвестиций в строительство объектов инфраструктуры и др. В этих случаях доленое участие Фонда составляло 10-30% общего объема финансирования.

В целом за первую декаду доминирующим направлением деятельности Европейского фонда регионального развития было использование ресурсов для отдельных, в большинстве случаев, не связанных между собой, национальных проектов и региональных программ. В Едином Европейском Акте указано, что Европейский фонд регионального развития должен прилагать усилия для устранения основных региональных диспропорций в Сообществе, приобщаясь к участию в развитии и структурной перестройке регионов, отстающих в процессе роста, и в конверсии промышленных регионов, находящихся в упадке [13].

Согласно основополагающим положениям ERDF, использование средств Фонда базируется на механизме квот при распределении финансовых средств между отдельными странами. Несмотря на это, в начале существования Фонда в реальности просто осуществлялся трансфер средств в наиболее слабые страны - Италию, Португалию и Ирландию, тогда как главной целью была финансовая поддержка инвестиционных проектов, имеющих важную роль в масштабах всего ЕС. Прежде всего, предполагалось, что заявки на получение средств Европейского фонда регионального развития, которые подавались в Комиссию правительствами стран-членов, должны войти в соответствующие долгосрочные региональные программы. В первые годы существования Фонда проекты преимущественно имели разовый и местный характер, а контроль со стороны Европейской Комиссии не был достаточно требовательным.

Из анализа деятельности ERDF, как инструмента наднациональной финансовой поддержки регионального развития в ЕС следует, что реализация целей общей региональной политики требовала значительно большего объема ресурсов чем имел Европейский фонд регионального развития, который формировал их в соответствии с Положением о Фонде, разработанном еще в 1985 г. В то же время углубление и расширение интеграционных процессов в ЕС создало объективную основу для изменения порядка предоставления финансовой поддержки. Первостепенное значение приобрели национальные планы регионального развития, опираясь на которые Европейская Комиссия должна была не только сформулировать приоритеты ЕС по развитию регионов, но и согласовать их в контексте стратегической задачи построения Европейского экономического пространства (соответствующее соглашение вступило в силу 1 января 1994 г.). На этом этапе направлениями финансовой поддержки стали: развитие инфраструктуры трансъвропейского масштаба, развитие малого и среднего бизнеса, развитие образования и профессионального обучения, защита окружающей среды и т. п.

В 1985 г. произошло реформирование основ, регулирующих деятельность ERDF. Согласно новому Положению, именно комплексные программы развития приобрели приоритетное значение по сравнению с отдельными проектами. До 20% ресурсов

Фонда предназначалось для реализации программ в рамках межгосударственного сотрудничества и специальных программ. Важной новацией стало внедрение механизма гибких границ при распределении финансовой помощи, тогда как использование жестких квот было отменено.

Механизм гибких границ заключался в том, что страна-претендент на получение финансовой помощи могла получить средства из двух источников - из национального бюджета и от ЕС при условии важности регионального проекта и своевременного представления заявки. При этом нижняя граница объема средств была гарантированным минимальным объемом финансирования. Неиспользованные средства можно было перенести на следующий год. Объем средств, который превышал нижний предел, но не выходил за пределы верхней границы, подлежал распределению по квотам на конкурсной основе. Во внимание принимались общие приоритеты ЕС и решение соответствующего наднационального органа, к компетенции которого относилось управление региональным развитием.

Реформы 1985 г. дали положительные результаты, о чем свидетельствует существенный рост доли ЕС в проектном финансировании - от 50 до 75%. В предыдущие годы доля ЕС составила лишь 20% от объема бюджетных средств, направленных на финансирование проектов органами власти различных уровней. Кроме того, значительно улучшился порядок непосредственного перечисления средств, а Европейская комиссия получила право осуществлять перечисление средств авансом в размере 50% от общей суммы средств, предназначенных для проекта из ресурсов Структурных фондов. Был существенно расширен спектр межгосударственных программ, а также объемы их финансирования. В 1989 г. была внедрена еще одна новация: в распоряжение национальных правительств началась передача средств в размере 5% ресурсов Фонда.

Следует отметить, что в целом результативность деятельности Фонда в первую декаду оказалась гораздо ниже ожидаемой, однако во второй половине 80-х годов уровень социально-экономического развития 25 слабых регионов несколько вырос, тогда как для 10 наименее развитых регионов ситуация почти не изменилась. Ключевыми направлениями финансовой поддержки, предоставляемой в первую декаду, были: реструктуризация экономики слабых регионов (в которых среднедушевой валовой внутренний продукт не превышает 75% по сравнению с ЕС в целом); структурные преобразования экономики регионов (почти 16% населения ЕС) с развитой традиционной промышленностью.

Критериальными показателями принятия решения о предоставлении финансовой помощи выступали: уровень безработицы за три года, предшествовавших периоду финансирования; доля занятых в промышленном секторе по сравнению со средней по ЕС; динамика численности работников промышленных предприятий. Помощь оказывалась в случае превышения двух первых показателей среднего уровня по ЕС и снижения последнего [11].

В 1992 году к ресурсам Структурных фондов, из которых оказывалась помощь на реализацию региональной политики, присоединились ресурсы вновь созданного Фонда сплочения. Это позволило увеличить помощь таким проблемным странам, как Греция, Испания, Ирландия, Португалия. Позже, с расширением ЕС в 2004 г.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ...

реципиентами финансовой помощи стали также новые страны. В период до 2004 г. наибольшую помощь получали наименее развитые страны ЕС, тогда как наиболее развитые подверглись негативной динамики в этой сфере. В наиболее слабых регионах наблюдался рост объемов средств, предоставляемых в качестве финансовой поддержки на душу населения [12].

В целом на протяжении 1989-1993 гг. объем финансирования по этому направлению составил 5,5 млрд. ЭКЮ. Из них нераспределенные консолидированные резервы Структурных фондов составляли 1,2 млрд. ЭКЮ; собственные ресурсы стран-членов – 4,3 млрд. ЭКЮ. Большинство кредитов на развитие энергетики, стимулирование МСП, совершенствование транспортной инфраструктуры, охрану окружающей среды были предоставлены с учетом региональных потребностей, но их взаимосвязь со структурной политикой ЕС стала теснее, начиная с 1989 года. В общем кредиты на реализацию структурной политики ЕС за 1989-1991 гг. составляли 63% от общего объема кредитования, или 36,8 млрд. ЭКЮ [9].

Совместная региональная политика ЕС обусловила существенное повышение эффективности расходов бюджета. Это стало толчком к принятию Советом ЕС решения о дополнительном предоставлении Структурным фондам средств в размере 15 млрд. ЭКЮ с целью увеличения объема финансирования слабых регионов на 72% в течение периода до 1999 г. Это означало улучшение финансирования структурных реформ из Фонда сплочения вдвое и соответствовало новой концепции совместной региональной политики ЕС, согласно которой размер помощи слабым регионам должен был составить 80% ресурсов ERDF [10].

За период 2000-2006 гг. на региональную политику было направлено 183 млрд. евро из Структурных фондов (что составило 1,27% ВВП и 1/8 бюджета ЕС) и 18 млрд. евро из Фонда сплочения. Еще 7,0 млрд. евро из этого Фонда было выделено на структурную перестройку в странах-кандидатах на вступление в ЕС [12; 14].

В то же время возникла необходимость модернизации целей совместной региональной политики ЕС в результате действия ряда факторов: сокращение трансферов на финансирование сельского хозяйства; недостаточный уровень развития технологий в периферийных регионах; необходимость координации развития транспортной и коммуникационной инфраструктуры регионов и ЕС в целом; чрезмерный уровень безработицы в части регионов Испании, Польши, Словакии, Румынии, Франции, восточных землях Германии и других регионах; значительные затраты на адаптацию новых стран-членов ЕС. Все это обусловило изменение целей Политики сплочения в 2007-2013 гг. по сравнению с периодом 2000-2006 гг. (табл. 1).

В расходах на реализацию совместной региональной политики ЕС в 2007-2013 гг. значительная часть приходилась на расходы, направленные на обеспечение экономического роста в странах-членах ЕС и на эффективное использование природных ресурсов [14].

Согласно материалам Европейской Комиссии, для обеспечения экономического роста ЕС в течение шестого этапа на 2014-2020 гг. Политика сплочения предполагает решение 11 задач, которые представлены в таблице 2.

Таблица 1

Инвестиционные приоритеты и инструменты Политики сплочения ЕС в 2000-2006 и 2007-2013 гг.

Период программирования			
2000-2006		2007-2013	
Цель	Инструменты финансовой поддержки	Цель	Инструменты финансовой поддержки
Цель 1. Содействие развитию и реструктуризации отстающих регионов	ERDF, ESF, EAGGF, FIGF	Конвергенция	ERDF ESF CF
Фонд сплочения	CF		
Цель 2. Поддержка регионов со структурными проблемами в сфере социально-экономических преобразований	ERDF ESF	Региональная конкурентоспособность и занятость	ERDF ESF
Цель 3. Модернизация политики в области образования, профессионально-технической подготовки, занятости	ESF		
INTERREG III	ERDF	Европейская территориальная кооперация	ERDF
URBAN II	ERDF		
EAQUAL	ESF		
LEADER	EAGGF		
Развитие сельских территорий и реструктуризация рыболовства согласно Цели 1	EAGGF FSFG		

Составлено автором на основе [12, 14]

При этом, Европейский фонд регионального развития (ERDF) поддерживает все 11 задач, но основными инвестиционными приоритетами являются задачи 1-4. Для Европейского социального фонда (ESF) основными приоритетами являются задачи 8-11, вместе с тем фонд поддерживает и задачи 1-4. Фонд сплочения поддерживает приоритеты 4-7 и 11.

Приоритетные направления развития регионов, а также пути их реализации определяются на общегосударственном уровне ЕС. В дополнение к этому, осуществляется планирование развития в отраслевом формате, при этом разработка долгосрочных планов возложена на регионы. На уровне национальных экономик осуществляется программирование развития регионов данной страны, то есть создаются соответствующие подсистемы. Такие подсистемы могут сосуществовать с

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ...

пространственным планированием, при этом разработка программ регионального развития происходит по единой методике.

Таблица 2

Инвестиционные приоритеты Политики сплочения ЕС на 2014-2020 гг.

1. Углубление исследований, технологического развития, инноваций	5. Содействие адаптации к изменениям климата, предупреждение рисков и управление ими	8. Содействие стабильной и качественной занятости и поддержка мобильности рабочей силы
ERDF	ERDF	x
x	CF	x
x	x	ESF
2. Расширение доступа и использование информационных и телекоммуникационных технологий	6. Сохранение и защита окружающей среды и повышение эффективности использования ресурсов	9. Содействие социальной интеграции, борьба с бедностью и любой дискриминацией
ERDF	ERDF	x
x	CF	x
x	x	ESF
3. Повышение конкурентоспособности малых и средних предприятий	7. Содействие устойчивому развитию транспорта и улучшению сетевой инфраструктуры	10. Инвестиции в образование, профессиональную подготовку и обучение в течение всей жизни
ERDF	ERDF	x
x	CF	x
x	x	ESF
4. Поддержка перехода к низкоуглеродной экономике	x	11. Повышение эффективности государственного управления
ERDF	x	x
CF	x	CF
x	x	ESF

Составлено автором на основе [15, 16]

Начиная с 1981 г. приоритет финансирования был предоставлен решению проблем развития территорий в отраслевом разрезе, особым вниманием пользовались территории, которые были относительно слабыми на момент начала реализации отраслевой политики ЕС. Распределение полномочий между уровнями управления

было следующим: на уровне национальной экономики определялись количество программ и финансовые ресурсы, необходимые на их финансирование за счет государственного бюджета. Таким образом обеспечивалась взаимосвязь задач развития национального и общеевропейского уровней экономики. Примером может быть Совместная программа ЕС - RETEX, инициированная Европейской Комиссией и принятая в 1993 г. с целью содействия диверсификации экономики в регионах, которые зависели от текстильной и швейной промышленности. Эта программа позволила, с одной стороны, модернизировать текстильную промышленность и, с другой, создать альтернативные рабочие места в регионах с традиционной специализацией, что в совокупности способствовало сокращению безработицы. Общая стоимость инвестиций составляла 500 млн. ЭКЮ на период 1993-1997 гг., источником которых стали Структурные фонды [17].

Благодаря межгосударственным программам происходила координация развития важнейших отраслей экономики с задачами общеевропейской политики регионального развития. Это позволило после принятия в ЕС таких слабых стран как Испания и Португалия смягчить последствия от их вступления для Франции и Италии. Так, за 1981-1989 гг. в определенные регионы этих стран было направлено 436 млн. ЭКЮ на цели реструктуризации легкой и судостроительной отраслей. В этот же период поддержка была оказана местным органам власти сопредельных регионов Фландрии и Северной Ирландии. 70% финансирования данных программ были предоставлены Европейским фондом регионального развития.

Проведенный анализ эволюции инструментария финансовой поддержки регионального развития позволил обобщить основные изменения инструментов во взаимосвязи с ключевыми трансформациями Политики сплочения в разрезе программных периодов, определенных на общеевропейском уровне. Данные табл. 3 иллюстрируют усложнение целей развития и расширение спектра соответствующих инструментов финансирования.

Финансовыми инструментами реализации интегрированных программ ЕС в 1981-1989 гг. были, прежде всего, ERDF и другие структурные фонды. В первые годы их создания целевыми приоритетами были преимущественно регионы средиземноморских стран-членов ЕС, их внеконкурсное финансирование, а также автоматическое предоставление льгот, связанных со сроками и гарантиями. Количество рабочих мест, созданных или поддержанных благодаря национальным проектам и программам, превысило 970 тыс. (из них почти 80% были новыми рабочими местами). Примерно такое же количество рабочих мест появилось на тех предприятиях, деятельность которых непосредственно была связана с использованием средств от ERDF как инструмента финансовой поддержки.

В течение 1994-1999 гг. с привлечением ресурсов Структурных фондов ЕС было реализовано почти 400 программ. Для уменьшения разницы в уровнях социально-экономического развития стран-членов, ЕС стимулировал создание транспортной инфраструктуры в Ирландии, Греции, Португалии, Испании. Реализация инфраструктурных проектов также происходила при прямом и опосредованном влиянии ERDF. Она обеспечила за первые десять лет существования Фонда только в строительстве создание 1,2 млн. рабочих мест [10; 12].

Таблица 3

Эволюция инструментов финансовой поддержки регионального развития в ЕС

Период программирования	Цели региональной политики ЕС	Инструменты финансовой поддержки	Общий бюджет финансовой поддержки
I 1957-1987	Создание институциональных принципов региональной политики.	Учреждение ESF (1958) EAGGF (1962) ERDF (1975)	x
II 1988-1992	Поддержка самых бедных и отсталых регионов. Долгосрочное программирование. Стратегическая направленность инвестиций. Привлечение региональных и местных партнеров.	ESF EAGGF ERDF	64 млрд. ЭКЮ
III 1993-1999	Специальная цель поддержки малонаселенных регионов Финляндии и Швеции. Поддержка самых бедных и отсталых регионов. Долгосрочное программирование. Стратегическая направленность инвестиций. Привлечение региональных и местных партнеров.	CF ESF Eaggf ERDF	168 млрд ЭКЮ
IV 2000-2006	Содействие развитию и реструктуризации отстающих регионов. Поддержка регионов со структурными проблемами в сфере социально-экономических преобразований. Модернизация политики в области образования, профессионально-технической подготовки, занятости. Развитие сельских территорий и реструктуризация рыболовства.	CF ESF EGFAD ERDF	213 млрд. евро для ЕС-15. 22 млрд. евро на поддержку новых государств-членов на 2004-2006 гг.
V 2007-2013	Конвергенция. Региональная конкурентоспособность и занятость. Европейская территориальная кооперация.	CF ERDF ESF	347 млрд. евро
VI 2014-2020	Поддержка создания рабочих мест. Обеспечение конкурентоспособности бизнеса, экономического роста, устойчивого развития и улучшения качества жизни граждан всех регионов ЕС.	ESIF ERDF, CF, ESF, EAFRD, EMFF	351,8 млрд. евро

Составлено автором на основе [7-14, 16-18]

В настоящее время развитие регионов во многом зависит не только от центральных органов власти, но и от целого ряда структур микро - и мезоуровня, например, инновационных институтов, финансовых компаний, агентств регионального развития, фондов, осуществляющих благотворительную деятельность, венчурных компаний, торгово-промышленных палат и т. п.

В данном контексте следует проанализировать деятельность агентств регионального развития - институтов, появление которых является закономерным результатом региональной политики ЕС. Задачами агентств регионального развития является: информационно-консультационная деятельность по вопросам менеджмента предприятий, трансфера новых технологий, улучшения

инвестиционного климата и поиска инвесторов; развитие инновационной инфраструктуры предпринимательства; содействие развитию малых и средних предприятий путем облегчения их доступа к кредитным ресурсам, банковским гарантиям, а также к льготным финансовым ресурсам в виде грантов и субсидий.

В настоящее время агентства регионального развития функционируют не только как самостоятельные субъекты для достижения отдельных их целей. Их деятельность имеет сетевой характер, о чем свидетельствует образование в 1992 году Европейской ассоциации агентств экономического развития (European Association of Economic Development Agencies, EURADA). Главная цель этой Ассоциации, которая насчитывает 75 членов из 22 стран Европы, - это содействие скоординированному сотрудничеству членов Ассоциации с другими агентствами регионального развития, органами власти ЕС, деловыми партнерами. Ключевыми задачами Ассоциации являются: уменьшение диспропорций между регионами и государствами-членами; стимулирование развития межрегионального сотрудничества; приоритетное удовлетворение потребностей местных/региональных субъектов (особенно в исследовательских и инновационных стратегиях в интеллектуальной сфере), эффективные изменения в промышленных структурах и инновационных экосистемах [19].

Таким образом, цель и задачи Ассоциации отражают поддержку Политики сплочения, в том числе и на многолетнюю перспективу, что также задекларировано на официальном сайте этой организации. Учитывая масштаб деятельности Ассоциации, представляется уместным сделать акцент на ее позиции по финансовым перспективам реализации Политики сплочения, а следовательно - и по финансовым аспектам взаимодействия регионов во взаимосвязи с будущим общим бюджетом и европейскими структурными и инвестиционными фондами (на следующий период программирования). В этой связи, является важным тезис Ассоциации по дальнейшей роли Политики сплочения: она должна быть ключевым элементом государственной инвестиционной политики, ориентированной на обеспечение общего экономического роста [19].

Европейские агентства развития поощряют плавный переход от текущего периода программирования к следующему. Политика сплочения требует большей простоты и гибкости в регулировании. На практике это может достигаться сокращением статей и гармонизацией источников финансирования. Для успешного упрощения необходимо повышение уровня доверия между уровнями власти и их заинтересованными сторонами. На техническом и операционном уровнях Политики сплочения упрощения могут предусматривать снижение административного бремени на уровне внедрения и взаимного признания сертифицированных аудитов, что позволит избежать двойной проверки одних и тех же проектов для конечных бенефициаров (например, инновационных предприятий).

Стоит отметить, что гибкость Политики сплочения важна, поскольку позволяет мобилизовать ресурсы для реализации ее сильных сторон. Все заинтересованные стороны Политики сплочения должны быть привлечены к разработке систем управления, чтобы иметь возможность легко перепрограммировать операционные программы в случае необходимости. Это важно для того, чтобы гарантировать

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКИ...

соблюдение подходов, применяемых в рамках реализуемых программ, и учитывать конкретные особенности каждой территории. Именно гибкость создает возможности расширять роль ЕС в специфических случаях с целью инвестирования в решение таких проблем, как экологически обусловленные события (например, наводнения в Германии и Франции в 2016 г.), катастрофы (например, лесные пожары в Португалии летом 2017 г.) или гуманитарные кризисы (например, приезд 857000 беженцев и мигрантов в 2015 г. в Греции).

Гибкость является одним из необходимых условий для согласования специализированных операционных программ и стратегий в интеллектуальной сфере. Развитие этих программ требует постоянного мониторинга и оценки приоритетов. В результате появляется возможность изменения одобренных оперативных планов для решения задач, определенных обновленными системами мониторинга и оценки, что позволит уменьшить и избежать дополнительной административной нагрузки на всех уровнях. В сфере исследований и инноваций операционные программы должны быть совместимыми с уже установленными стратегиями интеллектуальной специализации для каждой территории.

ВЫВОДЫ

Достижение стратегической цели ЕС, сформулированной как «Европа регионов», базируется на системной, последовательной трансформации роли и места регионов в программировании и реализации важнейших задач экономического и социального развития, при этом регионы получают статус полноценного субъекта интегрированной европейской экономики.

Обобщая результаты исследования эволюции инструментов финансовой поддержки регионального развития в ЕС в их взаимосвязи с целями и задачами Политики сплочения, можно сделать вывод о том, что наиболее важной характеристикой последней является ее интеграционный потенциал, который можно определить, как будущий эффект в форме дополнительных экономических преимуществ, финансовых и/или социальных выгод, достигаемых за счет гибкого программирования регионального развития и реализации его целей путем создания, использования и распределенного регулирования совместных наднациональных фондов финансовой поддержки.

Опираясь на результаты проведенного исследования, и учитывая предлагаемое понимание сущности интеграционного потенциала, можно определить роль инструментов наднациональной финансовой поддержки развития регионов в интеграционном объединении, которая заключается в обеспечении интеграционного эффекта от их использования, проявляется в дополнительных для интегрированных регионов экономических выгодах и преимуществах, достижение которых невозможно (или менее эффективно) вне интеграционного взаимодействия.

Список литературы

1. Бедерак Д. А. Эволюция региональной политики выравнивания уровней экономического развития в Европейском Союзе // Управленец. 2014. № 2 (48). [Электронный ресурс]. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-regionalnoy-politiki-vyravnivaniya-urovney-ekonomicheskogo-razvitiya-v-evropeyskom-soyuze>

2. Болотин Д. В. Тенденции развития региональной бюджетной системы и бюджетной политики Европейского Союза на современном этапе // Вестник ГГУ. 2018. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-regionalnoy-byudzhethoy-sistemy-i-byudzhethoy-politiki-evropeyskogo-soyuza-na-sovremennom-etape>

3. Говорова Н. В. Безработица в ЕС: региональный аспект // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezrobotitsa-v-es-regionalnyy-aspekt>

4. Кузнецов А. В. Об особенностях региональной политики ЕС после 2020 года // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-regionalnoy-politiki-es-posle-2020-goda>

5. Хахалкина Е. В. ЕС в современном мире: проблемы региональной политики и внешнеполитической идентичности // Современная Европа. 2020. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/es-v-sovremennom-mire-problemy-regionalnoy-politiki-i-vneshnepoliticheskoy-identichnosti>

6. Черникова М. А. Факторы, влияющие на развитие общественного благосостояния в европейском регионе // Научные исследования и инновации. 2021. № 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-vliyayushchie-na-razvitie-obschestvennogo-blagosostoyanie-v-evropeyskom-regione>

7. Structural Funds: eligible areas and allocation of resources // ЕС. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/legislation/decisions/2007-2013/

8. European Structural and Investment Funds Regulations 2014-2020 // ЕС. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/legislation/regulations/2014-2020/

9. Cohesion policy 1989-93: from projects to programmes // ЕС. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/videos/cohesion-policy-1989-93-from-projects-to-programmes

10. Cohesion policy 1994-99: consolidation and doubling the effort // ЕС. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/videos/cohesion-policy-1994-99-consolidation-and-doubling-the-effort

11. Regional Policy. Structural Funds Regulations 1994-1999 European Commission // ЕС. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/legislation/regulations/1994-1999/

12. Cohesion policy 2000-2006: making enlargement a success // ЕС. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/information/videos/cohesion-policy-2000-2006-making-enlargement-a-success

13. Единый европейский акт // [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901771690>

14. Expert evaluation network on the performance of Cohesion policy 2007-2013: Synthesis of National Reports 2013 Regional Policy European Commission // ЕС. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docgener/evaluation/pdf/eval2007/2013_een_task2_synthesis_final.pdf

15. Циганов С. А., Пашаев Т. Г. Политика сплочения в развитии Европейского Союза: основные этапы и результаты // Причорноморські економічні студії. 2017. Вып. 13. С. 11-14.

16. Regional Policy. Priorities for 2014-2020 // ЕС. [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/how/priorities/2014-2020/

17. Press releases database. Press Release details // ЕС. [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-92-379_en.htm

18. ЕС. Regional Policy. History of the policy / ЕС. [Электронный ресурс]. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/en/policy/what/history/

19. European Association of Economic Development Agencies. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurada.org/>

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

УДК 796.034.2

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПЕРИОД КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

Егорова Н. М.

*Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ninelle68@mail.ru*

В статье рассматривается конкурентоспособность физкультурно-спортивных организаций, а именно фитнес-клубов, в период кризисной ситуации. В частности, проанализированы динамика объема российского рынка фитнес-услуг за последние 10 лет и основные проблемы развития фитнес – индустрии. Также рассматриваются возможности формирования конкурентных преимуществ в физкультурно-спортивной организации в посткризисный период.

Ключевые слова: фитнес-клуб, фитнес индустрия, физкультурно-спортивная организация, конкурентоспособность, конкурентные преимущества

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время, для того, чтобы физкультурно-спортивная организация оставалась конкурентоспособной, менеджменту высшего звена необходимо понимание сущности конкурентоспособности и знание факторов, влияющих на нее.

В отечественной и зарубежной научной литературе существует множество трактовок понятия конкурентоспособности организации. Так, в частности, свою трактовку понятия конкурентоспособности организации давали в разное время такие ученые как Адаева Т. Ю., Забелин П. В., Фатхутдинов Р. А., Портер М.

М. Портер определяет конкурентоспособность как свойство субъекта рыночных отношений выступать на рынке наравне с присутствующими там конкурирующими субъектами рыночных отношений [1].

Кроме того, внимания заслуживают определение даваемое Четыркиной Н.Ю., по ее мнению конкурентоспособность организации определяется наличием у нее конкурентных преимуществ, которые, в свою очередь, определяются тремя факторами, а именно: источником преимущества, а также их количеством и возможностью поиска новых источников преимуществ самой организацией [2].

Анализируя понятие конкурентоспособности продукции, можно процитировать руководителя сбербанка РФ Г. Грефа «...во-первых, сегодня нет никакой конкуренции товаров, продукции или услуг, есть конкуренция моделей управления. Во-вторых, ни одна крупная компания не имеет шансов выжить в случае, если она не трансформирует свою модель управления...» [3]

Качалина Л.Н. в своей книге «Конкурентоспособный менеджмент» описывает зависимость конкурентоспособности от качества менеджмента [4].

Анализируя эти определения, можно увидеть ключевые слова, такие как конкурентоспособная продукция, адаптация в условиях конкуренции, производственный, финансовый, кадровый потенциалы, рыночные отношения. Исходя из определения ключевых слов, можно сделать вывод, что конкурентоспособность организации - это способность предприятия производить

конкурентоспособную продукцию, опираясь на производственный, финансовый и кадровые потенциалы, при этом постоянно адаптируясь к изменяющимся рыночным условиям.

Следует отметить, что конкурентоспособность продукции и конкурентоспособность организации имеют отличия. Так, например, конкурентоспособность продукции может определяться в краткий период времени, тогда как конкурентоспособность организации более применима в длительный временной промежуток.

Важно отметить, что конкурентоспособность продукции – это необходимое, но недостаточное условие для конкурентоспособности организации. Конкурентоспособность организации зависит не только от конкурентного ассортимента продукции, но и от эффективности всей деятельности в целом. [5]

Например, конкурентные преимущества для физкультурно-спортивной организации можно представить следующим образом.

Рисунок 1. Конкурентные преимущества организации
Источник: составлено автором

Естественными преимуществами организация может обладать, вне зависимости от ее положения на рынке, вторые – искусственные, позволяют организации повысить ее конкурентоспособность.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ...

Менеджменту физкультурно-спортивной организации необходимо понимать, какими конкурентными преимуществами обладает организация, и каким образом, можно сформировать эти преимущества.

Чтобы понимать деятельность организаций, предоставляющих услуги фитнеса, необходимо знание самого понятия «фитнес». По мнению Н.В. Третьяковой фитнес – это довольно сложное социальное явление, которое можно рассматривать как процесс и результат улучшения физического совершенствования занимающихся, как совокупность материальных и духовных ценностей, как специфический продукт представления занимающимся физической культурой оздоровительных услуг [6].

В.Ю. Менхин и А.В. Менхин дают следующее понятие фитнеса. Фитнес это - система физических упражнений оздоровительной направленности, согласованной с индивидуальным состоянием психофизической сферы человека, его мотивационной определенности и личной заинтересованностью [7].

Для того, что иметь конкурентные преимущества, организация должна обладать необходимым потенциалом, таким как ресурсы организации, источники их пополнения, а также ее коммуникационные связи и положение организации в целом. И в зависимости от того, каким потенциалом владеет организация, она может формировать то, или иное конкурентное преимущество.

Следует также выделить сферы, где формируются конкурентные преимущества физкультурно-спортивной организации. В первую очередь, это рынок, то есть внешняя среда, далее идут активы, а именно ресурсы организации и маркетинг, который используется для адаптации самой организации на рынке.

Несомненно, прежде всего, необходимо уделять внимание внешней среде, изучать рынок, потенциальных клиентов и конкурентов, так как конкурентные преимущества зависят от отношений с клиентами и характеристик конкурентов.

К активам физкультурно-спортивной организации можно отнести различные, доступные ей ресурсы, используемые технологии и накопленный опыт.

Главная задача менеджмента –это разработка взаимосвязи между рынком и активами. И вот здесь именно система маркетинга является эффективным адаптером, так позволяет не только хорошо изучить рынок и разработать комплекс предложений, способных удовлетворить даже самого капризного клиента, но и успешно противостоят конкурентам.

Формирование конкурентных преимуществ начинается с попытки понимания клиента, то есть, что хочет и ждет клиент от физкультурно-спортивной организации. И здесь создается своеобразный мостик между рынком, активами и маркетинговыми действиями. Успех физкультурно-спортивной организации в непростой борьбе с конкурентами – это, прежде всего, результат серьезной работы по формированию конкурентных преимуществ, требующий наличия профессиональных знаний у современного спортивного менеджера. [8]

Предметом исследования выступает влияние внешних и внутренних факторов на конкурентоспособность физкультурно-спортивной организации.

Ключевой целью исследования является анализ особенностей и поиск путей повышения конкурентоспособности физкультурно-спортивной организации, в частности фитнес-клубов.

Для достижения поставленной цели автором поставлен ряд задач:

- изучение теоретических основ конкурентоспособности физкультурно-спортивной организации (фитнес-клубов);
- анализ особенностей конкурентоспособности фитнес-клубов;
- анализ обеспечения конкурентоспособности в сфере фитнес-индустрии;
- разработка рекомендаций по повышению конкурентоспособности фитнес-клубов.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

По данным сводного отчета по форме 1-ФК за 2020 год, представленного на сайте Министерства спорта Российской Федерации, на сегодняшний день в нашей стране насчитывается 7812 фитнес-клубов. Отметим, что этот показатель ежегодно растет: в 2019 году он был равен 7593, а в 2018 году - 7065. То есть за 3 года количество фитнес-клубов увеличилось на 747. Это довольно значимое увеличение, особенно учитывая сложный для всей спортивной отрасли период пандемии коронавируса в 2020 году, когда фитнес-клубы были вынуждены закрыться на несколько месяцев [9].

Следует отметить, что самыми новейшими разработками в области фитнес-индустрии главным образом занимаются зарубежные ученые из США, Канады, Японии, Китая, Малайзии и различных европейских государств, однако в последние годы интерес к изучению данной категории появился и на территории России, Украины, Беларуси, Казахстана и Молдовы. Большинство высокоразвитых стран проявляет особую заботу о человеческих ресурсах, от качества и количества которых напрямую зависит состояние их экономики [10].

Самую большую долю в мировом обороте рынка фитнес-услуг занимают США (32%), далее идут Великобритания и Германия (8%;7%), за ними Япония(6%). Франция и Канада имеют по 3% в мировом обороте, Россия –2%, а все остальные страны-39%.

По данным за 2019 год, Фитнес-индустрия развивается быстрыми темпами в Азии. Так, в Филиппинах и в Китае рынок фитнес услуг вырос на 30-33%, в Финляндии на 25 %. Относительно европейского рынка, можно отметить, что Германия и Великобритания являются лидерами на этом рынке, их доход превышает 6 млрд. долларов. Отмечается и стремительный рост турецкого рынка фитнес-услуг, он занимает в рейтинге 9 место.

Рассмотрим обеспечение конкурентоспособности в сфере фитнес-индустрии.

Рынок фитнес услуг неуклонно развивался в последние годы, как во всем мире, так и в России.

По данным статистики объем мирового рынка фитнес-услуг в 2009 году составлял 67, 2 млрд.\$, а в 2017г. – 87, 2 млрд.\$, то есть возрос на 20 млрд.\$ по сравнению с 2009 годом.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ...

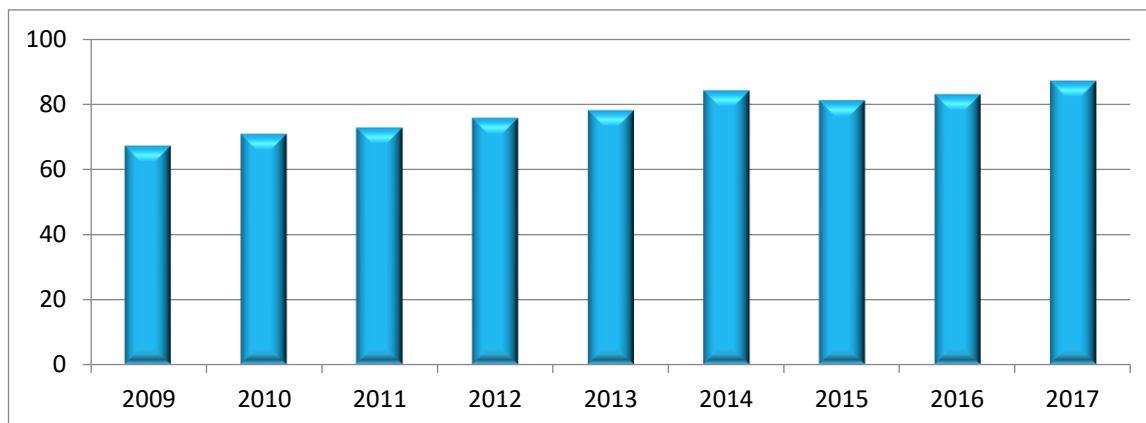

Рисунок 2. Объем мирового рынка фитнес услуг.

По данным источника «РБК Исследования рынков», IHRSA, Statista

Нужно отметить, что динамика прироста году к году не всегда была положительной. Например, самый высокий темп роста был показан в 2014 году и составил - 7,8% , а в 2015 году темп роста имел уже минусовое значение (-3,7%).

Относительно российского рынка фитнес услуг, следует отметить, что, несмотря на неплохие показатели роста, рынок развивается недостаточными темпами.

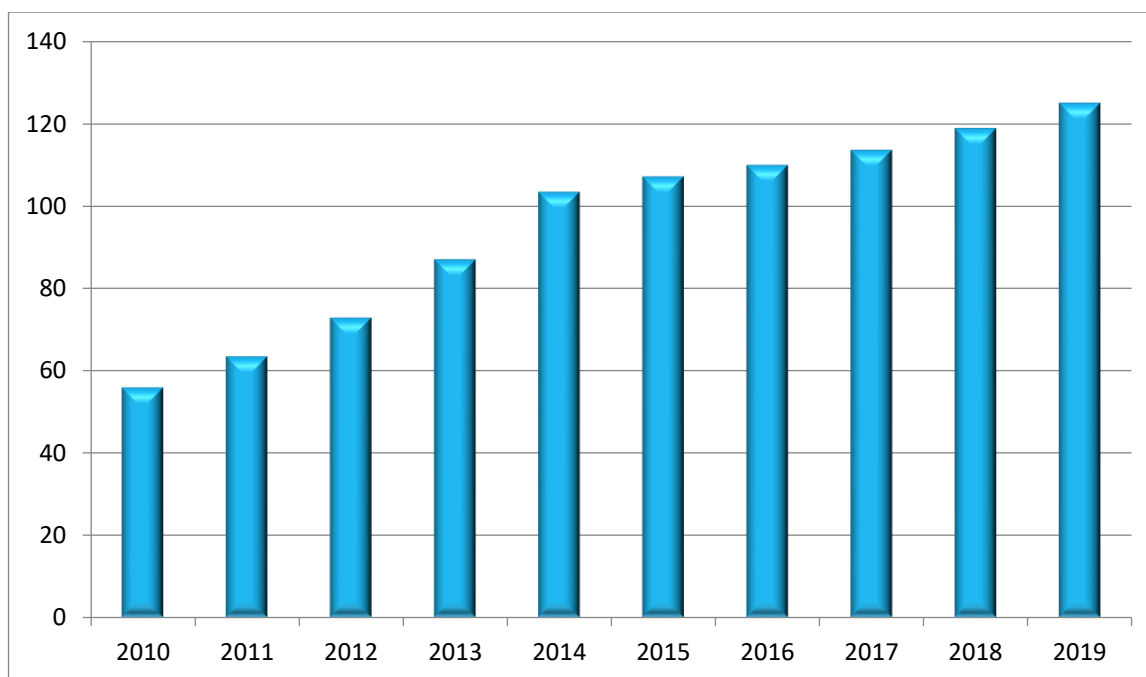

Рисунок 3. Динамика объема российского рынка фитнес-услуг, млрд.руб.

По данным источника «РБК Исследования рынков», IHRSA, Statista.

Таблица 1

Динамика темпов роста рынка фитнес-услуг, %									
2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
	+13,6%	+14,8%	+19,5%	+18,9%	+3,6%	+2,6%	+3,4%	+4,7%	+5,2%

Рассматривая динамику темпов роста российского рынка фитнес услуг, можно отметить, что в 2015 году показатели значительно снизились. Именно 2014 год стал переломным для российской фитнес-индустрии: если до этого момента ежегодные темпы роста были двузначными – 13,6-19,5%, то в 2015-м сегмент увеличился на более скромные 3,6%, до 107,1 млрд . руб., следует из данных «РБК Исследования рынков» [11].

Так, по словам топ-менеджера Русской фитнес группы, господина Николая Прянишникова 2015 год был тяжелым для фитнес-клубов, и хотя им удалось сохранить существующую клиентскую базу, однако процент новых клиентов значительно снизился.

На наш взгляд, это связано с тем, что реальные доходы россиян продолжают падать, и соответственно сокращается потребление. Мало того, большинство граждан не видят улучшения экономической ситуации в стране более 5 лет. По данным статистики, в 2019 году более 580 фитнес-клубов закрылось, а продлили годовой абонемент только около половины клиентов [12].

Ассоциация операторов фитнес-индустрии (АОФИ) совместно с исследовательской компанией Content Research в ноябре 2020 года провела опрос среди посетителей фитнес-клубов. В опросе приняли участие 7800 респондентов из всех федеральных округов России. Интерес представляют ответы на вопрос о формах физической активности в период карантина и после него. 85% респондентов продолжают тренироваться в фитнес-клубах после карантина. Однако 15% респондентов прекратили тренироваться в фитнес-клубах, 6% респондентов прекратили любые виды физической активности и еще 6% респондентов не ходят в фитнес-клубы с марта 2020 года, то есть с момента закрытия фитнес-клубов на карантин. Еще одним важным итогом исследования АОФИ стал вывод о том, что люди, занимающиеся физической активностью на регулярной основе, то есть минимум 2 раза в неделю на 25% реже болеют коронавирусом, чем те, кто не тренируется. Результаты опроса населения помогли сделать вывод, что при регулярных тренировках коронавирус передается легче в 49% случаев [13].

По данным Национального фитнес-сообщества в 1 квартале 2021 года российские фитнес-клубы приняли на 6% больше посетителей, чем в аналогичном периоде прошлого года. Однако данный показатель меньше аналогичного периода 2019 года на 5% [14].

Основные причины сложности развития фитнес – индустрии, по мнению владельцев клуба, в следующем:

- рост налоговой нагрузки;
- сокращение доходов;
- общее замедление роста экономики;
- сложные отношения с арендодателями;

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ...

- рост переменных расходов (коммунальные платежи).

Нужно заметить, что 2020 год, стал катастрофическим для всей фитнес-индустрии. Пандемия коронавируса, ограничительные меры и закрытие клубов нанесли рынку сокрушительный удар. [15]

Несмотря на кризисы, происходящие с рынком фитнес-индустрии в 1998, 2008, 2014 рынок только замедлял свой рост, а не падал. Так, на начало 2020 года, по данным Национального фитнес-сообщества, в России было зарегистрировано 13 тыс. фитнес-объектов, в том числе 3500 крупных multifunctionальных клубов, при этом на Москву и Петербург приходилось 60% всего рынка, работой были обеспечены 768 тыс. сотрудников.

По мнению Алексея Коновалова – владельца сети Alex Fitness, начало 2020 года было успешным, а снижение продаж и посещаемости началось в феврале, в марте выручка снизилась на 50%. Еще более худшая ситуация была у сети World Class. По мнению генерального директора сети, господина Николая Прянишникова, посещаемость клубов снизилась на 25%, а продажи упали почти на 70%. Это было связано с тем, что в интернете постоянно возникала информация о скором закрытии клубов.

И действительно, 23 марта ограничительные меры по запрету посещения фитнес-центров, бассейнов, аквапарков и других спортивных объектов были введены в Москве, а через несколько дней и в Петербурге. Немного позже закрылись все фитнес-клубы во всех регионах страны и к апрелю ситуация стала критической. Так большая доля сотрудников попала под угрозу сокращения, а ежемесячные убытки фитнес-клубов в России составили 7-8 млрд. рублей, банкротства ожидали 70% компаний. Эти обстоятельства заставили отрасль консолидироваться. Руководители фитнес-ассоциаций, в письме премьер-министру попросили об отсрочке по арендным выплатам, моратория на налоги и кредитные каникулы. В итоге семь крупных фитнес-сетей, таких как World Class, Alex Fitness, X-FIT и другие были включены в список системообразующих предприятий России, а фитнес-отрасль была признана правительством как одна из пострадавших отраслей. К сожалению, в настоящее время, крупным фитнес-сетям удалось воспользоваться только лишь льготами по кредитам. Субсидий сети так и не получили, хотя чиновники от Минспорта уверяли, что господдержка была оказана в размере 1,5 млрд. рублей.

Еще одна существенная проблема, стоящая перед клубами - это отношения с арендодателями. Дело в том, что из всего количества площадей, которые занимала фитнес-индустрия до пандемии (6 млн. кв. метров), 90% находится в аренде. А выплачивать арендную плату в полном объеме, в период кризиса было не из чего. И только ключевые игроки на рынке фитнес-индустрии, с трудом смогли договориться с арендодателями по отсрочке платежей до конца года.

Сейчас, например, у сети Alex Fitness открыто 70 клубов, но планируется закрыть 10 из-за низкой рентабельности и сложных отношений с арендодателями.

Открытие клубов после пандемии было очень непростым, так как ограничительные меры, разработанные Роспотребнадзором, с внесенными поправками от регионов, были настолько жесткие, что многие клубы не смогли открыться на таких условиях. Например, в Санкт-Петербурге, где большинство

клубов работает при крупных торговых центрах, клубы смогли открыться только к концу июля, так как посещение торговых центров до этого времени было запрещено. Или, например, в Нижегородской области, местные власти дали распоряжение, оснастить видеокамерами зону СПА, а видео централизованно размещать в сети, что, несомненно, вызвало бы большой скандал со стороны клиентов.

Локдаун в отрасли длился от 3 до 5 месяцев, в зависимости от региона. Отрасль, по словам президента Национального фитнес-сообщества госпожи Силиной Е., потеряла за время локдауна около 51,4 млрд. рублей и смогла восстановиться после перезапуска только на 60-70 %. К сожалению, даже открытие клубов не принесли отрасли ожидаемого дохода. Потребительский спрос, при падении реальных доходов населения, продолжает снижаться и как следствие этого, продажи новых контрактов и продление старых контрактов снизились на 50-70%. [16,17]

ВЫВОДЫ

Возникает закономерный вопрос как отрасли выйти из этой ситуации и сохранить конкурентоспособность спортивных организаций.

Во-первых, необходима поддержка государства в отношении арендодателей в виде отказа от пересмотра кадастровой стоимости недвижимости в сторону увеличения в течение 4 лет или в виде снижения ставки налога на имущество.

Во-вторых, расширение линейки клубных карт по продолжительности сроков действия, несомненно, положительно скажется на уровне лояльности клиентов фитнес-клубов.

Учитывая сегодняшнюю ситуацию с коронавирусом, и опираясь на результаты исследования, можно сказать, что в настоящее время целесообразно введение услуги реабилитации после перенесенного заболевания COVID 19, а также разработка программ по профилактике заболевания. Многие клиенты спортивных клубов нуждаются в восстановительной терапии и в том числе в физических упражнениях. Физическая реабилитация в фитнес-клубах может проводиться по следующим направлениям:

- физические упражнения;
- инспираторный тренинг посредством использования тренажеров.

Поэтому внедрение в ассортимент услуг фитнес-клубов реабилитационных программ для профилактики и восстановления здоровья после перенесенного заболевания позволит не только разгрузить санаторно-курортные учреждения, но позволит клиентам клубов быстрее вернуться к полноценным тренировкам и жизни.

Программа реабилитации должна предполагать комплекс упражнений, таких как: дыхательные упражнения, общеукрепляющие упражнения, растягивание грудной клетки. Данная программа позволит восстановить мышцы, задействованные при дыхании и увеличить мышечную силу верхних и нижних конечностей. Нельзя забывать также о правильном питании.

В-третьих, запуск он-лайн тренировок в известных социальных сетях. Для того чтобы быть конкурентоспособной организацией на рынке фитнес-услуг, необходимо продвижение. А это означает, что организации недостаточно иметь сайт с

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ...

рекламными объявлениями, а необходимо сделать так, чтобы иметь возможность для создания персонального бренда тренера. В противном случае, потенциальный клиент не заинтересуется работой тренера, если не будет видеть его на различных площадках социальных медиа. Проведение он-лайн тренировок профессионалами фитнес-клубов не только усилит коммуникацию с клиентами, но и значительно укрепит имидж организации. Прекрасным каналом продвижения и продаж персональных тренировок является Instagram. Эта социальная сеть очень популярна среди молодежи и людей среднего возраста, особенно тех, кто интересуется красотой и здоровьем. Размещение фотографий, он-лайн тренировок на своей странице в сети, позволит тренерам, не только увеличить количество клиентов, но и повысить свой заработок и прибыль клуба.

В-четвертых, в подавляющем большинстве клубов есть проблемы с эффективным использованием коммуникационного пространства. В связи с этим, по нашему мнению, необходимо максимально эффективно использовать коммуникативное пространство, усовершенствовать мобильное приложение, и размещать на сайте информацию о проведении разнообразных мероприятий и челленджей в социальных сетях. Кроме того, наполнение сайтов физкультурно-спортивных организаций интересной информацией о предоставляемых услугах для клиентов, а также доступная навигация поможет представить продукт более в выгодном свете.

Все эти меры не только положительно скажутся на динамике объема продаж и посещаемости спортивных организаций сферы фитнес-индустрии, но и в значительной мере повысят их уровень конкурентоспособности.

В заключении, следует отметить, что конкурентоспособность организации – это результат реализации ее конкурентных преимуществ, а по степени удовлетворенности клиентов и эффективности организации в целом - ее отличительная характеристика по сравнению с конкурентами.

Список литературы

1. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Паблишер, 2020. 203 с.
2. Четыркина Н.Ю. Конкурентоспособность организации как форма проявления конкурентоспособности. Наука, образование, общество: тенденции и перспективы. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32632844>
3. Герман Греф о революции в США: Уже нет никакой конкуренции товаров, продуктов или услуг. [Электронный ресурс]. URL: <https://strana.ua/video/11868-programmnaya-rech-germana-grefa-o-revolyucii-v-sistemah-upravleniya.html>
4. Качалина Л.Н. Конкурентоспособный менеджмент. М.: Эксмо, 2006. 464 с.
5. Ежова В.А. Методы оценки и прогнозирования предприятий: учебное пособие, 2020. 37 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nizip.narod.ru/metod/kafeconiorgpr/1607091017.pdf>
6. Теория и методика оздоровительной физической культуры: учебное пособие / ФГАОУ ВПО «Российский гос. проф.-пед. ун-т»; [под ред. Н.В. Третьяковой]. М.: Спорт, 2016. С. 24
7. Менхин Ю.В. Менхин А.В. Оздоровительная гимнастика: теория и методика. Ростов н/Д: Феникс, 2002. С. 162
8. Силина Е.А. Специфика конкурентных преимуществ спортивно-оздоровительного клуба. [Электронный ресурс]. URL: http://nationalfitness.ru/wp-content/uploads/2017/12/Spetsifika-konkurentnyh-preimushhestv-sportivno-ozdorovitel'nogo-kluba_Statya-E.A.-Silinoj.pdf

9. Енченко И.В. Анализ развития фитнес-индустрии в России// Проблемы и инновации спортивного менеджмента, рекреации и спортивно-оздоровительного туризма: сборник статей VII-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Казань, 8 июня 2021 г.) / под ред. проф. Г.Н. Голубевой. Казань: Поволжская ГУФКСиТ, 2021. С. 167-168
10. Гусинец Е.В. Особенности потребительских предпочтений, занимающихся в фитнес-клубах г. Гомеля // Эпоха науки. 2020. №. 21.– С.96-108.
11. Набрал форму: почему ВТБ продает долю в фитнес-клубах World Class. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/28/11/2018/5bfced889a794743f8874287>
12. Исследование фитнес-индустрии от РБК. [Электронный ресурс]. URL: <https://sportres.ru/blog/issledovanie-fitness-industrii-ot-rbk>
13. Результаты опроса «Фитнес vs corona» // Официальный сайт Ассоциации операторов фитнес-индустрии [Электронный ресурс]. URL: <https://fitnessassociation.ru>.
14. Демпинг и праздники: что помогло фитнес-клубам вернуть посетителей // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/426143-demping-i-prazdniki-cto-pomoglo-fitness-klubam-vernut-posetiteley>.
15. «Разрушительное цунами»: 2020 год стал худшим за всю историю российской индустрии фитнеса. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/417589-razrushitelnoe-cunami-2020-god-stal-hudshim-za-vsyu-istoriyu-rossiyskoj-industrii>
16. Спорт после пандемии: как вернуться к активному образу жизни после COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lezard.ru/novosti/sport_posle_pandemii_kak_vernutsya_posle_covid-19
17. Фомченкова Л.В., Крупенькина В.С. Оценка конкурентоспособности в системе «Потенциал – конкурентное преимущество – конкурентоспособность» [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36774985>(дата обращения 5.05.2021)

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

УДК 796.034.2

АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ВФСК «ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ» В ЛЕНИНСКОМ РАЙОНЕ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Енченко И. В., Слободянюк Б. В.

*Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: ir.gerasina2010@yandex.ru*

Авторами рассматриваются ключевые показатели реализации Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» в Ленинском районе Республики Крым. В частности, рассмотрены такие показатели как численность населения, выполнившего нормативы комплекса «Готов к труду и обороне», кадровое обеспечение комплекса, финансирование мероприятий комплекса ГТО.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, массовый спорт, ГТО, Крым

ВВЕДЕНИЕ

Физическая культура и спорт являются важным сектором глобальной экономики и оказывают существенное влияние на общественно-политическую жизнь страны и общества в целом. Вовлечение населения в сферу физической культуры и спорта представляется на сегодняшний день очень важной задачей, особенно в свете целевых показателей, установленных в данной отрасли до 2030 года. Необходимость повышения уровня развития физической культуры и спорта в России обусловлена неблагоприятной социально-демографической ситуацией, выражающейся высоким уровнем заболеваемости населения по всей территории страны, большим количеством людей, употребляющих наркотики, злоупотребляющих алкоголем и курением, повышением уровня преступности, общим снижением физической активности населения страны. В связи с этим важно разрабатывать более совершенные программы по развитию массового спорта, вовлекать в сферу физической культуры и спорта все категории граждан, посредством создания максимальной доступности услуг физической культуры и спорта, как с ценовой, так и с территориальной точки зрения, а также с помощью увеличения учебных часов по дисциплине «физическая культура» в образовательных учреждениях [1].

Комплекс "Готов к труду и обороне" является универсальным комплексом, направленным на укрепление здоровья населения и поддержание и развитие физических качеств.

В Республике Крым, как и в других субъектах Российской Федерации, ВФСК "Готов к труду и обороне" реализуется с 2014 года. По данным на 31 декабря 2020 года Республика Крым занимает 62 место в рейтинге ГТО среди всех субъектов Российской Федерации. Общая численность населения, проживающего на территории Республики Крым, составляет 1 781 890 человек, из них в выполнении нормативов комплекса ГТО приняли участие 66 113 человек, что составляет 3,71% от общей численности населения. За 2020 год в Республике Крым получено 25 458 знаков ГТО [2]. Мы можем говорить в данном случае о положительной динамике, так как, например, в Докладе «Результаты оценки деятельности органов государственной

власти субъектов Российской Федерации в области физической культуры и спорта по внедрению и реализации комплекса ГТО по итогам 2014-2017 гг.» говорится, что в период 2014–2017 годов в Республике Крым получено 3381 знак отличия комплекса ГТО, то есть 0,19 % от общей численности населения Республики [3]. В 2018 году в выполнении нормативов, по данным Министерства спорта Российской Федерации, приняли участие 7066 человек, то есть лишь 0,4% от общей численности населения субъекта [4]. Таким образом, можно говорить о росте показателей по сдаче нормативов комплекса ГТО.

В Ленинском районе проводятся мероприятия по реализации Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО). Численность населения района составляет 58441 человек, из них зарегистрированных в АИС ГТО (автоматизированная информационная система) 1141 человек. Все в большей степени комплекс ГТО обретает популярность среди детей, обучающихся в общеобразовательных школах. Проводится работа по пропаганде комплекса ГТО среди лиц с ограниченными возможностями. Данные мероприятия осуществляются через социальные сети и в индивидуальном порядке, на данный момент, места для тестирования лиц с ограниченными возможностями отсутствуют. В Ленинском районе проводились мероприятия по подготовке населения к выполнению нормативов ГТО: акция «Отцовский патруль», «Лето с ГТО». К проведению мероприятий и работе по оценке нормативов выполнения ГТО в качестве спортивных судей привлечены учителя физической культуры.

Ключевая цель нашего исследования - проведение анализа реализации ВФСК "Готов к труду и обороне" в Ленинском районе Республики Крым.

Для достижения данной цели авторами были поставлены следующие задачи:

- исследование обеспеченности исследуемого региона центрами тестирования ГТО;
- анализ кадрового обеспечения для реализации комплекса ГТО;
- анализ численности населения, выполнившего нормативы комплекса ГТО в Ленинском районе с 2017 по 2020 год;
- анализ финансирования мероприятий комплекса ГТО;
- разработка рекомендаций по дальнейшему развитию комплекса ГТО в Ленинском районе Республики Крым.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Рассмотрим ключевые показатели реализации Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса "Готов к труду и обороне" в Ленинском районе Республики Крым.

В Ленинском районе Республики Крым по данным 2020 года имеется один центр тестирования ГТО, имеющий в своем штате трех человек. Данный показатель является стабильным и не изменен с 2017 года.

Для организации и проведения тестирования всем желающим трех человек недостаточно. Данное количество людей не позволит в полной мере реализовывать оценку тестирования граждан, изъявивших желание сдать нормативы, так как

АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ВФСК «ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ»...

количество желающих с каждым годом увеличивается, что не позволяет в полной мере реализовывать свои должностные обязанности. В связи с этим стоит вопрос об увеличении числа работников центра подготовки, что позволит качественно проводить оценку тестирования нормативов и снизить нагрузку на персонал.

Рассмотрим кадровое обеспечение комплекса "Готов к труду и обороне". На рисунке 1 представлены данные по этому показателю.

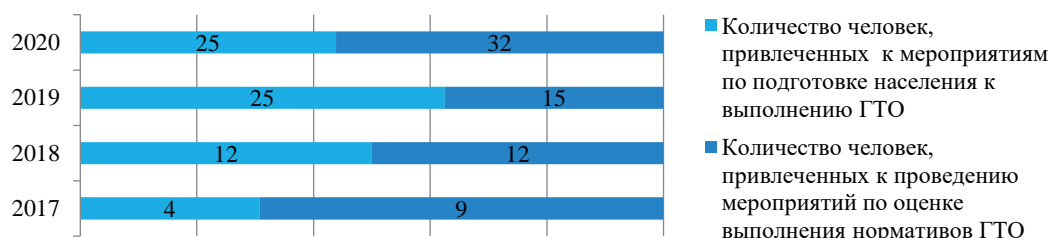

Рисунок 1. Кадровое обеспечение комплекса "Готов к труду и обороне" в Ленинском районе Республики Крым с 2017 по 2020 год [5-8]

Мы наблюдаем устойчивый рост числа работников как среди кадров, привлеченных к мероприятиям по подготовке населения к выполнению ГТО, так и среди работников, привлеченных к проведению мероприятий по оценке выполнения нормативов комплекса ГТО.

Рассмотрим такой показатель, как количество мероприятий, проведенных центром тестирования по оценке выполнения нормативов комплекса ГТО. На рисунке 2 представлены данные по этому показателю.

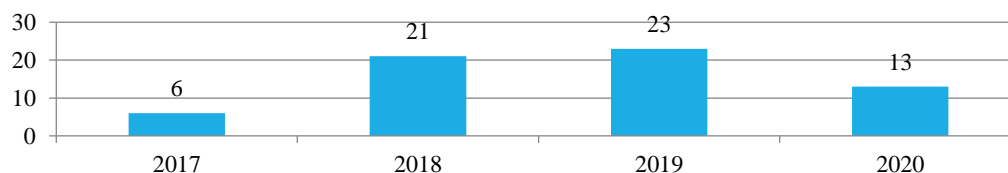

Рисунок 2. Количество мероприятий, проведенных центром тестирования по оценке выполнения нормативов комплекса ГТО в Ленинском районе Республики Крым с 2017 по 2020 год [5-8]

Анализируя данные, представленные на рисунке 2, можно сказать, что количество мероприятий, проведенных центром тестирования по оценке выполнения нормативов комплекса ГТО, значительно увеличивалось в 2018 и 2019 году, однако в 2020 году, мы наблюдаем значительное снижение. Одной из наиболее влиятельных причин снижения количества мероприятий явилась пандемия коронавирусной инфекции, из-за которой проведение мероприятий было запрещено. Другими причинами явились отсутствие лиц с судейскими категориями, отсутствие должного финансирования.

Важнейшим показателем для анализа реализации ВФСК ГТО является число людей, принимавших участие в сдаче нормативов. На рисунке 3 представлены

данные по числу людей, принимавших участие в выполнении нормативов ВФСК ГТО с 2017 по 2020 год.

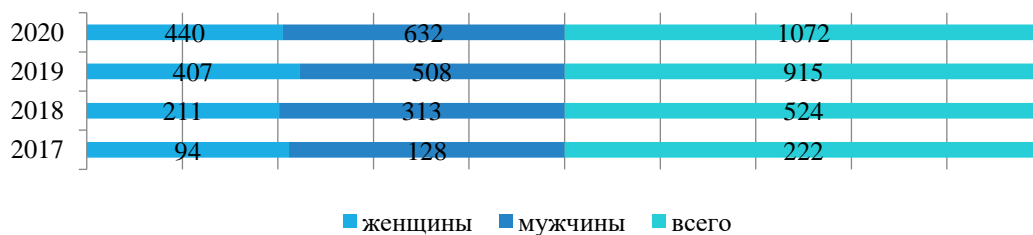

Рисунок 3. Число людей, принявших участие в выполнении нормативов ВФСК ГТО с 2017 по 2020 год [5-8]

Мы видим, что с каждым годом число людей, принимающих участие в сдаче нормативов ВФСК ГТО, растет. С 2017 года число людей, принимающих участие в сдаче нормативов ВФСК ГТО увеличилось на 850 человек, с 222 человек в 2017 году, до 1072 человек в 2020 году. Более активной категорией является мужское население.

Проанализируем число людей, выполнивших нормативы ВФСК ГТО на знаки отличия (рисунок 4).

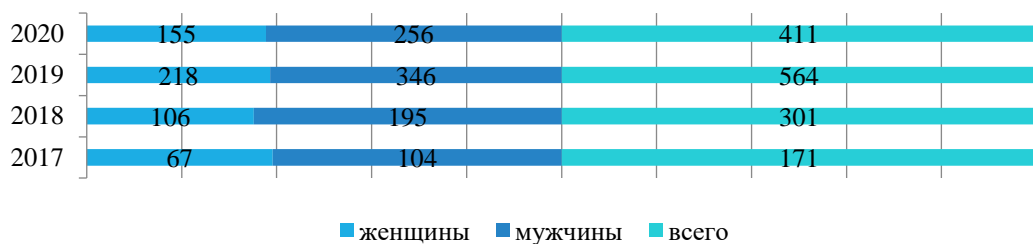

Рисунок 4. Число людей, сдавших нормативы ВФСК ГТО на знаки отличия (с 2017 по 2020 год) [5-8]

С 2017 по 2019 год мы наблюдаем стабильный рост числа людей, выполнивших нормативы ВФСК ГТО, с 171 человека в 2017 году, до 564 человек в 2019 году, то есть на 393 человека больше. Однако, в 2020 году, наблюдается снижение данного показателя до 411 человек. В 2020 году также наблюдается самый низкий процент людей, выполнивших нормативы комплекса ГТО, от общего числа приступивших к сдаче - 38,3%. Для сравнения в 2019 году данный показатель был равен 61,6%, в 2018 году - 57,4%, а в 2017 году - 77%. Такое снижение показателей определяется тем, что в 2020 году пандемия коронавирусной инфекции повлияла достаточно серьезно. Были запрещены все спортивно-массовые мероприятия. Жители района не смогли принять участие в сдаче нормативов ГТО и не смогли принять участия в республиканских фестивалях ГТО. Таким образом, можно сказать, что 2020 год выдался менее продуктивным, нежели предыдущие годы. Еще одним из немаловажных факторов является то, что граждане, выполнившие нормативы ГТО,

АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ВФСК «ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ»...

ждут знаки отличия больше года, что приводит к потере интереса к комплексу ГТО, тем самым снижая рейтинг района в АИС.

Рассмотрим число людей, выполнивших нормативы ВФСК ГТО по знакам отличия (рисунок 5).

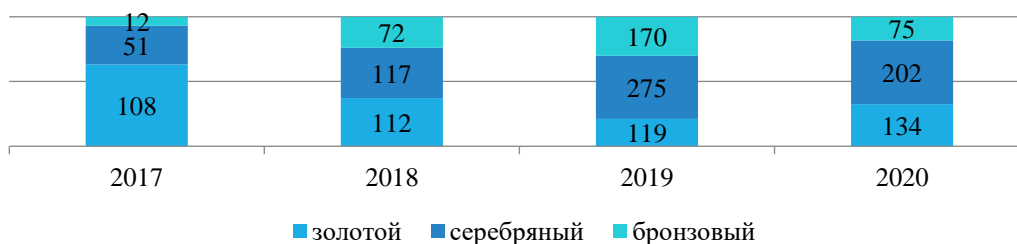

Рисунок 5 - Число людей, выполнивших нормативы ВФСК ГТО по знакам отличия (с 2017 по 2020 год) [5-8]

В 2017 году больше всего было золотых знаков отличия, с 2018 по 2020 год максимальное количество знаков отличия относится к серебряным.

Важным представляется анализ распределения людей, сдающих нормативы ВФСК ГТО, по возрастным ступеням. На рисунке 6 представлены данные по числу людей, приступивших к сдаче нормативов ВФСК ГТО по возрастным ступеням.

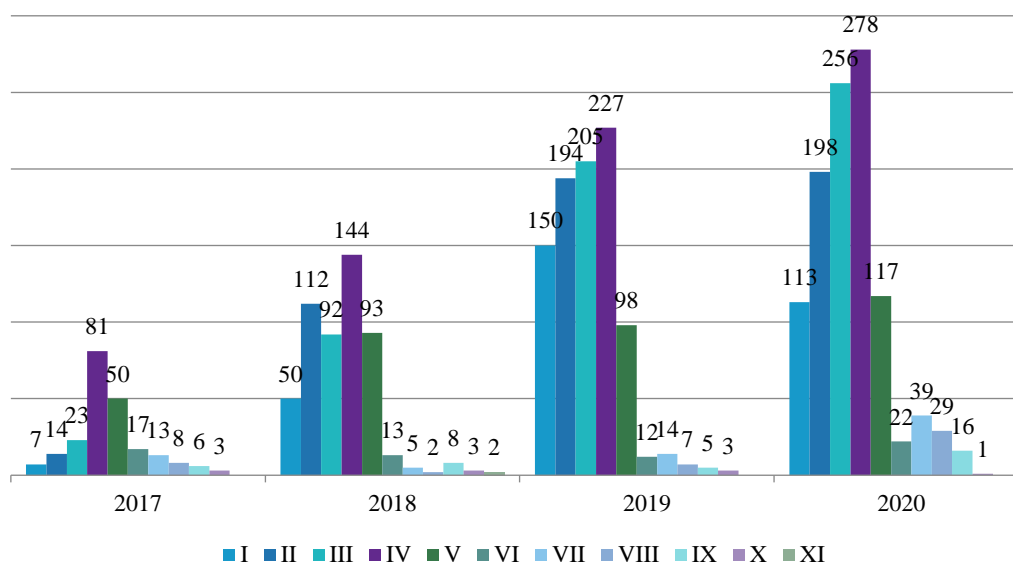

Рисунок 6 - Число людей, приступивших к сдаче нормативов ВФСК ГТО по возрастным ступеням [5-8]

Анализируя данные, представленные на рисунке 6, можно сказать, что наиболее активной возрастной категорией является IV ступень, то есть возраст от 13 до 15 лет, далее идет III ступень - 11 - 12 лет и II ступень - 9-10 лет соответственно. Меньше

всего представлены X и XI ступени, то есть возрастная группа от 60 до 69 лет и от 70 лет и старше.

На рисунке 7 представлены данные по числу людей, сдавших нормативы ВФСК ГТО на знаки отличия по возрастным ступеням.

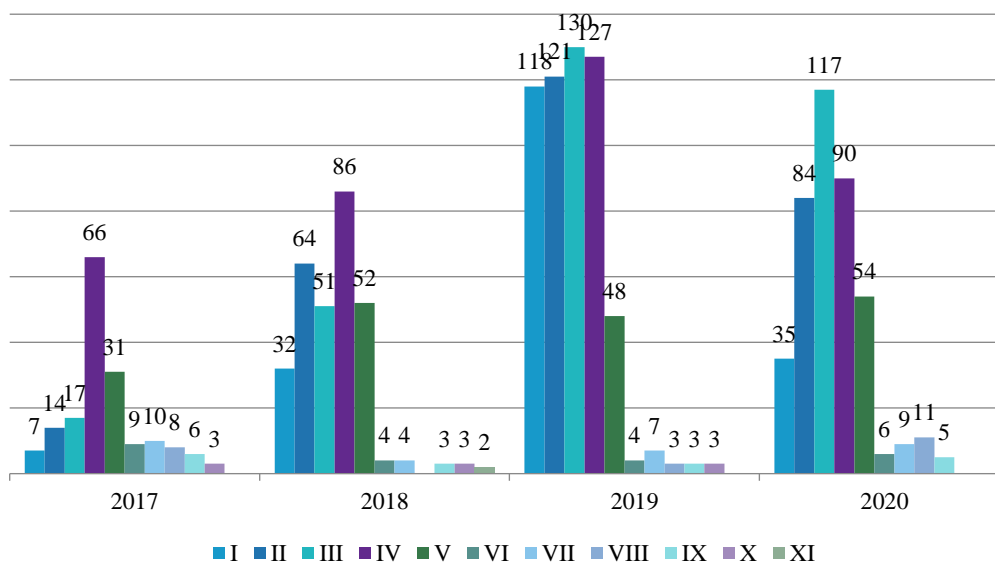

Рисунок 6 - Число людей, сдавших нормативы ВФСК ГТО на знаки отличия по возрастным ступеням (с 2017 по 2020 год) [5-8]

В 2019 и 2020 году наиболее активной категорией являются люди от 11 до 12 лет, то есть III ступень комплекса, в 2017 и 2018 году наибольшее число людей, выполнивших нормативы комплекса ГТО на знаки отличия, относится к IV ступени, то есть к возрастной категории от 13-15 лет. Такая активность объясняется, в первую очередь, тем, что эти возрастные категории относятся к школьному возрасту и посещают занятия по физической культуре в рамках учебного процесса в общеобразовательных учреждениях.

Минимальные показатели наблюдаются в возрастных категориях от 60 до 69 лет и от 70 лет и старше. Отметим тот факт, что возрастная категория старше 70 лет представлена только в 2018 году. В 2020 году отсутствуют обе эти категории.

Рассмотрим такую важную категорию показателей реализации ВФСК ГТО, как финансирование мероприятий комплекса. На рисунке 7 представлены данные по объемам финансирования мероприятий ВФСК ГТО с 2017 по 2020 год.

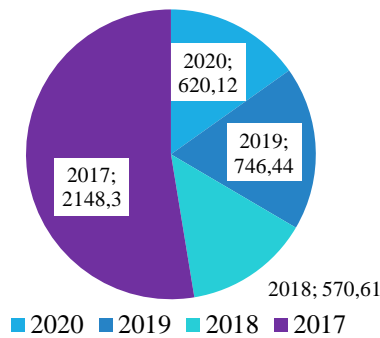

Рисунок 7 - Объем финансирования мероприятий ВФСК ГТО с 2017 по 2020 год (тыс. руб.) [5-8]

Мы видим, что максимальные показатели финансирования наблюдаются в 2017 году - 2148,3 тысячи рублей. Минимальные объемы финансирования мы видим в 2018 году - 570,61 тысяч рублей. В 2019 году этот показатель увеличился до 746,44 тысяч рублей, однако, в 2020 году снова снизился и составил 620,12 тысяч рублей.

Рассмотрим подробнее статьи расходов на мероприятия в рамках ВФСК ГТО с 2017 по 2020 год. Данные представлены на рисунке 8.

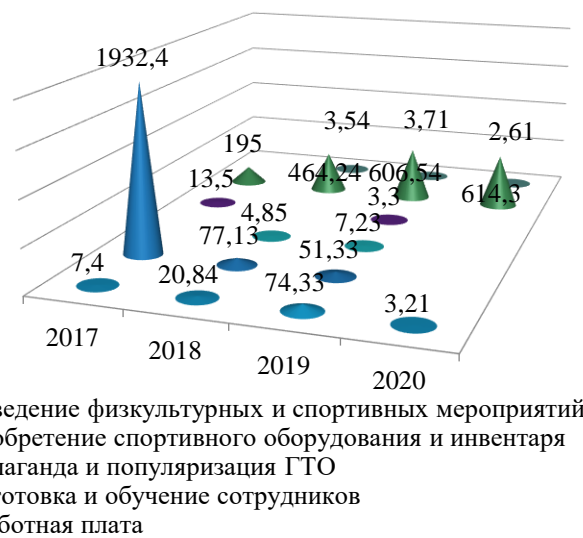

Рисунок 8 - Распределение финансирования мероприятий ВФСК ГТО по статьям расходов (в тыс. руб.) [5-8]

Мы видим, что в 2017 году было потрачено 1932,4 тысячи рублей на приобретение спортивного оборудования и инвентаря, это максимальный показатель за все анализируемые годы. Ежегодно растет показатель расходов на заработную плату, так в 2017 году он был равен 195,00 тысячам рублей, в 2020 году этот показатель возрос

до 614,3 тысяч рублей. Отметим, однако, тот факт, что в 2020 году средства расходовались исключительно на заработную плату, проведение физкультурных и спортивных мероприятий и прочие расходы, тогда как в предыдущие годы средства выделялись и на другие статьи расходов.

Такое существенное снижение финансирования можно связать с тем, что на сегодняшний день Ленинский район считается, дотационным и нет возможности выделять большее количество средств для оптимизации развития программы ГТО, в то же время центр тестирования прикреплен к ДЮСШ и не имеет полномочий на расходование средств, в том числе на обучение администратора Центра тестирования. Остается открытым вопрос планирования и использования средств на эти цели.

В настоящее время начисление заработной платы работникам Центра тестирования производится как «прочему персоналу» учреждения. Отсутствие финансовых документов не позволяет производить расчет заработной платы.

Рекомендации по оптимизации реализации ВФСК «Готов к труду и обороне» (ГТО) следующие:

- постройка бассейна позволит оптимизировать процесс сдачи нормативов, тем самым позволит жителям района сдавать нормативы в районе, не выезжая за его пределы;
- создание на базе центра тестирования сертифицированного центра по подготовке судей;
- в большей степени уделять внимание работе по пропаганде комплекса ГТО среди людей пожилого возраста;
- проведение семинаров среди учителей физической культуры в школах;
- необходимо наладить работу с родителями, чьи дети намерены сдать нормативы ГТО;
- при информировании о ВФСК «Готов к труду и обороне» (ГТО) нужно использовать все информационные сети коммуникации (оповещение в социальных сетях, опубликование статей в газетах, информирование на местных телеканалах и радиостанциях);
- увеличить количество штатных работников Центра тестирования;
- наладить поставку знаков отличия в кратчайшие сроки;
- в общеобразовательных школах необходимо наладить организацию работы по внедрению и реализации ГТО со стороны учителей физической культуры и администрации школ;
- необходима постройка во всех населенных пунктах современных площадок для тестирования граждан;
- необходимо создать клуб золотого знака ГТО, участники которого будут проводить пропаганду комплекса ГТО, и тем самым у сдающих нормативы будет стимул попасть в клуб. Благодаря созданию клуба повысится престиж среди населения комплекса ГТО.

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

АНАЛИЗ РЕАЛИЗАЦИИ ВФСК «ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ»...

1. В Ленинском районе выделяются следующие проблемы: в работе с обучающимися – в большинстве школ наблюдается недостаточная организация работы по внедрению и реализации ГТО со стороны учителей физической культуры и администрации школ. Удаленность школ от центра тестирования не позволяет принимать участие школьным командам в районных мероприятиях по ГТО (отсутствуют средства в бюджете школ на подвоз команд). Проблемы с лицами пенсионного возраста – отсутствие здоровья, отсутствие во многих населенных пунктах района современных площадок для тестирования, у центра тестирования нет возможности присвоения судейской квалификации. Решение данных проблем позволит оптимизировать процесс развития комплекса ГТО и позволит качественно решать задачи, поставленные перед центром тестирования

2. Приоритетной задачей по реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта на территории Ленинского района является реализация всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО).

3. Отделение центра тестирования от структурного подразделения детско-юношеской школы позволит стать независимым, увеличить рост финансирования центра тестирования, привлечь большее число работников для реализации программ ВФСК ГТО.

Анализ реализации ВФСК "Готов к Труду и Обороне" в Ленинском районе Республики Крым имеет положительную динамику. Для качественного выполнения поставленных задач и целей по реализации комплекса ГТО необходимо использовать все возможные ресурсы и привлекать как можно большее число людей для улучшения физического состояния населения.

Список литературы

1. Черненко В.А., Енченко И.В. Услуги физической культуры и спорта в Российской Федерации: монография. СПб: Изд-во СПбГУСЭ, 2013. 169 с.
2. Рейтинг реализации Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса "Готов к труду и обороне" по итогам 4 квартала 2020 года // Официальный сайт ВФСК "Готов к труду и обороне". [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gto.ru/files/uploads/documents/6037a70788304.pdf>.
3. Доклад «Результаты оценки деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области физической культуры и спорта по внедрению и реализации комплекса ГТО по итогам 2014-2017 гг.» // Официальный сайт ВФСК «Готов к труду и обороне». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gto.ru/files/uploads/media/5a9e54bd40834.pdf> (дата обращения: 05.03.2021).
4. Енченко И.В. Анализ развития физической культуры и спорта в Республике Крым // Крымский научный вестник. 2018. №2 (19). С. 26-33.
5. Сводный отчет 2-го за 2017 год // Сектор по делам молодежи и спорту Администрации Ленинского района
6. Сводный отчет 2-го за 2018 год // Сектор по делам молодежи и спорту Администрации Ленинского района
7. Сводный отчет 2-го за 2019 год // Сектор по делам молодежи и спорту Администрации Ленинского района
8. Сводный отчет 2-го за 2020 год // Сектор по делам молодежи и спорту Администрации Ленинского района

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

УДК 339.9

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ АДАПТАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Илясова Ю. В., Дмитриев А. В., Мираньков Д. Б.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация
e-mail: alex.dim.95@gmail.com*

В статье рассматриваются особенности инвестиционных режимов и подходы к регулированию иностранных инвестиций на государственном уровне странами, различными по экономическому развитию и принадлежащих к различным интеграционным группировкам. В частности, проводится сравнительный анализ применяемых инструментов контроля инвестиционных сделок с участием иностранного инвестора, законодательных актов и государственных институтов, регулирующих приток иностранных инвестиций, стратегических отраслей с ограниченным доступом или полностью закрытых для иностранных инвестиций. На базе проведенного анализа, даны предложения по внедрению дополнительных инструментов контроля иностранных инвестиций в Российскую Федерацию и Республику Крым с целью обеспечения национальной и региональной экономической безопасности, а также усиления положительного эффекта от иностранных инвестиций.

Ключевые слова: инвестиции, иностранные инвестиции, правовой режим, режим иностранных инвестиций, общественные интересы, пороговые значения, стратегические отрасли экономики, национальный интерес, инвестиционная деятельность, государственное регулирование инвестиционной деятельности, инвестиционный климат.

ВВЕДЕНИЕ

Стратегическим приоритетом страны является обеспечение высоких темпов социально-экономического роста и повышения уровня жизни населения. Привлечение иностранных инвестиций в достаточных объемах является определяющей предпосылкой успешного развития экономики страны и важным индикатором условий предпринимательской деятельности. Именно поэтому возникает необходимость сосредоточить внимание на вопросах иностранного инвестирования. Благодаря интенсивным инвестиционным потокам можно повысить эффективность функционирования национальной экономики. Кроме того, поступление прямых иностранных инвестиций в национальную экономику – важный элемент дальнейшего развития внешнеэкономических связей и является одним из показателей степени интеграции страны в мировое хозяйство.

Одним из важнейших инструментов государственной поддержки инвестиционной деятельности и инструментом реализации инвестиционной политики государства является надлежащее регулирование инвестиционной деятельности и создание привлекательных условий для инвесторов с помощью правового регулирования инвестиционной деятельности. Государство должно регулировать инвестиционный процесс и быть ответственным за его организацию, поскольку государственная поддержка инвестиционной деятельности будет способствовать развитию рыночных отношений и конкуренции в сфере инвестиций.

Необходимость обобщения накопленного в современных условиях опыта государственного регулирования инвестиционного процесса в рыночной экономике определяется тем, что функционирование рынка будет трудным без влияния государства, регулирующего инвестиционную деятельность, формирует и осуществляет в целом инвестиционную политику. Значительной мерой инвестиционная деятельность зависит от инвестиционной привлекательности, поскольку эффективность инвестирования определяется выгодным вложением инвестиций. Иностранцев сдерживает экономическая и политическая нестабильность. Поэтому актуально рассмотреть зарубежный опыт в направлении формирования и реализации государственной инвестиционной политики и возможность его адаптации в Республике Крым.

Вопросами регулирования иностранных инвестиций занимались многие отечественные и зарубежные ученые и исследователи.

Аксенов П.А. рассматривал инвестиционную политику США, в частности, проверку ПИИ с точки зрения национальной безопасности страны [1]. Акчурин Т.Ф. и Марченко А.В. анализировали правовое регулирование иностранных инвестиций в США и соотношение норм внутреннего законодательства США с нормами международного инвестиционного права [3]. Веселкова Е.Е. выделила льготы (преференции), предоставляемые иностранным инвесторам в ряде стран. Минькеев О.Д. исследовал правовое регулирование инвестиционной деятельности в странах ЕС [5]. Старостина Ю.А. провела анализ инвестиционного климата в южноафриканском регионе с целью привлечения иностранных инвестиций в страну [6]. Чжу Хэци исследовал нормы международных договоров с участием КНР и Республики Беларусь, регулирующие отношения государств по вопросу привлечения и защиты иностранных инвестиций, а также внутренние нормативные правовые акты по регулированию иностранных инвестиций [7]. Фригон М. проанализировал показатели притока иностранных инвестиций в Канаде, обозначил правовые особенности инвестиционной политики страны, а также выделил ряд отраслей с ограничениями для иностранного капитала [14]. Кроме того, важный вклад в исследование режимов иностранных инвестиций внесли К. Голдман и М. Коч, являющиеся авторами ежегодного сборника, посвященного последним нововведениям в области регулирования иностранных инвестиций на основании интервью и научных материалов ведущих экономистов и специалистов в области инвестиций со всего мира [15].

Цель статьи заключается в выявлении и обобщении правовых основ регулирования иностранных инвестиций в экономиках зарубежных стран, а также разработка рекомендаций по внедрению мирового опыта регулирования иностранных инвестиций на территории Российской Федерации и, в частности, Республики Крым.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Под режимом иностранных инвестиций в широком смысле понимаются общие положения инвестиционной политики страны, объединяющие процесс

рассмотрения иностранных инвестиций, этапы утверждения инвестиционных проектов, требования к иностранному инвестору, финансовые пороги для рассмотрения инвестиций государственными органами и ведомствами, антимонопольный режим и ограничения на иностранные инвестиции в отрасли, представляющие национальные интересы страны.

Поскольку уровень экономического развития во многом определяет инвестиционную политику страны, в том числе в отношении иностранных инвестиций, наиболее объективным будет анализ режимов иностранных инвестиций стран, различных по географическому положению, принадлежности к интеграционным объединениям, развитости экономики и т.п. В связи с этим, для сравнительного анализа были выбраны: развитые страны Европы, Северной Америки (США и Канада), развивающиеся страны Азии (Китай и Вьетнам) и Африки (ЮАР), а также Россия – как страна с переходной экономикой.

Среди развитых европейских стран были выбраны как традиционно сильные экономики – Франция, Германия, Италия, Испания, Португалия, так и наиболее инновационные с точки зрения подхода к инвестициям – Ирландия. Также рассмотрены особенности регулирования иностранных инвестиций в Болгарии – как одной из наиболее молодых стран ЕС. Кроме того, для анализа выбран инвестиционный режим Соединенного Королевства уже как самостоятельной страны, без привязки к инвестиционному законодательству ЕС.

Среди развивающихся стран были выбраны: Китай – как наиболее динамично развивающаяся экономика с значительным объемом зарубежных инвестиций, Вьетнам и ЮАР – как страны с близким уровнем экономического развития, но находящиеся на разных континентах.

Итак, рассмотрим режим иностранных инвестиций в упомянутых выше странах.

Отличительной чертой регулирования инвестиций в Европейском Союзе (ЕС), рассматривая регулирование на наднациональном уровне в рамках всего объединения, является баланс между защитой экономических и политических интересов объединения, с одной стороны, и автономностью государств-членов в принятии решения о привлечении инвестиционного капитала из третьих стран, с другой. В связи с этим, основным инструментом ЕС по отбору и контролю иностранных инвестиций, выступает Положение о рамочном регулировании.

«Рамочное регулирование» устанавливает общую для всех государств-членов правовую основу для обеспечения большей координации при отборе ПИИ без создания обязательного механизма отбора на уровне ЕС. Этот механизм устанавливает общую основу для проверки ПИИ в ЕС по соображениям безопасности или сохранения общественного порядка. Важно отметить, что данное положение не предполагает создание обязательного механизма проверки иностранных инвестиций на уровне ЕС, а также не налагает на государства-члены обязательства принимать установленные процедуры проверки ПИИ. Данное положение, в первую очередь, направлено на координацию и укрепление сотрудничества между странами членами и устанавливает требование к соблюдению национальных механизмов. Таким образом, проверка и отбор ПИИ остается в компетенции государств-членов.

На сегодняшний день 14 государств-членов и Соединенное Королевство приняли различные стратегии защиты своих интересов национальной безопасности от воздействия ПИИ, начиная от процедур проверки и заканчивая частичным или полным запретом ПИИ в конкретных секторах, особенно в сфере обороны.

Положение о рамочном регулировании содержит перечень факторов и критериев, которые государства-члены могут учитывать при определении того, могут ли конкретные ПИИ повлиять на их безопасность или общественный порядок. Эти факторы определяют потенциальное воздействие ПИИ на такие области, как:

а) критическая инфраструктура, физическая или виртуальная (например, энергетика, транспорт, водоснабжение, здравоохранение, связь, средства массовой информации, аэрокосмическая, оборонная, избирательная или финансовая инфраструктура, а также земля и недвижимость, прямо влияющие на использование такой инфраструктуры);

б) критические технологии и товары двойного назначения (такие как искусственный интеллект, робототехника, кибербезопасность, аэрокосмическая промышленность, оборона, энергетика);

в) поставка стратегических ресурсов (энергетических, сырьевых) или ресурсов, оказывающих влияние на продовольственную безопасность;

г) доступ к конфиденциальной информации (такой как персональные данные или возможность контролировать такую информацию);

д) свобода и плюрализм средств массовой информации.

Несмотря на то, что на национальном уровне страны-члены ЕС ориентируются, в первую очередь, на внутреннее законодательство и механизмы отбора и контроля иностранных инвестиций, рекомендации «рамочного положения» имеют определяющее значение и задают вектор развития внутреннего законодательства в области иностранных инвестиций. Таким образом, в большинстве стран союза список стратегических отраслей с ограниченным доступом для иностранного капитала схож, но, в то же время, существует и ряд особенностей регулирования иностранных инвестиций. Ниже рассмотрены особенности регулирования и отбора ПИИ в некоторых Европейских странах [4-5, 15].

Иностранные инвесторы в Болгарии попадают под действие национального режима, снимающего какие-либо ограничения на иностранную собственность или контроль над национальными компаниями. Кроме того, в большинстве секторов экономики отсутствуют жесткие механизмы контроля, проверки и отбора иностранных инвестиций.

Исключение составляют оффшорные компании, индустрия азартных игр и приобретение сельскохозяйственных угодий.

Отличительной чертой регулирования ПИИ в Болгарии выступает сертификация иностранных инвестиций, а также разработанная система поощрений и стимулов для сертифицированных инвестиций. В зависимости от размера инвестиций, сектора экономики и региона страны, в которую осуществляются инвестиции, инвестор может получить сертификат о классе инвестиций. В то же время, чтобы получить сертификат, потенциальному инвестору необходимо обратиться в агентство Invest Bulgaria, которое формирует специальную рабочую

группу для каждого заявителя, которая проводит процедуру проверки и готовит мотивированное предложение для принятия решения по заявке. Таким образом, иностранный инвестор заинтересован в предоставлении полной информации о своей деятельности на территории страны [12, 15].

Большинство секторов экономики Франции открыты для иностранных инвестиций, в том числе из стран, не входящих в Европейский союз, хотя в отношении последних действуют определенные ограничения. Однако в стране действует режим предварительного одобрения иностранных инвестиций.

Для всех иностранных инвестиций, которые влияют на осуществление государственной власти или связаны с деятельностью, которая может повлиять на государственную политику, национальную безопасность или оборону, потребуется предварительное разрешение Министерства экономики. При определении стратегических секторов экономики Франция следует общим рекомендациям Европейского Союза.

Инвесторы во всех стратегических секторах должны получить предварительное разрешение до осуществления любой из операций, связанных с прямым или косвенным приобретением контрольного пакета акций или приобретением всей компании или части направления деятельности компании, зарегистрированной во Франции.

Поскольку Министерство должно удостовериться в том, что инвестиции не нанесут ущерба национальным интересам, запрос на получение разрешения должен содержать информацию об инвесторе, получателе инвестиций и самих инвестициях [4, 15].

Режим иностранных инвестиций в Германии раздваивается на «секторальный» и «межсекторальный» режимы контроля. Отраслевые или «секторальные» правила применяются к приобретению предприятий, работающих в областях, имеющих отношение к национальной обороне или другим аналогичным чувствительным областям, влияющим на национальную безопасность. Межсекторальный обзор применяется к предприятиям всех секторов, независимо от размера компании, участвующей в приобретении. В рамках межсекторального инвестиционного режима охватываются приобретения, осуществляемые любым инвестором за пределами ЕС или Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ).

Как и Франция, Германия не имеет официально закрытых секторов экономики для иностранных инвесторов, хотя инвестиции в стратегические секторы вряд ли будут одобрены для стран, не входящих в ЕС. Абсолютно все иностранные инвестиции подлежат добровольному уведомлению о предполагаемой сделке. В тех случаях, когда речь идет о приобретении бизнеса, работающего в стратегически важных инфраструктурах, закон требует обязательного уведомления приобретателем Федерального министерства экономики и энергетики.

Что касается проверки сделок с участием иностранного капитала, то Германия устанавливает пороговые значения, превышение которых запускает процесс проверки. Пороговые значения могут быть выражены в предельно допустимых объемах приобретения акций компании, ожидаемой прибыли от деятельности компании или просто зависеть от суммы сделки.

Например, приобретение голосующих акций или бизнеса в результате сделки с активами подлежит пересмотру, если достигнут или превышен порог в 25% прав голоса. При этом, соответствующий порог контроля значительно ниже, если рассматриваемое предприятие работает в определенных секторах бизнеса стратегической инфраструктуры [4, 15].

Ирландское правительство стремится обеспечить отсутствие существенных барьеров для международной торговли или иностранных инвестиций в Ирландии. Однако некоторые виды инвестиций в определенные отрасли промышленности подлежат утверждению, регулированию или и тому, и другому в соответствии с ирландским законодательством. Среди них: международные финансовые услуги: связь; теле и радиовещание; экспорт товаров двойного назначения. В отличие от большинства стран ЕС, список стратегических отраслей довольно узок, однако он затрагивает основные социально-экономические интересы страны.

Особое внимание в вопросе регулирования иностранных инвестиций уделяется антимонопольной политике. Под государственное регулирование подпадают следующие виды инвестиций: слияния, создание совместных предприятий и поглощения, которые подпадают под действие антимонопольного законодательства Ирландии и Европейского Союза.

В Ирландии также применяется практика установления пороговых значений для иностранных инвестиций. О таких сделках, как слияния, поглощения и учреждение полнофункциональных совместных предприятий, которые превышают предельные финансовые пороговые значения, необходимо уведомить контролирующие органы до их вступления в силу [4, 15].

Как правило, иностранные инвестиции в компании, действующие в Италии в определенных областях, которые считаются стратегически важными для национальных интересов, подлежат предварительной процедуре рассмотрения, которая, в зависимости от цели, может быть более или менее строгой.

Закон определяет четыре общие категории активов и видов деятельности, в отношении которых правительство может осуществлять свои специальные полномочия:

- а) деятельность и активы, считающиеся стратегическими для системы обороны и национальной безопасности (деятельность в области стратегической безопасности);
- б) сети, заводы, активы, считающиеся стратегическими для национальных интересов в области энергетики, транспорта и связи (стратегические активы);
- в) услуги широкополосной электронной связи на основе технологий пятого поколения (деятельность 5G);
- г) рассматриваемые финансовые инфраструктуры, здравоохранение и другие важнейшие секторы.

Уведомление об иностранных инвестициях, подпадающих под сферу специальных полномочий правительства, должно быть заблаговременно направлено правительству.

В зависимости от цели иностранные инвестиции могут подлежать дополнительному рассмотрению или процессу авторизации, проводимым

отраслевыми регулирующими органами. Секторы, в которых могут потребоваться такие разрешения, включают: а) банковские, страховые и инвестиционные услуги; б) телекоммуникации; в) вещание; г) газовые сети; д) электрические сети.

Кроме того, в некоторых секторах закон устанавливает ограничения на приобретение контрольного пакета акций лицами, не являющимися резидентами ЕС [4, 15].

На фоне регулятивных мер и процедур, осуществляемых правительством ЕС для оценки и анализа иностранных инвестиций, португальская экономика остается достаточно открытой.

Во-первых, что касается мер по регулированию прямых иностранных инвестиций, то необходимо уточнить, что правительство Португалии не ввело никаких ограничений в результате пандемии covid-19, и поэтому правовая база Португалии в области ПИИ осталась неизменной.

Как правило, португальское законодательство не налагает каких-либо конкретных ограничений на иностранный капитал. Тем не менее, ряд отраслей по-прежнему подвержены определенным ограничениям. Согласно португальскому законодательству, существуют пороговые значения для обязательного уведомления о предстоящей инвестиционной сделке, пороговые значения для пересмотра иностранных инвестиций, а также особые ситуации, касающиеся режимов, регулирующих стратегические секторы. Регулированию и обязательному уведомлению о сделке подлежат следующие секторы: банковское дело и другие финансовые учреждения; страхование; энергетика; телекоммуникации; телевизионное вещание; воздушный транспорт.

Полностью закрытыми для иностранного капитала являются отрасли, тесно связанные с обеспечением бесперебойных коммуникаций внутри страны, а также добычей и перераспределением природных ресурсов [15].

В то время как португальское законодательство довольно либерально по отношению к иностранным инвесторам, в Испании существует ряд ограничений, в первую очередь касающихся нерезидентов Испании и государств, не входящих в ЕС, а в некоторых случаях европейских инвесторов, которые не являются резидентами Испании. Несмотря на основное положение испанского закона об иностранных инвестициях, которое провозглашает либерализацию сделок с участием иностранного капитала, в стране действует режим авторизации сделок и крайне низкие финансовые пороги для запуска процедуры проверки предстоящей сделки. Например, инвестиции, в результате которых иностранный инвестор приобретает долю в размере не менее 10% акционерного капитала испанской компании, подпадают под подобные процедуры.

Среди секторов, представляющих повышенный интерес с точки зрения обеспечения национальной безопасности, Испания включает деятельность, непосредственно связанную с национальной обороной, такую как производство или торговля оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и военным оборудованием, аудиовизуальные услуги, воздушный транспорт [9, 15-16].

В Соединенном Королевстве, как правило, нет формального политического различия между внутренними и иностранными инвестициями. Несмотря на

отсутствие отечественного законодательства в области регулирования иностранных инвестиций, существует ряд особенностей рассмотрения сделок с участием иностранного капитала.

Один из них - режимы рассмотрения с точки зрения удовлетворения общественных интересов, позволяющие рассматривать сделку на основаниях, отличных от законодательства о конкуренции. В таких случаях гражданство потенциального инвестора может повлиять на результат рассмотрения сделки. Существуют три конкретные категории общественных интересов, а именно общественная безопасность, плюрализм средств массовой информации и «пруденциальные правила».

Еще одной особенностью инвестиционного режима в Великобритании являются так называемые "золотые акции". После приватизации некоторых компаний в 1980-х и начале 1990-х годов правительство сохранило "золотые акции" компаний, работающих в стратегических секторах. Золотые акции не дают правительству общего права вмешиваться в повседневные дела компании, но ни один акционер не может владеть более чем заявленным процентом (обычно 15%) акционерного капитала такой компании. Таким образом, государство оставляет за собой право отклонить предстоящий инвестиционный проект на правах акционера [10, 15].

Основным фактором, определяющим политику Соединенных Штатов в отношении иностранных инвестиций, является национальная безопасность. Таким образом, инвестиционный режим в США можно охарактеризовать как «режим национальной безопасности».

Национальная безопасность — это постоянно развивающаяся концепция, и ее расширение в последние годы было вызвано быстрым развитием технологий, растущей цифровизацией, все более глобализованными цепочками поставок и появлением Китая в качестве крупного инвестора и технологического конкурента.

Процесс обзора инвестиционных сделок в рамках режима национальной безопасности первоначально был сосредоточен на приобретениях иностранными компаниями американских предприятий, прямо или косвенно поставляющих продукцию Министерству обороны США. Однако, после терактов 11 сентября концепция национальной безопасности — и, следовательно, типы сделок, подлежащих пересмотру в рамках режима, — были расширены. Основными факторами, вызывающими озабоченность в области национальной безопасности, являются потенциальные последствия предлагаемой сделки для стратегических технологий, инфраструктуры, энергетики и международного лидерства США в военной и технологической областях.

Соединенные Штаты вводят ограничения на иностранные инвестиции в такие отрасли, как: авиационная промышленность; банковская сфера; радио и телевидение; энергетические ресурсы и судоходство. Как правило, иностранные компании, инвестирующие в данные отрасли, должны получить лицензию от правительства на осуществление деятельности в этой области, а федеральный закон, в свою очередь, ограничивает право иностранных инвесторов на получение подобных лицензий. В большинстве отраслей такие лицензии могут получить только граждане США или полностью американские компании.

В ряде случаев также может иметь место дискриминация иностранных инвесторов. Несмотря на то, что законодательство в сфере контроля за слияниями в США не рассматривает иностранные инвестиции иначе, чем внутренние инвестиции, тот факт, что покупателем является иностранный инвестор, может привести к различным результатам в рамках контроля за слияниями и процесса одобрения предстоящей сделки. [1, 3, 15]

В Канаде существуют два отдельных, но при этом взаимосвязанных режима иностранных инвестиций – обзор чистой прибыли и обзор национальной безопасности.

Иностранные инвестиции подлежат обзору чистой прибыли, когда нерезидент приобретает контроль над существующим канадским бизнесом, если объем инвестиций, в частности, доля в приобретаемой компании, превышает определенные предписанные финансовые пороговые значения, которые варьируются в зависимости от ряда факторов, таких как место происхождения иностранного инвестора; является ли инвестор государственным предприятием; ведет ли целевая организация культурный бизнес; является ли приобретение прямым или косвенным; вызывает ли инвестиция проблемы национальной безопасности.

В отличие от обзора чистой прибыли, который распространяется на иностранные инвестиции, сделки с участием которых превышают установленные пороговые значения, обзор национальной безопасности может быть применен к любой сделке с участием инвестора, не являющегося резидентом, независимо как от размера сделки, так и от доли участия в компании, приобретаемой иностранным инвестором.

Потенциальные иностранные инвестиции будут подлежать обзору национальной безопасности, если они затрагивают оборонный потенциал и интересы Канады; передачу стратегических технологий или ноу-хау за пределы Канады; критически важную инфраструктуру; поставку важнейших товаров и услуг.

Кроме того, канадское правительство принимает во внимание возможность использования инвестиций как инструмента для обеспечения иностранной слежки или шпионажа, препятствования текущим или будущим разведывательным или правоохранительным операциям, а также вовлечения или содействия деятельности террористических организаций или организованной преступности; и потенциальное влияние инвестиций на международные интересы Канады, включая международные отношения. В связи с этим, особое внимание уделяется инвестициям иностранных государственных предприятий и приобретениям канадских культурных предприятий.

Так, государственные предприятия, намеревающиеся инвестировать в Канаду, должны убедить канадское правительство в том, что они свободны от политического влияния и будут придерживаться канадских законов, внедрять стандарты и практику, способствующие рациональному корпоративному управлению и прозрачности, поддерживать принципы свободного рынка и вносить позитивный вклад в производительность и промышленную эффективность канадского бизнеса.

Иностранные инвестиции в культурный бизнес также подлежат особому контролю. Культурный бизнес может включать в себя предприятия, занимающиеся

публикацией или распространением книг, фильмов, музыки и радиосвязью. Сделки в данной сфере также должны соответствовать целям культурной политики Канады [11, 14-15].

За последнее десятилетие экономическая модель, применяемая в Китае, доказала свою эффективность. Не остался без изменений и подход к регулированию иностранных инвестиций, открывший многие отрасли экономики для иностранного капитала. Тем не менее, открытость китайской экономики сочетается с рядом ограничительных мер в отношении иностранных инвестиций.

Иностранные инвестиции могут подлежать следующим процессам пересмотра и контроля китайскими государственными органами. В зависимости от формы осуществления или особенностей, иностранные инвестиции могут быть предметом таких административных мер, как:

1) процедуры рассмотрения иностранных инвестиций. Такие процедуры применяются в отношении отраслей, которые считаются стратегически важными для обеспечения национальной безопасности страны, и осуществляются в соответствии с двумя типами негативных списков: Национальный негативный список (включает 33 отрасли) и Негативный список ЗСТ (включает 30 отраслей), которые включают в себя запрещенные и ограниченные отрасли для иностранных инвестиций.

2) предоставление информации об иностранных инвестициях. В соответствии с данной процедурой, все иностранные инвесторы обязаны предоставлять отчетность в соответствующие государственные органы или их представительства в регионах.

3) обзор национальной безопасности. В настоящее время, основным фокусом проверки в рамках обзора национальной безопасности выступают сделки по слияниям и поглощениям. Целевые предприятия, инвестиции в которые подлежат обзору национальной безопасности, делятся на две категории:

- предприятия, относящиеся к национальной безопасности (включая военно-промышленные предприятия, предприятия, расположенные вблизи ключевых и стратегических военных объектов, и других подразделений, связанных с национальной безопасностью)

- предприятия, относящиеся к национальной экономической безопасности (включая предприятия, связанные с ключевыми сельскохозяйственными продуктами, ключевыми энергоносителями и ресурсами, ключевой инфраструктурой, ключевыми транспортными услугами). Кроме того, для некоторых отраслей промышленности (например, авиационной промышленности и производства табачной продукции) требуются дополнительные отраслевые разрешения.

Более того, в отношении большинства сделок с участием иностранного капитала проводится антимонопольная проверка [7, 13, 15].

Как и все страны, Вьетнам оставляет за собой суверенное право ограничивать инвестиции в чувствительные области, устанавливая условия для "стратегических секторов", которым должны удовлетворять инвестиционные проекты в целях национальной обороны и безопасности, социальной стабильности и общественного здоровья.

Потенциальный инвестор во Вьетнаме должен пройти ряд согласований, проверок и лицензий. Особенностью режима иностранных инвестиций во Вьетнаме является «Фундаментальный тест». Он проверяет соответствие инвестиционного проекта инвестиционным условиям, плану социально-экономического развития. Также принимается во внимание вопрос зонирования, землепользования, социально-экономические последствия и эффективность инвестиционного проекта, а также технологические решения, применимые в рамках проекта. В некоторых секторах могут потребоваться дополнительные сертификаты соответствия.

Во Вьетнаме нет четкого критерия или официального определения национальных интересов или общественных интересов в процессе обзора иностранных инвестиций. Тем не менее, бизнесу, оказывающему значительное влияние на социальные или национальные экономические интересы, такие как образование, банковское дело, страхование, ценные бумаги, больницы и клиники, газеты и телевидение, потребуется операционная лицензия.

Во Вьетнаме, в отличие от Канады, нет обзора «чистой прибыли» от потенциальных инвестиций. Однако, в ходе процесса обзора, инвесторы должны предоставить техническую и экономическую отчетность, которая включает прогнозы относительно количества созданных рабочих мест и предполагаемой суммы налоговых отчислений [8, 15].

Правительство ЮАР поощряет иностранные инвестиции и признает их значимость для поддержания целей роста и развития экономики страны. В то же время уделяется пристальное внимание, чтобы выгоды от ПИИ были сбалансированы с их издержками для экономики Южно-Африканской Республики.

По этой причине соображения общественных интересов все чаще служат критериями для одобрения или отклонения иностранных инвестиций в стране. Соображения общественных интересов разнообразны, включая необходимость защиты рабочих мест, содействия локализации и повышения способности малых предприятий или фирм, контролируемых или принадлежащих исторически обездоленным слоям населения, стать конкурентоспособными. Как правило, под такими предприятиями понимают мелкие узкоспециализированные торговые точки.

Таким образом, в ЮАР отсутствует единый надзор и контроль за иностранными инвестициями. Однако страна регулирует иностранные инвестиции в свои стратегические отрасли, а также владение и контроль над ними посредством отраслевого регулирования, в том числе в банковском, страховом, вещательном и телекоммуникационном секторах [6, 15].

Описав основные особенности инвестиционных режимов в странах Европейского Союза, Северной Америки, Азии и Африки, представим обобщенные данные в таблице 1.

Таблица 1

Сводная таблица по ключевым особенностям инвестиционного режима в странах мира

Страна	Особенности режима иностранных инвестиций
Европейский союз (наднациональный уровень)	Рамочное регулирование (в форме рекомендаций) – принимается во внимание и используется как инструмент регулирования ПИИ всеми странами-участницами ЕС. Усиленный контроль инвестиций из стран, не являющихся членами ЕС или ЕАСТ – также применим ко всем странам-участницам ЕС.
Болгария	Сертификация инвестиций и ряд стимулов и преимуществ для сертифицированных инвестиций.
Франция	Обязательное предварительное разрешение для инвестиций в стратегические отрасли.
Германия	Пороговые значения по сделкам с участием иностранного капитала, превышение которых запускает процедуру дополнительной проверки ПИИ.
Ирландия	Узкий список стратегических отраслей. Также применяется практика «пороговых значений».
Италия	Дополнительное рассмотрение иностранных инвестиций отраслевыми регулирующими органами.
Португалия	Ряд отраслей полностью закрыты для иностранного капитала, даже для стран ЕС.
Испания	Крайне низкие финансовые пороговые значения для запуска дополнительных процедур проверки ПИИ.
Соединенное Королевство (Великобритания)	Рассмотрение ПИИ с точки зрения удовлетворения общественных интересов. «Золотые акции», принадлежащие государству в стратегических компаниях
Соединенные Штаты Америки (США)	Расширенная концепция национальной безопасности, регулирующая порядок рассмотрения потенциальных ПИИ. Преимущества для отечественных инвесторов в ряде отраслей.
Канада	Анализ «чистой прибыли»-последствий ПИИ для экономики страны. Дополнительные процедуры проверки ПИИ от государственных иностранных компаний. Усиленный контроль инвестиций в культурный сектор.
Китай	Существование ЗСТ (Зон свободной торговли) Применение негативных списков (список отраслей с ограничениями или полным запретом для иностранного капитала) Обязательная отчетность для иностранных инвесторов В отношении большинства предстоящих сделок проводится антимонопольная проверка.
Вьетнам	«Фундаментальный тест» Анализ «чистой прибыли»-последствий ПИИ для экономики страны. Дополнительная операционная лицензия для ряда отраслей.
Южно-Африканская Республика (ЮАР)	Рассмотрения инвестиций с точки зрения удовлетворения их общественным интересам. Одним из критериев общественных интересов выступает сохранение конкурентоспособности малого отечественного бизнеса.

Источник: составлено автором на основе [1-16]

Приведенная выше таблица свидетельствует о том, что несмотря на различия в геополитическом положении и уровне экономического развития, все перечисленные

страны проводят регуляторную политику в отношении иностранных инвестиций с привлечением специализированных государственных отраслевых или региональных органов, а также ограничивают инвестиции в наиболее уязвимые или стратегические отрасли деятельности.

8. Российская Федерация

Россия является подписантом 79 Двусторонних инвестиционных соглашений, участником многосторонних международных договоров в сфере инвестиций. Таким образом, наша страна стремится поддерживать международный стандарт отношений с иностранными инвесторами.

Законодательство, регулирующее иностранные инвестиции, можно разделить на две группы. Первый включает в себя общие правила, применимые как к российским, так и к иностранным инвестициям. Настоящие федеральные законы регулируют общие процедуры создания юридических лиц, приобретения акций, вопросы корпоративного управления и государственной регистрации юридических лиц. В первую группу также входят антимонопольные законы.

Вторая группа законов регулирует исключительно иностранные инвестиции. Основными законами в этой группе являются закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» и «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Закон об иностранных инвестициях определяет государственные гарантии права инвестора на инвестирование, получение дохода и прибыли, а также условия коммерческой деятельности иностранных инвесторов на территории Российской Федерации.

Закон о стратегических инвестициях определяет порядок осуществления иностранных инвестиций в стратегические сектора российской экономики. Перечень стратегических отраслей в России достаточно широк и включает деятельность в области ядерных и радиоактивных материалов, устройств и отходов; авиации и космонавтики; природных ресурсов; разведки и добычи полезных ископаемых на участках недр федерального значения и использования участков недр федерального значения (нефтегазовый сектор); кодирующего и криптографического оборудования; средств массовой информации и телекоммуникаций; использования возбудителей инфекционных заболеваний.

Особенностью инвестиционного режима в России является функционирование особых экономических зон (ОЭЗ). Особая экономическая зона (ОЭЗ) предусматривает особый режим осуществления предпринимательской и иной деятельности, а также применение таможенной процедуры свободной таможенной зоны. Их деятельность регламентируется Федеральным законом «Об особых экономических зонах в Российской Федерации».

Всего на территории РФ функционируют 39 ОЭЗ (20 промышленно-производственных, 7 технико-внедренческих, 10 туристско-рекреационных и 2 портовые). Особые экономические зоны (ОЭЗ) – один из наиболее масштабных проектов по привлечению прямых инвестиций в приоритетные виды экономической деятельности [2, 4, 15].

С 1 января 2015 года на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя создана свободная экономическая зона (Крымская СЭЗ). Несмотря на все преференции СЭЗ, предоставляемые инвесторам на территории Крыма, в настоящее время существует ряд барьеров по привлечению инвестиций в регион, среди которых:

- непризнание результатов проведенного в Крыму в 2014 году референдума о присоединении полуострова к Российской Федерации со стороны западных стран и, как следствие, запрет для западных компаний на осуществление инвестиций на территории Крымского полуострова;
- отсутствие экономической деятельности крупных российских компаний в Крыму из-за опасения санкций со стороны Запада, где находятся крупнейшие бизнес-партнеры и более крупный по сравнению с Крымом рынок;
- отсутствие развитой инфраструктуры для осуществления масштабных инвестиционных проектов, что, скорее, является следствием отсутствием экономической деятельности крупных зарубежных и отечественных компаний на территории республики.

Преодоление вышеперечисленных барьеров позволит открыть экономику региона для иностранных инвесторов и реализовать весь экономический потенциал Крыма.

Тем не менее, в России инструменты регулирования иностранных инвестиций ограничиваются в большей мере законодательными актами, гарантирующими права и защиту иностранному инвестору, а также ограничивающими инвестиции в стратегически важные сектора экономики. Данные меры, безусловно, соответствуют международным стандартам регулирования иностранных инвестиций, а также двусторонним и многосторонним инвестиционным соглашениям, членом которых является Российская Федерация. Но, кроме законодательной базы, необходимо применения дополнительных инструментов контроля инвестиционных сделок с участием иностранного капитала. Данные инструменты позволят более качественно реализовывать инвестиционные проекты на территории страны и регионов, не создавая угрозы национальной экономической безопасности.

На наш взгляд, среди мировых практик регулирования иностранных инвестиций, на территории Республики Крым и Российской Федерации могут быть реализованы следующие:

1. Внедрение практики сертификации инвестиций и разработка системы стимулов для иностранных инвесторов проходить сертификацию. В результате, инвестиционные проекты и намерения инвестора станут более прозрачными, а потенциальный инвестор, в свою очередь, получит дополнительные льготы на осуществление экономической деятельности.

2. Разработка пороговых значений финансовых показателей по предполагаемой сделке для проведения дополнительного рассмотрения регулирующими и контролирующими органами. Данные меры позволят проводить усиленный контроль по сделкам, угрожающим национальной или региональной экономической безопасности, дисбалансу в той или иной стратегической отрасли, предотвратить создание монополий и установление внешнего контроля внутреннего рынка.

3. Внедрение практики «золотых акций» для государственных компаний, функционирующих в стратегически важных отраслях. Данная практика позволит сохранить государственный контроль над деятельностью крупных отечественных компаний, деятельность которых оказывает влияние на социально-экономическое развитие региона или страны, обороноспособность или природно-ресурсный потенциал.

4. Установление дополнительных процедур предварительной проверки крупных инвестиционных сделок на примере «Анализа чистой прибыли» и «Фундаментального теста». Данные меры позволят оценить потенциальное влияние иностранных инвестиций на экономику и одобрить те инвестиционные проекты, выгоды от которых будут превышать издержки для региона или страны в целом.

Введение понятия «общественные интересы» при рассмотрении инвестиционных проектов с участием иностранных инвесторов. Общественные интересы должны подразумевать сохранение рабочих мест, не нанесение ущерба культурно-историческим достопримечательностям и памятникам архитектуры, защита малых региональных предприятий, деятельность которых может быть подорвана в результате предстоящей инвестиционной сделки и т.д.

ВЫВОДЫ

Безусловно, различия в экономическом развитии стран, рассматриваемых в исследовании, требуют отдельного рассмотрения особенностей их инвестиционной политики, а также мер, направленных на ее модернизацию. Тем не менее, большинство таких разработок идентичны для всех стран.

В первую очередь, это постоянная доработка законодательства, ограничивающее иностранное присутствие в стратегически важных секторах экономики. Такая необходимость обусловлена, в первую очередь, ростом общемировой инвестиционной активности, в частности, с участием государственных компаний, использующих иностранные инвестиции как рычаг воздействия на внутреннюю политику третьих стран через местные компании. Кроме этого, в последнее десятилетие наблюдается ускоренное развитие облачных технологий, IT-индустрии, в частности, технологий, связанных с защитой персональных данных. В связи с этим еще одной национальной угрозой в 21 веке стала кибер-безопасность. В настоящее время правительством большинства стран ведется работа по ограничению доступа иностранного капитала в данный сектор.

Еще одной ограничительной мерой со стороны большинства стран стало ограничение доступа иностранного капитала к сетям 5G. Данная революционная технология передачи данных, наряду с упомянутыми выше IT технологиями, является трендом последних нескольких лет и постепенно данный стандарт связи вводится повсеместно. Поэтому доступ иностранных инвестиций в данную отрасль также ставит под угрозу кибер-безопасность страны.

Кроме этого, бурное развитие китайской экономики и, как следствие, расширение китайских интересов и присутствия китайского капитала по всему миру, вызывают серьезные опасения со стороны большинства развитых западных стран.

Ежегодно государственные регуляторы фиксируют увеличение предложений сделок в стратегически важные сектора экономики со стороны китайских инвесторов. Такая тенденция вынуждает правительства стран разрабатывать дополнительные, граничащие с дискриминационными, меры по сдерживанию китайских инвестиций.

Наконец, глобальная пандемия COVID-19, принеся мировую экономике убытки на сумму более 5 трлн долларов, также заставила практически все страны пересмотреть подход к регулированию инвестиций в сфере здравоохранения. Большинство стран было доработано законодательство в сфере регулирования иностранных инвестиций, включающее усиленный контроль инвестиций в сферу здравоохранения; добавление отраслей, связанных с оказанием медицинских услуг, производством лекарственных препаратов и средств индивидуальной защиты в список критически важных отраслей со специальным режимом регулирования иностранных инвестиций.

Что касается регулирования иностранных инвестиций в России, анализ мировых практик показывает, что внедрение дополнительных инструментов отбора и контроля инвестиционных сделок возможно и необходимо для экономического развития страны.

Республика Крым, закрепившая за собой статус Свободной Экономической Зоны (СЭЗ) с 2015 года, предлагает дополнительные налоговые и таможенные льготы для иностранных инвесторов. Ввиду ограничений на экономическую деятельность на территории Крыма, наложенных на западные компании, на полуострове в настоящее время практически отсутствуют инвестиционные проекты с участием иностранного капитала. Однако, преодоление данных ограничений откроет другую проблему для экономики республики – необходимость внедрения инструментов для дополнительного отбора и контроля инвестиционных проектов.

Инструменты и меры, предлагаемые для реализации на территории Российской Федерации и, в частности, Республики Крым, носят протекционистский характер в отношении национальной экономики, отечественного бизнеса, а также социально-экономического развития страны и регионов.

Список литературы

1. Аксенов П.А. Регулирование иностранных инвестиций в США: ограничения в условиях торговой войны // *Международная торговля и торговая политика*. 2019. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://doi.org/10.21686/2410-7395-2019-4-31-41>
2. Актуальные вопросы правового регулирования инвестиционной деятельности в Российской Федерации: сборник материалов круглого стола // Оренбургский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». 12 ноября 2020 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.oimsla.edu.ru/sites/default/files/sbornik_kruglogo_stola_12.11.2020.pdf
3. Акчурин Т.Ф., Марченко А.В. Нормы международного инвестиционного права и инвестиционное право США: сравнительно-правовой анализ // *Международный правовой курьер*. 2018. № 3 (27). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36903373&>
4. Костюнина Г.М., Ливенцев Н.Н. *Международная практика регулирования иностранных инвестиций*. Учебное пособие. М.: Анкил, 2001. 128 с.
5. Минькеев О.Д. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в странах Европейского союза // *Право и современные государства*. [Электронный ресурс]. URL:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-investitsionnoy-deyatelnosti-v-stranah-evropeyskogo-soyuza>
6. Старостина Ю.А. Развитие инвестиционной политики ЮАР // Журнал экономических исследований. 2016. Том 2. № 12. [Электронный ресурс]. URL: <https://iorpub.com/ru/nauka/article/14921/view>
  7. Чжу Хэци Правовое регулирование иностранных инвестиций в Китае и Беларуси: проблемы и пути их решения: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 // Белорус. гос. ун-т. 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.miu.by/userfiles/file/Aspirantura/synopsis/2013/2013-09-10_120003_Joo.pdf
  8. Юридическое руководство по инвестированию во Вьетнаме // Allens Arthur Robinson. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zarubezhexpo.ru/vietnam>
  9. 2019 Investment Climate Statements: Spain 2019 // U.S. Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/reports/2019-investment-climate-statements/spain/>
  10. 2020 Investment Climate Statements: United Kingdom // U.S. Department of State. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/reports/2020-investment-climate-statements/united-kingdom/>
  11. Annual Report: Investment Canada Act 2019-2020 // Government of Canada. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ic.gc.ca/eic/site/ica-lic.nsf/eng/h_1k81126.html
  12. Doing Business 2020: Economy Profile Bulgaria // World Bank Group. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doingbusiness.org/content/dam/doingBusiness/country/b/bulgaria/BGR.pdf>
  13. Foreign Investment Law of the People's Republic of China // The US-China Business Council. [Электронный ресурс]. URL: https://www.uschina.org/sites/default/files/foreign_investment_law_of_the_peoples_republic_of_china_-_unofficial_translation.pdf
  14. Frigon M. The Foreign Investment Review Process in Canada // Library of Parliament. 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://lop.parl.ca/sites/PublicWebsite/default/en_CA/ResearchPublications/201142E
  15. Goldman S. Calvin, Koch Michael The foreign investment regulation review. 2020: Law Business Research Ltd. 301 p.
  16. Restrictions on Foreign Direct Investments in Spain 2019 // Ashursts Spain. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ashurst.com/en/news-and-insights/legal-updates/rdl-8-2020---suspension-of-direct-foreign-investment//files/file0010.pdf>

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

УДК 334.7

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОМПАНИЙ НА ИХ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Климовец О. В.

*Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ, г. Краснодар,
Российская Федерация
E-mail: new_economics@mail.ru*

В статье рассматриваются современные тенденции перехода экономики Казахстана на новый технологический уклад, вызывающие необходимость формирования новых подходов к организации производственно-хозяйственной деятельности. Эти подходы могут быть реализованы, прежде всего, посредством внедрения цифровых технологий. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью повышения конкурентоспособности казахстанской экономики, повышения производительности труда, снижения издержек производства. Казахская экономика не сможет достичь достижения этих целей, если не будет в полной мере задействован механизм ее инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновации, эффективность деятельности компаний, научно-технический прогресс, цифровая платформа.

ВВЕДЕНИЕ

Возможности роста казахстанской экономики в настоящее время заложена в сфере цифровых технологий. Экономика Казахстана не сможет достичь высокой стадии восстановления, адекватного уровня национальной конкурентоспособности, если не будет в полной мере задействован механизм ее инновационной деятельности. Цифровые технологии были определены как драйверы анклавов роста, специализирующихся на инновационной деятельности, на основе малых и средних, взаимодополняющих и тесно сотрудничающих семейных компаний [1]. «Сеть» сотрудничества была основана на социальных нормах, происходящих произрастающих из сложившихся исторических традиций.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В ходе реализации проектов, связанных с использованием цифровых технологий, по опросу, проведенному автором статьи в 2020 г., предприятия столкнулись с широким кругом проблем:

- технологическая некомпетентность пользователей;
- отсутствие опыта реализации таких проектов;
- неверная оценка сроков завершения проекта;
- нехватка квалифицированных менеджеров проектов;
- плохое взаимодействие подразделений;
- недостаточная вовлеченность, заинтересованность пользователей.

Приведенный список проблем можно условно разделить на два блока. Первый связан с проблемами, связанными с руководителями компаний и подразделений, так

и с конечными пользователями цифровых технологий. Сюда можно включить следующие проблемы:

- недостаточная поддержка высшего руководства,
- нереалистичные ожидания от результатов проекта,
- неправильно поставленные цели и задачи проекта,
- нехватка финансирования и других ресурсов,
- несвоевременное обеспечение ресурсами,
- недостаточная вовлеченность,
- технологическая некомпетентность пользователей.

Второй блок связан с организацией самого проекта и его командой. Сюда относятся:

- отсутствие опыта реализации таких проектов,
- нехватка квалифицированных менеджеров проектов,
- ошибки в планировании видов и последовательности работ,
- неверная оценка сроков завершения проекта,
- неверный выбор технических решений,
- плохое взаимодействие подразделений,
- изменение требований и спецификаций.

Следует отметить, что для предприятий достаточно существенны проблемы и из второго блока, т.е. связанные с организацией самого проекта. Плохая организация проекта также может выражаться в том, что реализующая его команда концентрирует внимание исключительно на внедрении утвержденного проекта, забывая о работе с будущими пользователями, о неизбежной реорганизации бизнес-процессов, о необходимости более тщательной проработки исходной задачи [2].

Еще один признак низкого уровня организации процесса цифровизации казахстанских компаний – отсутствие четких цифровых стратегий у большинства компаний. Треть компаний не смогла четко назвать планируемые работы по использованию цифровых технологий: ни на ближайший год, ни на следующие 3-5 лет [3].

Проблемы «внутреннего заказчика»:

- недостаточная вовлеченность, заинтересованность пользователей;
- противодействие внедрению полностью автоматического распределения товаров по магазинам (ритейл);
- нехватка квалифицированных кадров для реализации проекта, программистов «1С»;
- технологические проблемы;
- недостаточная зрелость текущих процессов,
- низкий уровень автоматизации,
- отсутствие компетенций,
- низкий уровень ИТ-грамотности сотрудников,
- низкий уровень развития автоматизированных систем управления технологическими процессами и управления производственными процессами.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОМПАНИЙ НА ИХ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ...

Существуют и барьеры, препятствующие более широкому использованию цифровых технологий в компании [4]. Это - внешние по отношению к компании барьеры и внутренние барьеры.

Внешние барьеры, связанные с социально-экономической политикой государства:

- экономическая неопределенность в стране, волатильность тенге;
- нормативные ограничения, отсутствие стандартов по применению цифровых технологий
- отсутствие специальных мер государственной поддержки использования цифровых технологий компаниями

Внешние барьеры, связанные с другими компаниями:

- внедрение цифровых технологий какой-либо компанией потребует затрат со стороны поставщиков и потребителей, которые придерживаются «традиционной модели»
- приверженность конечного пользователя привычным продуктам (сервисам)
- негативный опыт применения цифровых технологий в других компаниях отрасли
- отсутствие информации об успешном опыте применения цифровых технологий в других компаниях отрасли

Внешние барьеры, связанные с развитием технологий:

- дефицит цифровых решений, учитывающих специфику бизнеса компании
- слабая защищенность цифровых технологий от криминальных посягательств
- недостаточный уровень развития инфраструктуры (низкая пропускная способность каналов связи, отсутствие доступа к мобильному интернету, недостаток центров обработки данных и т.п.).

Внутренние барьеры, связанные с ресурсными ограничениями:

- высокая стоимость проектов по применению цифровых технологий
- недостаточные бюджеты, которые компания может выделить на проекты с использованием цифровых технологий
- высокие затраты на эксплуатацию систем, использующих цифровые технологии.

Внутренние барьеры, связанные с человеческим фактором:

- недостаток осведомленности о преимуществах цифровых технологий у лиц, принимающих решения в компании
- нежелание сотрудников менять привычные формы работы
- недостаток квалификации у персонала, использующего цифровые технологии
- недостаток квалификации у персонала, внедряющего и обслуживающего цифровые технологии.

Внутренние барьеры, связанные с «ментальными установками»:

- отсутствие достаточного собственного опыта по применению цифровых технологий
- негативный опыт применения цифровых технологий в компании
- возможность успешного ведения бизнеса компанией и без применения цифровых технологий.

Деятельность компаний по внедрению цифровых технологий блокируют, прежде всего, внутренние барьеры, связанные с ресурсными ограничениями и с человеческим фактором [5]. Вместе с тем, в качестве ключевого препятствия для расширения использования цифровых технологий представители компаний называют финансовую составляющую.

Компании не испытывают недостатка в информации о цифровых технологиях и опыте их применения. Однако трудно определить какое-то «ключевое» звено, потянув за которое можно обеспечить более широкое применение цифровых технологий в Казахстане. По мере перехода предприятий на более высокий уровень, с точки зрения использования цифровых технологий, актуальность тех или иных барьеров падает, но не столь стремительно как это можно было ожидать.

К числу внутренних барьеров для применения цифровых технологий в деятельности казахстанских компаний следует отнести:

- дефицит кадров, разбирающихся в вопросах применения цифровых технологий;
- проблему, связанную с недостаточным осознанием надвигающихся трансформаций обществом в целом;
- отсутствие координации при переходе на новые цифровые технологии;
- необходимость синхронного перехода к работе с ними сразу целой группы компаний, образующих кооперационные цепочки.

Одной из важнейших проблем в развитии цифровой экономики Казахстана является и слабая защищенность от криминальных посягательств: это связано и с внешними по отношению к предприятию барьерами (в частности, с государственным регулированием), и с несформированностью правовой мысли по вопросам использования цифровых технологий и отсутствием достаточного понимания их функционирования, эффекта и реального воздействия на общественные отношения [6].

В ключевом мировом рейтинге развития ИКТ, рассчитываемом под эгидой ООН – ICT Development Index, – Казахстан в 2020 году занимал 52-ю строчку из 175-ти, не изменив своего положения с 2015 года. В результате реализации Программы и других стратегических направлений планируется, что страна войдет в рейтинг 30-ти лучших к 2022 году, 25-го места к 2025 году и до 15-го места к 2050 году [7].

Вместе с тем, в Казахстане в 90-е годы начали функционировать следующие проекты, закладывавшие основы для будущего цифрового развития:

- государственная программа по форсированному индустриально-инновационному развитию,
- программа международного образования «Болашак»,
- в 2005 году начато формирование «электронного правительства». –
- СЭЗ «ПИТ «Алатау»,
- АОО «Назарбаев университет»,
- международный технопарк Astana hub.

3/4 взрослого населения Республики Казахстан имеет базовый уровень цифровой грамотности, более 3/4 – имеют доступ в интернет.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ КОМПАНИЙ НА ИХ ЭКОНОМИЧЕСКУЮ...

В 2013 году была запущена Государственная программа «Информационный Казахстан-2020», 70% мероприятий которой было выполнено [8]. Доля Интернета экономики от ВВП в Казахстане в 2015 году – составил 1,9%, в 2019 году – 2,8 % от ВВП.

Спектр сфер и отраслей, которые были выбраны в качестве приоритетных для внедрения цифровых технологий, достаточно широк.

Это проекты: в отраслях промышленности, электроэнергетики, транспорта и логистики, в области создания новой инфраструктуры государственных услуг, новой инфраструктуры передачи, хранения и обработки данных.

ВЫВОДЫ

Цифровизация промышленности должна выступить одним из драйверов повышения эффективности и конкурентоспособности казахстанских предприятий промышленности. В настоящий момент основу экономики Казахстана при недостаточном развитии сектора обрабатывающей промышленности составляет сырьевой сектор. Производительность труда остается невысокой, технологическая оснащенность недостаточна по сравнению с мировыми промышленно развитыми странами.

Необходимо достигнуть единого и целостного видения системы правовых проблем, возникающих при использовании современных цифровых технологий, понимания того, какие вопросы должны стать предметом государственного регулирования, насколько масштабными должны стать законодательные изменения, и где достаточны точечные изменения в законодательство. Иностраный опыт свидетельствует о важности привлечения гражданского общества и бизнеса к нормотворчеству и разработке мер государственного регулирования в сфере цифровой экономики, что служит достижению баланса и максимальному учету интересов участников правоотношений [9].

В случае реализации государством системного подхода в правовом регулировании информационных правоотношений, оно может взять на себя функцию по синхронизации, оптимизации и обеспечению безопасности реализуемых в цифровом экономическом сообществе операций. Учитывая, что в Казахстане низок уровень доверия между хозяйствующими субъектами и недостаточно развита практика горизонтальных коммуникаций, государственное регулирование должно, с одной стороны, закреплять значимые принципы и условия реализации информационных правоотношений, и, с другой стороны, содействовать выстраиванию горизонтальных связей, развитию отраслевого и профессионального саморегулирования и росту доверия между участниками цифровой экономики.

Список литературы

1. Альшанская А., Садыков Б. Цифровизация и формирование цифровой культуры в Казахстане // Казахстан-Спектр. 2018. № 3.
2. Авдокушин Е.Ф. Цифровая экономика – стратегия формирования нового ресурса развития / Вопросы новой экономики. 2018. № 4.
3. Белокопытова О.Г., Васильева И.Л., Гагаева А.К., Жуйкова Т.П., Киркина Е.Н., Климовец О.В., Марярчук Н.Н., Мельников В.Ю., Мешков С.А., Нетёсина М.С., Панина С.В., Рычихина Н.С.,

Семенова Н.В., Сушкова О.А., Чибиков А.С. Теоретические и прикладные аспекты современной науки. Тамбов, 2014. Сер. Социально-гуманитарная.

4. Вайл П., Ворнер С. Цифровая трансформация бизнеса. Изменение бизнес-модели для организации нового поколения. М.: Альпина Паблишер, 2019.

5. Климовец О.В. Введение в специальность экономиста. Успехи современного естествознания. 2010. № 10. С. 124.

6. Harrison D., Hoholm T., Prenkert F., Olsen P. I. Boundary Objects in Network Interactions // Industrial Marketing Management. 2018.

7. Овчинникова О.П., Харламов М.М., Кокуйцева Т.В. Методические подходы к повышению эффективности управления процессами цифровой трансформации на промышленных предприятиях // Креативная экономика 2020. № 7.

8. Шулимова А.А., Климовец О.В. История экономических учений. Учебно-методическое пособие / Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ (г. Краснодар). Краснодар, 2005.

9. Климовец О.В. Влияние информационных технологий на развитие международного бизнеса // Трансформация системы мирохозяйственного взаимодействия в контексте современных глобальных вызовов. материалы Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов. Ростов-на-Дону, 2016. С. 153-157.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

УДК 304.2

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ КРЕАТИВНОЙ И ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Кузнецов М. М., Рудницкий А. О.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: kuznecmikle@rambler.ru

В статье рассматривается процесс развития социально-культурного пространства региона под воздействием креативной и цифровой трансформации экономических отношений постиндустриального общества. Движущей силой в этом процессе является человеческий капитал креативного типа. Под социально-культурным пространством региона понимается неотъемлемая часть экономики региона, характеризующаяся качественным состоянием системы общественных отношений с присущими ей социокультурными процессами, развивающимися в условиях креативной и цифровой трансформации. Основными характеристиками экономик креативного или цифрового типов можно свести к единой особенности - высокая степень неопределенности, а также выделить две зависимости: первая от НИОКР в разных областях деятельности человека, вторая от генерации новых знаний.

Ключевые слова: креативная экономика, цифровизация, социально-культурное пространство, трансформация, поселенческая аттракция

ВВЕДЕНИЕ

В ходе технологических изменений происходит смена облика привычных для XX века экономических отношений. Так, одной из движущих сил стал человеческий капитал, который продуцирует креативный и цифровой контент эффективного экономического развития региона. При этом определяющим способом быть вовлеченным в стремительный процесс трансформации экономики региона становится креативный потенциал человека, формирующийся внутри социально-культурного пространства поселения.

В связи с этим, социально-культурные отношения в регионе, становятся ресурсом новой экономики креативно-цифрового типа, а также действующим агентом развития и источником нового мышления. Трансформация социально-культурного пространства региона и его внутренних отношений, протекает в рамках, так называемой, креативной индустрии. Именно она выступает важнейшим социально-культурным феноменом постиндустриального информационного общества. Использование человеческого капитала позволяет населению региона стать потребителями продукции, являющейся результатом креативной и цифровой трансформации повседневного социально-культурного пространства региона, а также продуцировать качественно новые модели товаров и услуг примкнув к креативному классу.

Вопросами выявления трансформационных процессов в экономике с изучением креативных и цифровых аспектов занимались зарубежные исследователи Р. Флорида, Дж. Хокинс и другие. Среди отечественных ученых, посвятивших свои работы вопросам креативной, цифровой трансформации и их пространственному развитию,

можно отметить Аванесову Г., Гнедовского М., Киселеву Т., Михайлову А., Скруга В., Степанова А., Тельманову А. и др.

Предмет исследования носит междисциплинарный характер, что не позволяет, в должной мере, прийти к однозначным выводам, способных объяснить экономическую, социальную, демографическую, общественную, географическую, политическую и иную сущность социально-культурного пространства. Особенно это относится к изучению аспектов, связанных с влиянием факторов, на содержание, состояние и дальнейшее развитие качественного состояния региональной системы общественных отношений с присущими ей социокультурными процессами.

Исходя из этого цель статьи состоит в выявлении аспектов влияния креативного и цифрового процессов и их трансформирующей роли в развитии региональной системы общественных отношений, с обоснованием сущностного содержания социально-культурного пространства региона.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Формирование современного социально-культурного пространства происходит под воздействием мирового тренда - цифровизации, который уже нашел свое отражение в структуре целеполагающих документов международного и национального уровней.

В Российской Федерации, цифровая экономика относится к основному направлению развития государства до 2025 года. Принята стратегия формирования информационного общества в РФ на период с 2017 по 2030 годы [2].

Данная тенденция оформилась в виде результата выхода постиндустриальных отношений на новый креативный уровень. В границах этого уровня, догмой выступает интенсификация применения цифровых технологий как инструмента диффузии творческого мышления и способности генерировать уникальные, нетрадиционные идеи и внедрение их в общественный воспроизводственный процесс. Это находит свое отражение в развитии социально-культурного пространства, где все большее количество его элементов вовлекается в экономические отношения.

Таким образом, складывающиеся условия креативного уровня, характеризуются информационным взаимодействием внутри общественно-экономической формации, где креативная и цифровая трансформация активизируют общественные отношения, направленные на изъятие человеческого капитала креативного типа из сферы материального производства и перераспределение его в непроизводственную сферу - сферу услуг. Организация или реализация услуги на креативной и/или цифровой основе (платформе) является необходимым качественным признаком при отнесении ее как нечто нового в системе общественного воспроизводственного процесса.

Человеческий капитал креативного типа – это врожденные или приобретенные качества человека, реализация которых посредством осуществления определенных трудовых функций, позволяет достичь инновационного (креативного) результата, имеющего экономическую ценность.

Конечным результатом такой трансформации является возможность рассматривать экономические отношения традиционного хозяйства с учетом

креативного и цифрового критериев (точек зрения или подходов), выделяя, два условно самостоятельных секторов экономик - «креативного» и «цифрового».

Так, для отнесения экономических отношений к креативному сектору экономик существует следующий набор критериев:

Рынок труда (критерий занятости). В рамках этого критерия экономические отношения протекают внутри и благодаря креативному классу. Данный подход тесно связан с работами Р. Флорида, в которых рассматриваются вклад в развитие экономики талантливых людей, обладающих творческим мышлением и способностью генерировать уникальные, нетрадиционные идеи [12].

Отраслевой (секторальный критерий). Как продолжение первого критерия существует второй, который основан на трудах Дж. Хопкинса, представившего креативную экономику в виде 15 секторов, куда вошли: реклама, архитектура, изобразительное искусство, ремесла, дизайн, мода, кино, музыка, исполнительское искусство, издательское дело, НИОКР, программное обеспечение, игрушки, телевидение и радио, видеоигры [13]. Объединяющим признаком их выступает деятельность, направленная на создание интеллектуальной собственности (авторское право, бренд, патент, торговая марка).

Пространственный (территориальный критерий). Как дополнение к первым двум и доказательством того, что креативная экономика имеет пространственный аспект, выделяются креативные города и поселения, кластеры и столицы и т.д.

А для отнесения экономических отношений к цифровому сектору экономики можно пользоваться такими критериями, которые предложены ОЭСР. Они сходны по критерию сферы занятости и пространственному подходу с креативной экономикой. А отличие состоит в критериях, основанных на экономическом и технологическом подходах.

В рамках экономического критерия для отнесения к цифровой экономике в отношениях отмечается рост в области создания, передаче, обработке и хранению цифровых данных, которые становятся объектом таких отношений.

Технологический критерий подразумевает активное использование во всех сферах жизни информационно-коммуникационных технологий, а рост таких пользователей имеет тенденцию к росту.

На наш взгляд креативная и цифровая экономика взаимозаменяемы, а выделение их в отдельные категории носит прагматичных аспект в рамках научно-исследовательской работы. Таким образом, креативная экономика в лице креативного класса выступает неотъемлемой частью цифровой экономики, так как первые создают продукцию для функционирования последней, а все пользователи (потребители) цифровой экономики переходят в разряд информационного или цифрового общества.

Основные характеристики экономик креативного или цифрового типов можно свести к единой содержательной особенности - высокая степень неопределенности, а также выделить две зависимости: первая от НИОКР в разных областях деятельности человека, вторая от генерации новых знаний.

Индикаторами креативной и цифровой экономик можно считать – наличие в социально-культурном пространстве региона креативного класса и информационного общества.

Показатели креативного класса в основном затрагивают наличие трудовых ресурсов той или иной квалификации и их занятость.

Основными показателями информационного общества могут служить: развитие высокотехнологичного сектора экономики, его удельный вес в продукции обрабатывающей промышленности и услугах; инвестиции в научные разработки, разработку программного обеспечения, расходы на образование и дополнительную переподготовку; разработка и выпуск информационно-коммуникационного оборудования; создание рабочих мест в сфере науки и высоких технологий; показатели кооперации между корпорациями, венчурными фирмами, университетами и научно-исследовательскими организациями; международные потоки знаний, международное сотрудничество в области науки и инноваций; мобильность ученых, инженеров, студентов; динамика распространения интернета; доля высокотехнологичной продукции в международной торговле [4].

В современном мире креативная экономика проявляется в разнообразных направлениях социально-экономического развития. Она является мотиватором, обеспечивающим привлекательность инвестиционного климата, модернизацию сфер образования и науки, развитие специфических направлений социальной сферы и т.п. [9].

В соответствии с определением, выдвинутым Всемирным банком, цифровая экономика представляет собой систему социальных, экономических и культурных отношений, в основе которых лежит использование цифровых информационно-коммуникационных технологий [10].

Цифровая трансформация – это внедрение современных цифровых технологий в бизнес-процессы социально-экономических систем всех уровней [7]. Так, разворачивается очередная волна трансформации моделей деятельности в бизнесе и социальной сфере, вызванная появлением цифровых технологий нового поколения, которые в силу масштабов и глубины влияния получили наименование «сквозных», - искусственного интеллекта, робототехники, Интернета вещей, технологий беспроводной связи и ряда других [14].

Таким образом, в контексте современных тенденций социально-культурные отношения в регионе, становятся ресурсом новой экономики креативно-цифрового типа и действующим агентом развития, источником нового мышления.

Учет цифровизации в процессе целостного и системного развития ведет к осознанию важности креативной роли непродуцированной сферы, как основы перехода региона на новый качественный уровень. При условии грамотного управления, основанного на активном целесообразном внедрении креативного и инновационного подходов, непродуцированная сфера цифрового формата может стать тем драйвером комплексного роста, который определит уровень осознанной мотивации и обеспечит удовлетворение региональных потребностей.

Это означает, что непродуцированная сфера цифрового формата выходит на передний план в системе общественных отношений, а их производственный формат искусственно, но целенаправленно выносятся за пределы социально-культурного пространства. Несмотря на происходящие в хозяйстве региона качественно новые структурные сдвиги, значение креативной и цифровой трансформации растет. Так, по

сравнению с традиционными формами хозяйствования, новое структурообразование повышает скорость перераспределения человеческого труда креативного типа и денежной массы в процессе общественного воспроизводства, за счет переосмысления значимости социально-культурного пространства.

В создающихся условиях материальное производство может функционировать за счет активизации экономических отношений в сфере конечного потребления товаров, работ и услуг, поэтому основным требованием современного рынка является внедрение цифровой продукции в бизнес-процессы, в рамках адекватных управленческих процедур.

Таким образом, происходит новый уровень развития автоматизации производственных и логистических сетей или Industry 4.0, которая подразумевает полностью автоматизированное производство, управляемое интеллектуальными системами в режиме реального времени и находящееся в постоянном взаимодействии с внешней средой, не ограниченное рамками одного предприятия [6].

В рамках нашего исследования под социально-культурным пространством региона мы будем понимать неотъемлемую часть экономики региона, характеризующуюся качественным состоянием системы общественных отношений с присущими ей социокультурными процессами, развивающимися в условиях креативной и цифровой трансформации.

Как следует из определения социально-культурное пространство представляет собой систему, которая образована общественными отношениями, развитие которых опирается на состояние культурных систем и объектов, а также типовых моделей взаимодействия между людьми и их социальными группами в пределах определенной территории, где приложение человеческого труда зависит от креативной и цифровой составляющей экономического развития региона.

Наступает эпоха воображения – соединяя прошлое, настоящее и будущее, творческая модель мышления и деятельности задействует интеллектуальные ресурсы культуры, символический капитал места и сетевые инфраструктуры, открывает новые горизонты для временного и пространственного опыта [3].

Креативный и цифровой процессы, взаимодополняя друг друга, задают те условия создания, сохранения, презентации, передачи и интерпретации культурных и социальных ценностей, которые могут быть использованы в рыночных отношениях в виде товаров.

Товарами креативно-цифровой экономики выступают:

Во-первых, услуги и продукты, возникновение которых нереально без активного задействования их разработчика [2].

Во-вторых, цифровые данные, которые стали новым экономическим ресурсом, необходимым для создания стоимости и получения выгод [8].

Таким образом, каждый продукт креативной и цифровой экономик, основанный на применении человеческого труда креативного типа в том или ином социально-культурном пространстве экономики региона, обладает потребительской полезностью и может быть коммерциализирован, т.е. превращен в товар, а социально-культурное пространство региона можно рассматривать как рынок, где в процессе социально-культурной деятельности создается товар с потребительской ценностью. При этом

знание и информация представляют собой орудия и рабочий материал креативности, а ее продукт – инновация в любой форм

Основными элементами, образующими социально-культурное пространство региона являются городские и сельские поселения и их интеграция.

Именно они выступают генераторами специфического товара, проявляющийся в получении жителями интегрируемых поселений материального дохода и духовного удовлетворения от использования соответствующего рентообразующего ресурса внутри воспроизводственной среды и за ее пределами или поселенческой ренты [1].

Так, к рентообразующим ресурсам относятся все воспроизводственные компоненты социокультурного-пространства, имеющие ограничения или различия в предложении и обладающие психологической привлекательностью или поселенческой аттракцией.

В нашем понимании поселенческая аттракция – это особая форма восприятия и познания человеком рентообразующих ресурсов воспроизводственной среды, основанная на формировании по отношению к ним устойчивого позитивного эмоционального чувства.

Поселенческая аттракция как механизм восприятия человеком рентообразующих ресурсов социокультурного-пространства необходимо рассматривать через процесс формирования привлекательности ресурса, результатом чего является качество восприятия или удовлетворенность. Отметим, что в основе действия аттрактивного механизма городского и сельского поселений, лежит особый вид рентных отношений, основанный на субъективизме с преобладанием эмоциональной составляющей [1].

В рамках креативной и цифровой трансформации города выступают в роли воспроизводственной среды, проводящей и генерирующей постиндустриальный уклад жизни, а вот сельские поселения, наоборот, играют роль анклавов, которые в процессе развития можно рассматривать как потенциальный рынок потребления социально-культурных товаров городского типа, а также как поставщика на рынок города социально-культурных товаров традиционного типа.

Социально-культурное пространство города субъективно обладает более высокой степенью поселенческой аттракции, а следовательно его жители имеют возможность получать более высокую поселенческую ренту, в отличии от жителей других населенных пунктов, которые стремятся стать потребителями «товаров» городского типа либо в месте проживания либо в городской агломерации, тем самым увеличивая концентрацию «товаров» традиционного типа, предлагаемые сельскими поселения, повышая его аттрактивность в будущем (например, отмечается рост зеленого туризма).

Товары городского и традиционного типов выражаются в образе жизни и ценностных ориентациях жителей населенных пунктов, что в свою очередь и делает их отличными друг от друга.

В современных условиях общественной жизни товары социально-культурного пространства города выступают мощным фактором социализации населения региона, так как субъективно создают более привлекательные условия для реализации человеческого потенциала и вовлечения его в социально-культурное пространство региона.

Необходимо отметить, что аттракция городского поселения повышает мобильность населения в трудоспособном возрасте, что ведет к демографическому дивиденду города и его снижению в селе, за счет роста населения старше трудоспособного возраста и общего снижения рождаемости.

Причиной можно считать тот факт, что чаще всего психологический портрет старого человека складывается для многих из негативных, отрицательных характеристик: снижение самооценки, неуверенность в себе, недовольство собой, опасение одиночества, беспомощности, обнищания, смерти, угрюмость, раздражительность, пессимизм, снижение интереса к новому и др., все это делает стариков мелочными, скупыми, сверхосторожными, педантичными, консервативными, малоинициативными [5].

Процесс старения населения мультиплицируется. Так, внутрирегиональная миграция, урбанизация, тенденция к распаду семей, состоящих из нескольких поколений, отсутствие доступа к необходимой инфраструктуре и другие изменения в социально-культурном пространстве региона приводят к вытеснению пожилых людей из основного процесса креативно-цифровой трансформации, лишают их продуктивной социальной, экономической и культурной роли в обществе.

Таким образом, в сельских поселениях половозрастная структура населения поселения меняется таким образом, что в ней начинают преобладать жители старшего поколения, следовательно коммерциализация социально-культурного пространства затрудняется или же не происходит совсем.

В самом простом понимании социально-культурное пространство можно представить в виде социокультурной инфраструктуры.

Социально-культурное пространство выполняет ряд функций [11]: 1. Информационно-просветительская (познавательная); 2. Культуросозидающая и культуроформирующая; 3. Художественно-зрелищная; 4. Рекреационная; 5. Туристическая; 6. Оздоровительная; 7. Социализирующая.

В настоящее время, ключевыми институтами креативно-цифровой экономики становятся такие элементы социально-культурного пространства как университеты, информационные, научные, культурные организации. Именно эта инфраструктура представляется центрами локализации теоретического и прикладного знания, которая определяет технологии проектирования будущего, создание креативно-цифрового потенциала и управление развитием, формирование инновационных потребностей и опережающего избыточного предложения.

Вместе с этим сверхсложные процессы, происходящие в современном социально-культурном пространстве региона, могут быть адекватно поняты только с учетом особенностей новой информационной культуры, которая формируется на основе новых форм коммуникаций.

Современное развитие социально-экономического пространства происходит на следующих условиях:

Во-первых, все отношения, связанные с промышленностью, требующей значительных капиталовложений в информационно-коммуникационную инфраструктуру и низким уровнем возврата, переносятся за пределы точек концентрации нематериальной сферы цифрового формата;

Во-вторых, нематериальная сфера цифрового формата интегрируется с инновационной составляющей промышленности, а конечным результатом становится сложная и синхронизированная интеграция «всех со всеми» в рамках цифровизации общественных отношений;

В-третьих, ускоренный процесс разделения труда в сфере услуг обогащается новыми видами деятельности цифрового формата, а также персонализируются траектории в виде адресного оказания услуг.

Тем не менее, для социально-культурного пространства региона мотивация играет первостепенную роль, так как именно она подталкивает население на деятельность, связанную с поиском места удовлетворения потребностей, которое в условиях креативно-цифровой экономики находится в пределах социально-культурного пространства городов.

ВЫВОДЫ

Мировая тенденция развития общества происходит с учетом креативной и цифровой трансформации, которая воздействует через социально-культурное пространство регионов.

Данный процесс поддерживается экономическими отношениями человеческого капитала креативного типа, который представляет собой креативный класс, участвующий в деятельности пятнадцати отраслей экономики, где интегрирующим элементов выступает создание, передача, обработка и хранение цифровых данных, посредством массового распространения информационно-коммуникационных технологий, цифровые данные представляют собой новые знания.

Эти процессы откладывают свой отпечаток на развитие социально-культурного пространства региона, главным образом на социально-культурные пространства городских и сельских поселений.

Основной момент заключается в том, что город выступает генератором такой трансформации, он создает условия, он создает спрос и предложение и он же требует для этого все новых и новых ресурсов сельских поселений в виде человеческого капитала или новых потребителей.

Главная проблема заключается в нахождении баланса между инновационным развитием социально-культурного пространства региона и страны, в целом, и сохранением социально-культурного пространства сельских поселений, которые чаще всего, выступают источниками культурных ценностей населения региона в широком смысле этого слова. Это происходит из-за того, что «носителем» таковых становится креативный класс (успешные участники креативной экономики, оторвавшиеся от реалий жизни менее состоятельного большинства общества), трансформирующий традиционное понимание культуры в целом, через вовлечение, смешивание и общее взаимодействие технической, экономической креативностей с культурой и художественным творчеством.

Для развития адекватного для нужд государства креативного класса необходимо создавать благоприятные условия для планомерного повышения поселенческой аттракции социально-культурного пространства сельских населенных пунктов.

Одновременно с этим в обществе возникнет запрос на формирование комфортной среды для появления, выращивания и реализации различных стартапов, нацеленных на достижение поставленной цели.

Список литературы

1. Кузнецов М.М. ГИС-технологии как инструмент в методике рентной оценки развития ТПВС // Ученые записки ТНУ им. В.И. Вернадского. - Серия: География. 2009. Т. 22 (61). №1. С. 55-64.
2. Михайлова А.В. Цифровая и креативная экономика в современном пространстве // Креативная экономика. 2018. Том 12. № 1. С.29-42.
3. Постановление Правительства Красноярского края «Об утверждении Основных направлений стратегии культурной политики Красноярского края на 2009-2020 годы» / Официальный интернет портал правовой информации: Красноярский край. [Электронный ресурс]. URL: <http://zakon.krskstate.ru/doc/731>
4. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/.../9gFM4FHj4Ps...4bvR7M0.pdf>.
5. Психология старости или геронтология: Методическое пособие: для социальных работников, специалистов по социальной работе, сотрудников ГАУ «КЦСОН города Каменска-Уральского» / Сост. О.М. Галахова, 2016. 39с.
6. Скруг В.С. Трансформация промышленности в цифровой экономике: проблемы и перспективы // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 7. С. 943-952.
7. Скруг В.С. Цифровая трансформация экономики (на примере нефтегазового комплекса) // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Том 10. № 9. С. 2365-2378.
8. Создание стоимости и получение выгод: последствия для развивающихся стран. Обзор / ЮНКТАД // Доклад о цифровой экономике 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2019_overview_ru.pdf
9. Степанов А.А., Савина М. В. Креативная экономика: проблемы и сущность развития // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2013. № 12 (60). С. 104.
10. Суть цифровой экономики: сущность национальной программы цифровизации / Полезные материалы // Цифровая экономика 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.ac.gov.ru/poleznaya-informaciya/4213/>
11. Тельманова А.С. Проблемы дефиниции социально-культурного пространства // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 29-1. С. 149-155.
12. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: Учебник пер. с англ. М.: Издательский дом «Классика-XXI», 2005. 421с.
13. Хокинс Дж. Креативная экономика. Как превратить идеи в деньги: Учебник пер. с англ. М.: Классика XXI, 2011. 256 с.
14. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение [Текст]: докл. к XX Апрель. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др. ; науч. ред. Л. М. Гохберг ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

УДК 332.05, 332.1

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ТЕНЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ЭКОНОМИКУ РЕГИОНА

Реутов В. Е., Кифяк А. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: reutov@ie.u.cfu.ru

В статье выявлены и структурированы факторы, влияющие на динамические тенденции в теневой экономике Республики Крым. Проведена градация структуры факторных групп и оценка степени их влияния на перспективы масштабов теневой составляющей экономики региона. Представлена авторская позиция на трактовку генезиса восприятия теневых аспектов ведения бизнеса. Сопоставлены базовые причины факторного воздействия на характер доминирующих трендов в теневых хозяйственных операциях на территории Крыма. На основе проведенных расчетов проведена сравнительная оценка альтернативных сценариев стратегий противодействия теневой составляющей экономики региона.

Ключевые слова: теневая экономика, факторное влияние, динамические и структурные тренды, моделирование прогнозных тенденций, стратегии противодействия теневой экономике

ВВЕДЕНИЕ

Первичной проблемой исследования теневых экономических процессов в экономике региона является, на наш взгляд, укоренившийся “терминологический плюрализм” в трактовке самого объекта исследований. Среди наиболее часто используемых (не только в СМИ, но и в научной литературе) терминологических конструкций следует отметить следующие: неофициальная; неформальная; скрытая; криминальная; черная; серая; вторая; запрещенная и некоторые иные. Указанная терминологическая неряdochоложенность свойственна и зарубежным школам, где количество терминов-синонимов еще больше (shadow, illicit, black, informal, unofficial, illegal, dark, irregular, criminal, second, unofficial) [1, с. 71].

Системный анализ данного сложного и многопланового экономического явления усложняется и разнообразием самих методологических подходов к рассмотрению теневых экономических отношений со стороны различных авторов и институций. “Теневая экономика рассматривается и как состояние экономических отношений, и как совокупность условий и факторов, обеспечивающих ее функционирование в обществе, и как деятельность хозяйствующих субъектов” [2, с. 42].

В рамках настоящего исследования мы использовали определение теневой экономики (ТЭ), предложенное С. Барсуковой и В. Радаевым (определяющим ее как “включающий в себя предприятия, сознательно скрывающие свои доходы для того, чтобы уменьшить свою налоговую базу (что влечет за собой отказ от регистрации предприятия или отдельных частей его предпринимательской деятельности), с использованием рабочей силы без формальных контрактов и двойной бухгалтерский учет” [3, с. 4]), дополненное трактовкой Дж. Бекерта и Ф. Вехингера (указавшими на то, что ТЭ включает в себя и часть, “ассоциируемую с нелегальной деятельностью на рынках и представляющую собой производство товаров и предоставление услуг,

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ТЕНЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ЭКОНОМИКУ...

запрещенных законодательством (производство наркосодержащих препаратов, проституция и т.д.)” [4, с. 2].

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Попытки разработки и реализации экономической политики в регионе без учета масштабов и вектора развития теневой составляющей способны не только снизить эффективность мер воздействия государственных институций, но и полностью нейтрализовать многолетние позитивные стремления по развитию территории Крыма. Именно эта рабочая гипотеза, на наш взгляд, позволяет оправданно детализировать анализ базовых причин генезиса теневой составляющей экономики региона. И если сугубо криминальные аспекты ведения хозяйственной деятельности в Республике Крым и материальный ущерб от них уже рассматривались авторами [22; 23], то остальные сектора теневой экономики (как и теневая экономика региона в целом) оставались вне поля нашего изучения. При этом следует четко позиционировать группы причин формирования теневого сектора экономики региона на “обще-типовые” и “специфические”.

По мнению А.К. Худайназарова к наиболее типовым причинам теневизации экономики оправданно относить: “размер налогов и социальных отчислений, качество государственных институтов, коррумпированность государственного аппарата, интенсивность мер государственного регулирования, интенсивность сдерживания теневой экономической деятельности (санкции, штрафы и наказания), состояние социально-экономического развития, уровень самозанятости и налоговую мораль” [5]. Согласно результатам исследования причин ухода малого бизнеса в тень в России (проведенного Н.В. Артемьевым и Ю.В. Латовым), “от 20 до 65 % опрошенных предпринимателей вынужденно вовлечены в теневые схемы для сохранения возможности ведения своего бизнеса, а долю акторов малого бизнеса, активно вовлеченных в коррупционные отношения, можно оценить в 35 %” [6, с. 69]. С учетом итогов исследования В. Жукаускаса, все факторы, формирующие структуру теневых процессов в экономике, допустимо свести к шести основным группам (таблица 1), однако, применительно к конкретной территории, вариативность влияния каждой группы факторов оправданно считать вариативной.

Таблица 1.

Основные группы факторов, влияющих на теневую экономику

Группа факторов	Диапазон степени влияния, %
Социальные отчисления и налоговые ставки	35-38
Качество работы государственных учреждений	10-12
Действенность системы социального обеспечения	5-7
Регулирование рынка труда	7-9
Доля коммунальных услуг в структуре расходов	5-7
Налоговый нигилизм	22-25
Суммарное влияние	84-98

Источник: составлено авторами по материалам исследования В. Жукаускаса [7, с. 142]

“Невозможность выжить в одиночку при одновременной невозможности получить действенную помощь государства сформировали устойчивую

мировоззренческую основу особой хозяйственной практики, которая создавала основу для развития неформальной экономики” [11, с. 58], при которой игнорирование законодательства уже не возводится в ранг этического преступления. Как и любая “трансформация сверху”, деятельность властных институтов на территории “выступает не как субъект институализации уже существующих практик (что демонстрируют общества устойчивого развития), а как создатель иных, новых форм общественного устройства” [11, с. 59].

Так как экономические агенты не только могут нарушать правовые нормы, но, зачастую, еще и стремятся не отчитываться о своей реальной деятельности в полном объеме, опора в оценке теневой экономике исключительно на данные официальной статистической платформы (включающей показатели, публикуемые Росстатом, федеральными и региональными министерствами, ведомствами и департаментами) не позволяет составить валидное мнение о фактическом состоянии дел. Попытки трансформаций экономической политики, опираясь лишь на данные, не учитывающие неформального сектора и его динамических трендов, априори обречены или на низкую эффективность, или на избыточную затратность, или (что еще более вероятно), - обречены на провал. И, хотя, на наш взгляд, характер законов и подзаконных актов безусловно влияет на динамические тренды неформального сектора, однако не способен трансформировать сами структурные основы его развития на конкретной территории.

Именно поэтому, для оценки степени влияния внешних импульсов на теневую экономику территории нами были опрошены владельцы и руководители крымских предприятий, представляющие сферы: строительства, торговли, туристической сферы, транспорта, и гостиничного хозяйства. Каждому из них было предложено указать основные факторы, которые, на их взгляд, оказывают наиболее значимое влияние на динамику теневых процессов. По полученным опросным листам были выявлены наиболее часто совпадающие у “экспертов” факторы и (в форме сводного перечня) предложены респондентам для структурной оценки.

Полагаем необходимым акцентировать внимание на том значимом обстоятельстве, что выборка респондентов была случайной (и основывалась на принципе согласия участвовать в экспертной оценке на условиях анонимности), а не комплексно-репрезентативной по крымскому бизнесу в целом, однако дает значимый информационный материал для анализа сложившихся и формирующихся трендов как в самой теневой составляющей, так и при рассмотрении ее влияния на экономику региона в целом.

Полученные (с использованием метода парных сравнений [8, с. 27-30]) результаты позволили составить сводную матрицу иерархической значимости каждого фактора (таблица 2).

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ТЕНЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ЭКОНОМИКУ...

Таблица 2

Иерархии структурного влияния факторов на динамические тенденции в теневой экономике Крыма

Номер фактора	Факторы	Характеристики влияния фактора		
		Вес значимости фактора	Долевое влияние фактора, %	Приоритет влияния фактора
1	доля социальных трансфертов в совокупных располагаемых доходах населения	0,569	1,11	минимальный
2	рост налоговой нагрузки на субъекты хозяйствования различных организационно-правовых форм	1,015	1,97	малый
3	рост сумм неофициальных платежей для беспрепятственного ведения бизнеса	1,349	2,62	малый
4	падение покупательской способности значительной части населения	4,709	9,16	высший
5	финансовые санкции по отношению к банковской системе Крыма	0,352	0,68	минимальный
6	олигополистический характер оптовых логистических цепочек	2,370	4,61	большой
7	ротации в аппаратах госструктур исполнительной власти на территории	0,969	1,89	малый
8	режим наибольшего благоприятствования для прихода в регион конкретных предпринимательских структур	0,732	1,42	минимальный
9	интернирование в хозяйственную жизнь новых форм ведения бизнеса с использованием ИТКТ	0,801	1,56	малый
10	вынужденное изменение теневых схем ведения бизнеса из-за ограничений в связи с пандемией	1,065	2,07	малый
11	рост сумм расчетов наличными в регионе	0,409	0,80	минимальный
12	преимущественно сезонный характер формирования ВРП	1,094	2,13	малый
13	клановый характер распределения ресурсов финансовых программ развития территории	4,925	9,58	высший
14	растущая бюрократизация административных процедур	0,492	0,96	минимальный
15	санкционные ограничения для крымских предпринимателей и иностранных субъектов хозяйствования	1,765	3,43	значимый
16	правовой вакуум крымских портов и пограничных переходов в международном правовом поле	0,770	1,50	малый
17	системный рост себестоимости продукции из-за удорожания применяемых логистических цепочек	1,386	2,70	малый
18	ограничения и запреты на применение части ИТКТ для ведения бизнеса на территории	0,263	0,51	минимальный
19	миграционный отток квалифицированных кадров и молодежи	0,431	0,84	минимальный
20	автономность государственных деятелей верхних должностей региона в обмен на политическую сверхлояльность	3,363	6,54	высокий
21	сложившийся трудовой менталитет	0,358	0,71	минимальный
22	коррупционный характер реальной доступности для участия в финансируемых госпрограммах	4,508	8,77	высший
23	фактическое отсутствие обоснованной стратегической программы развития Крыма	1,808	3,52	значимый
24	доля теневой занятости населения трудоспособного возраста	5,060	9,85	высший
25	нрезмерная дифференциация населения территории по доходам	0,572	1,11	минимальный
26	декларативный характер официальных статистических данных о развитии территории и уровне жизни населения	0,246	0,48	минимальный
27	перераспределение влияния национальных диаспор на экономику региона	0,381	0,74	минимальный
28	когортные изменения в структуре потребления населения	0,161	0,31	минимальный
29	дотационный характер формирования бюджета территории	1,289	2,51	малый
30	доля пресеченных правоохранительными органами теневых схем	0,523	1,02	минимальный
31	доля реальных сделок, не отражаемая в официальных контрактах	2,274	4,42	большой
32	трансформация отношения населения к государственным институтам	0,543	1,06	минимальный
33	доля не отраженных в налоговом учете операций субъектов хозяйствования	2,133	4,15	большой
34	ценностная приемлемость теневых экономических отношений	0,465	0,91	минимальный
35	правовой нигилизм экономических агентов	2,243	4,36	большой

Источник: рассчитано авторами по итогам экспертных оценок

Считаем необходимым отметить, что полученный набор наиболее значимых факторов, формирующих динамические тенденции развития теневой экономики в Крыму, обладает рядом специфических характеристик и позволяет проводить пилотную оценку вероятий эффективности политике минимизации влияния теневой составляющей. Более комплексная и репрезентативная выборка респондентов, возможно, позволит не только расширить перечень анализируемых факторов влияния и составить детализированную модель их взаимосвязей, однако, на момент данного исследования, затруднительна в аспектах обеспечения корректной валидности из-за незавершенности критериальной модели оценки.

Согласно разделяемой нами трактовки С.Ю. Барсуковой, «Власть — то благо, без которого развитие крупного бизнеса едва ли возможно, а поскольку власть покупается исключительно в теневом формате, то крупный бизнес обречен на теневое аккумулятивное средств» [12, с. 47]. Трактовка власти и богатства в роли источников капиталов априори предопределяет поиск каналов их взаимной конвертации. Однако логика этой «эволюции» будет заключаться в преобразовании частного вымогательства конкретных чиновников в формирование сколь-либо структурированной модели властно-экономической вертикали, в которую (после ее институционализации) и будет вынужден встраиваться мелкий и средний бизнес. После формализации неформальных институтов хозяйствования «Власть начинает обслуживать интересы подконтрольного себе бизнеса, обрекая «чужой» на поражение. Провозглашенный ею контроль над «стратегическими отраслями» означает, что политическое влияние как ресурс конкурентной борьбы остается только у избранных властью (порой помимо их воли) экономических агентов» [12, с. 55].

Вероятно, именно этим и объясняется высокая значимость 20-го фактора, занимающего промежуточное положение между четырьмя наиболее значимыми и всеми остальными. При этом «максимизация» влияния 13-го и 22-го факторов обеспечивается, гарантируется и подпитывается именно 20-ым, а «высшее» влияние 4-го и 22-го факторов представляет, на наш взгляд, лишь «констатационный» и «компенсационный» механизмы ответной реакции со стороны домохозяйств на развитие данной тенденции. Существенное расхождение между официально регистрируемой и фактической экономической активностью населения является «уже не просто творческой реакцией народа на неспособность государства удовлетворять основные потребности обнищавших масс» [9].

Следующим этапом «эволюции» данного процесса допустимо считать объяснимое стремление к самосохранению власти, прежнего формата коррупционных неформальных контрактов для которого становится уже недостаточно. При реализации данного стремления речь может идти лишь об одном «альтернативном пути»: законсервировать политическую элиту нового созыва и не допустить в нее «варягов». Итоги таких «эволюционных преобразований» показательно охарактеризовала в своем исследовании С.Ю. Барсукова, выявившая причинно-следственную связь претензий власти контролировать финансовые потоки крупных экономических агентов и формирование зависимости юридически свободного бизнеса от ее расположения: «Для этого необходимо дать бизнесу увязнуть в «тени», а затем продемонстрировать решимость борьбы с «теневиками».

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ТЕНЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ЭКОНОМИКУ...

И тогда «политические инвестиции» гарантированы, правда, вынужденного характера» [12, с. 47].

Так как государство уже не является единственным институтом, способным мобилизовать экономические ресурсы и «изначально противостоит русскому человеку как нечто враждебное, и на него, как на врага, не распространяются моральные запреты: его можно обманывать, у него можно красть, обещания, данные государству, можно не выполнять» [10, с. 74]. При такой ценностной установке значительной части крымского социума вполне обоснованным допустимо считать и тот факт, что «умеренно-безразличное» отношение к требованиям законов и подзаконных актов распространяется и на требования государственных чиновников. В сознании людей государство де-факто уподобляется ненадежному партнеру, чьи «действия непредсказуемы, лишены ясной логики. С этим, видимо, связано стремление россиян быть независимыми от государства, уйти в неформальную экономику» [11, с. 59]. Печальный факт: «в силу некомфортности институциональной среды для проявления хозяйственной инициативы, уход индивида в поле неформальной экономики никого не удивляет» [11, с. 60].

Большое влияние факторов 6, 31, 35 и 33 (в порядке убывания) характеризует, на наш взгляд, именно попытки мелкого и среднего бизнеса сохранить максимально возможную для них автономию. Парадоксально, но «консервация» действия и степени влияния 15-го и 23-го факторов устраивает и бизнес, и власть, так как не требует коренного пересмотра «правил игры». В условиях VUCA-мира «фиксация административных платежей» становится «островком стабильности».

Фактическое отсутствие понимания о месте и роли экономики региона в общероссийских тенденциях, сохраняющиеся санкции и непризнание территории в статусе региона страны, а также укоренение в реальной практике хозяйствования доминанты коррупционной олигополии уже привели к ситуации «растаскивания» отраслевых и/или территориальных сегментов экономики Крыма между клановыми группировками. Реальная экономическая «стратегия» развития Крыма, на наш взгляд, практически сведена к «заливанию» деньгами федерального центра множущихся и бесконечно возрастающих в цене инфраструктурных прожектов и «затыканию дыр», возникающих из-за проблем (с водоснабжением, устойчивостью качественной связи, ростом наркомании и онкологических заболеваний, экологическими и климатическими ЧП и иными итогами активной реализации своих финансовых интересов конкретными должностными лицами региона).

В условиях, когда государственные институции не осведомлены о настроениях и планах бизнеса, а представители бизнес-сообщества не имеют представления о предстоящих действиях государства, уход легального бизнеса в «тень» становится лишь вопросом времени и/или действенности «остаточного» эффекта моральных пределов допустимого поведения стейкхолдеров. В управляемом росте теневой составляющей экономики страны оказывается заинтересованным лишь коррумпированный бюрократический аппарат государственных чиновников и представители бизнеса, обеспечивающих свое финансовое благополучие на взаимодействии друг с другом в ущерб долговременным интересам социума и государства.

Именно в их среде будет формироваться модель “противодействия” теневым аспектам деятельности субъектов хозяйствования, в реальности направленная на построение жесткой системы адсорбации большей части финансовой выгоды от реализации теневых схем и управлении ими. Все субъекты, не включенные в построенную вертикаль, будут обязательно становиться объектом целевого воздействия со стороны правоохранительных “ресурсов” данной системы. При этом, в рамках конкретной территории, будет формироваться “олигополистическая” модель из нескольких подобных структур, не столько противоборствующих между собой, сколько концентрирующих свои усилия на противодействии любым “новичкам” и “неудобным”.

Проблема противодействия теневой экономике решается, как правило, на основе создания действенной системы регулирующего воздействия со стороны государства. В наиболее упрощенной трактовке, к таким стратегиям относят радикально-либеральную и репрессивную альтернативы. Репрессивная стратегия предполагает: “расширение и усиление деятельности правоохранительных органов на основе применения многообразия репрессивных мер по борьбе с любыми проявлениями теневой экономики” [13]. Радикально-либеральная стратегия “основывается на применении системы политических, социально-экономических и правовых мер, направленных на крупномасштабную легализацию теневой экономической деятельности, не связанной с криминальным бизнесом” [14].

В реальной экономической ситуации Крыма, на наш взгляд, ни одна из указанных альтернатив не может быть реализована, так как не будут учтены все реалии и особенности уже сложившейся и реализующейся модели теневых экономических отношений. Избыточное количество факторных зависимостей делает невозможным выбор при двойственной альтернативе (между реально востребованной стратегией противодействия ТЭ и той стратегией, которая наиболее приемлема для лиц, принимающих решение). Налицо конфликт экономических интересов стейкхолдеров, ведущий (как правило) к попыткам сохранения условного равновесия и/или баланса не противодействия друг другу.

В рамках такой стартовой позиции (и при условии реальной заинтересованности в коренных преобразованиях) необходимо или системное и последовательное элиминирование всех факторов, значимо не влияющих на динамику теневой экономики территории (однако, как уже отмечалось ранее, у государственной власти в Крыму на это нет желания), или принятие управленческого решения по выбору и немедленной реализации оптимальной стратегии противодействия росту теневой экономики, исходя из имеющихся приоритетных альтернатив (таблица 3), опираясь на “инициацию” со стороны федерального центра. Иные варианты представляются нам малореальными к реализации.

Для оценки потенциального приоритета (для каждой из указанных альтернативных стратегий), и на основе мнения респондентов (выступавших в роли экспертов при оценке степени влияния факторов на динамику ТЭ), нами были рассчитаны веса соответствующего фактора, однако, для большей контрастности выбора из возможных альтернатив, мы провели секвестр факторов (удалив из расчетов все те, степень влияния которых составляет менее 3 %). Конечная оценка

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ТЕНЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ЭКОНОМИКУ...

приоритетности конкретной политики, рассчитывалась суммированием произведений (веса фактора на значение его приоритетности по конкретной стратегии). Итоговое значение альтернативных стратегий составило: легализация – 15,549; детеневизация – 12,299; деактивизация – 21,450; декриминализация – 15,173 и сохранение статус-кво – 19,189.

Таблица 3

Стратегические приоритеты в отношении теневой экономики в Крыму

Приоритет	Характеристики приоритета	
	Ожидаемый эффект	Цель
Легализация	Сокращение количества хозяйствующих субъектов, находящихся в теневом секторе	Сокращение административных барьеров и законодательных ограничений
Детеневизация	Повышение прозрачности и контролируемости экономических отношений	Снижение степени искажения информации о состоянии экономической системы
Деактивизация	Снижение экономической активности субъектов теневой экономики	Повышение конкурентных преимуществ субъектов легального сектора
Декриминализация	Ликвидация криминальной составляющей теневой экономики	Снижение общественной опасности теневой экономики
Статус-кво	Снижение противодействия реализуемым программам развития	Минимизация степени влияния теневого сектора на экономическую жизнь

Источник: составлено авторами с учетом подходов: [15] и [14]

По итогам расчетов допустимо констатировать явное противоречие: наиболее перспективной для государства и общества (и, зачастую, одобряемой представителями бизнеса) является стратегия деактивизации теневых экономических явлений, однако уже сформировавшаяся в регионе модель бизнес-среды противоречит (и будет противодействовать) ее реализации. Отсутствие четко обозначенных экономических перспектив территории и реальный рост ее международной изоляции провоцируют не только бегство теневых капиталов, но и формируют хищнический характер теневых операций (ориентированных на достижение максимального сиюминутного эффекта). Правоохранительные органы, призванные противодействовать криминальной составляющей теневой экономики, априори не способны переломить ситуацию и предотвратить восходящий динамический тренд в теневой составляющей экономики Крыма. “Уровень реальной преступности примерно в 8 раз превышает регистрируемые правоохранительными органами показатели” [19].

Оптимизм утверждений о том, что “достаточно устранить неоправданные ограничения, и соответствующая часть экономики заработает на благо всего общества” [16], на наш взгляд, иллюзорен. Очевидность декларативного характера попыток “снизить административные издержки бизнеса”, подтверждается динамическими трендами проверочных мероприятий: “именно в 2019 г. впервые за

пять лет количество проверок выросло в отдельных регионах страны более, чем на 20%. В 2020 г. количество проведенных плановых и внеплановых проверок упало по сравнению с 2019 г. почти в 3,5 раза” [17], однако вопреки заявленному мораторию на проведение проверок малого и среднего бизнеса (с 1 апреля по 31 декабря 2020 г., который был продлен до конца 2021 года), доля подобных компаний среди всех проверенных организаций остается стабильно высокой на протяжении нескольких лет. “В 2020 г. не менее 25% всех планово проверенных организаций были представителями малого и среднего предпринимательства, тогда как для внеплановых проверок эта доля составила более 50% всех внеплановых от всех по стране” [17]. Применительно к Крыму нами были выявлены и еще две специфических черты:

- подушевое количество плановых и внеплановых проверок на 10 тыс. зарегистрированных организаций не превышает 10 для Ростехнадзора и Ространснадзора, 50 для Россельхознадзора, 100 для Роспотребнадзора, 150 для МЧС, минимален (до 10) для Росприроднадзора, Росздравнадзора (до 5) и МВД (до 5), зато достигает максимума в сравнении с уровнем по стране в целом (более 30) для Росреестра;

- из 57,6% зарегистрированных в 2020 году ИП и 34,5% коммерческих предприятий 16,3% и 40,4% (соответственно) были подвержены проверке.

Допустим вывод о том, что контрольно-надзорные органы акцентируют свое внимание в регионе на сделках с недвижимостью, минимизируя свое внимание на медицинской сфере, природопользовании и охране окружающей среды. И это, - на фоне “37,5% не соответствия санитарно-эпидемиологическим требованиям общего количества источников водоснабжения” [18, с. 9], ситуации, когда “некачественной питьевой водой в Республике Крым обеспечено 463854 человека, что составляет 24,3 % от общей численности населения в субъекте” [18, с. 11]. Пробы почвы на соответствие санитарно-химическим показателям “зафиксировали 13,71% случаев отклонения от норм и загрязнения почвы бензпиреном и солями тяжелых металлов (цинк, свинец)” [18, с. 34], Проверки “на 328 обследованных пищевых объектах контроля выявили нарушения санитарного законодательства на 56,5% из них” [18, с. 101]. Среди причин смертности населения Республики Крым “на первом месте (с приростом в 4,9%) находятся болезни системы кровообращения; на втором (с отрицательной динамикой в 5,8%), - новообразования; на третьем, - смертность от воздействий внешней среды (с отрицательной динамикой в 9,5%)” [18, с. 124].

ВЫВОДЫ

Реализация социального заказа на позитив, корректировками оптимистической статистики уже не работает. “Среднесписочная численность работников без внешних совместителей по полному кругу организаций за май 2020 г. по Республике Крым составила 409,2 тыс. человек, а численность безработных составила 34836 человек” [20, с. 67]. И это, - при “населении трудоспособного возраста в количестве 1 036,4 тыс. человек” [21]. В условиях падения своего платежеспособного спроса население

становится вынужденно заинтересованным в работе вне легальных секторов экономики, так как получает реальные и не облагаемые налогами суммы доходов.

Практически сложившийся на территории прообраз финансово-политических групп будет стремиться к укреплению и защите своего статуса, основываясь на демонстративной поддержке политики федерального центра и усилении требований к крупному бизнесу на территории. Сколь-либо значимая конкуренция между самими ФПП в ближайшие годы маловероятна. Для предотвращения необходимости менять сложившийся порядок вещей и применительно к любым несанкционированным проникновениям в регион новых крупных игроков рынка будут активно использоваться правоохранительные и контрольно-надзорные органы.

Мелкий бизнес и самозанятые будут “принудительно легализовываться” и “системно контролироваться” для обеспечения источника финансовых поступлений чиновникам низового уровня. Средний бизнес будет пытаться сохранить независимое положение в бизнес-среде региона, однако возрастающее административное давление приведет или к его дроблению и массовому уходу в тень или переведет в статус с новыми владельцами. Стремление к легализации своей деятельности у субъектов хозяйствования будет минимальным, так как в сложившихся условиях “выгоды от нарушений” продолжают превышать “потери при наказании”.

Следует ожидать продолжения деформализации формальных институтов и формализации неформальных, так как первое направление противоречит экономическим интересам субъектов хозяйствования, а второе, - является основой стабилизации и предсказуемости ведения бизнеса. Допустимо также утверждение о вероятном расширении реципрокной и криминальной составляющих теневой экономики территории в качестве компенсационных механизмов противодействия бизнес-среды экономической политике государственных институций.

Список литературы

1. Зиновьев И.Ф., Зиновьев Ф.В., Ярош О.Б. Теневая экономика: диалектика теоретических концепций и оценка реальных масштабов // Успехи современной науки и образования. Том 3. № 2, 2017. – С. 71-74. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28401820>
2. Развитие торговли и торговой политики в Республике Крым в условиях трансформации хозяйственных связей / под ред. В.Е. Реутова, О.Б. Ярош. - Симферополь: ИП Бровка А.А., 2017. 300 с.
3. Barsukova S., Radaev V. Informal Economy in Russia: A Brief Overview // Economic sociology. - 2012. Vol. 13. № 2. PP. 4-12. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/70677537>
4. Beckert J., Wehinger F. In the Shadow: Illegal Markets and Economic Sociology // MPIfG Discussion Paper 11/9 Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung, Köln Max Planck Institute for the Study of Societies, Cologne, June 2011. 27 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mpifg.de/pu/mpifg_dp/dp11-9.pdf
5. Худайназаров А.К. Определение, виды и основные факторы теневой экономической деятельности: обобщение на основе обзора исследований // Теневая экономика. 2019. Том 3. № 4. С. 213–224. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43931441>
6. Артемьев Н.В., Латов Ю.В. Институционально-экономические причины “теневизации” малого бизнеса России // TERRA ECONOMICUS. 2015. Т. 13. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/08/1251195556/journal13.1-5.pdf>

7. Žukauskas V. Strategies for Combating the Shadow Economy. *Unraveling Shadow Economy // 4LIBERTY.EU REVIEW*. 2015. № 3. P. 140-151. [Электронный ресурс]. URL: <http://4liberty.eu/wp-content/uploads/2015/12/4liberty.eu-Review-3-Unraveling-Shadow-Economy.pdf>
8. Саати Т. Принятие решений: метод анализа иерархий. М.: Радио и связь, 1993. 278 с. [Электронный ресурс]. URL: http://bsuir-helper.ru/sites/default/files/2011/03/11/met/Tomas_Saati_-_Prinyatie_Resheii_Metody_analiza_ierarhii.1993.pdf
9. Де Сото Э. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире // *Catallaxy*. 1995. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/de_soto_ernando/inoy_put_nevidimaya_revoljutsiya_v_tretem_mire.html#0
10. Касьянова К. О русском национальном характере. Москва: Акад. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003 [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002348554>
11. Барсукова С. Ю. Неформальная экономика и система ценностей россиян // *Социологические исследования*. 2001. № 1. С. 57-62. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.isras.ru/files/File/Socis/01-2001/Barsukova.pdf>
12. Барсукова С.Ю. Теневые правила взаимоотношений политиков и предпринимателей // *Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований)*. 2011. Том 3. № 3. С. 40-56. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16894508>
13. Моляренко О. Теневое управление помогает развитию регионов // Семинар Научно-учебной группы “Управление по результатам 2.0” Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” на тему: “Становление системы органов статистики в России и неформальные нормы в системе государственного и муниципального управления”, 15 декабря 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://iq.hse.ru/news/177663929.html>
14. Новенькова А.З., Сабирова М.Е. Повышение качества публичных услуг как инструмент снижения доли теневое сектора в региональной экономике // Доклад на 48 Международном конгрессе городских и региональных планировщиков ISOCARP “Fast Forward: Динамичное планирование в меняющемся мире городов”. Пермь. Казанский федеральный университет, 2012. [Электронный ресурс]. URL: kpfu.ru/staff_files/F2048979517/Novenkova_Sabirova.doc
15. Рзаев И.М. Деятельность органов внутренних дел по противодействию теневым явлениям в природно-ресурсном комплексе СЗФО России // *Российское предпринимательство*. 2013. № 20 (242) С. 114-131.
16. Путилов П.Д. Теневая экономика как объект исследования. Белгород: Белгородский юридический институт, 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://www.0ck.ru/ekonomika_i_ekonomicheskaya_teoriya/tenevaya_ekonomika_2.html
17. Кучаков Р., Кузнецова Д., Скугаревский Д. Контроль и надзор в 2020 г.: жизнь без проверок в период пандемии // Аналитический обзор материалов исследования практики контрольно-надзорной деятельности в РФ. Санкт-Петербург: Институт проблем правоприменения при Европейском университете, 2020. (Аналитические обзоры по проблемам правоприменения; вып. № 5 (2020)). [Электронный ресурс]. URL: <http://inspections.enforce.spb.ru/>
18. Государственный доклад “О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Республике Крым и городе федерального значения Севастополе в 2020 году” / Межрегиональное управление Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека в Республике Крым и городу федерального значения Севастополю. Симферополь, 2021. 356 с.
19. Титаев К., Кудрявцев В. Петербург вернул звание криминальной столицы // Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 24.06.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://enforce.spb.ru/chronicle/comments-in-the-media/7507-kirill-titaev-i-vladimir-kudryavtsev-rbk-peterburg-vernul-zvanie-kriminalnoj-stolitsy>
20. Социально-экономическое положение Республике Крым в январе-июне 2020 года // Аналитический доклад управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю. Симферополь: Крымстат. 2020. 79 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://crimea.gks.ru/storage/mediabank/OQJnWkVn/+06.20.%20САЙТ%20доклад%20РК%20в%20январе-июне%202020г.pdf>

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ТЕНЕВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ НА ЭКОНОМИКУ...

21. О демографической ситуации в Республике Крым за 2020 год // Рынок труда и занятость населения. Минтруд Республики Крым. 2021. 6 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://crimea.gks.ru/folder/27542>

22. Зиновьев И., Реутов В.Е. Материальный ущерб от преступлений экономической направленности в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2020. Том 6. № 3. С. 68-77. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44648561>

23. Реутов В.Е., Зиновьев И.Ф., Кифяк А.В. Экономическая преступность как деструктивный фактор влияния на развитие Крымского федерального округа // Право и современные государства. 2016. № 3. С. 50-68. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27521351>

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

УДК 339.9

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

Секачева А. Б.

*Дипломатическая Академия Министерства Иностранных Дел Российской Федерации, Москва,
Российская Федерация
E-mail: aline_ph@rambler.ru*

В данной статье проанализированы особенности, проблемы и перспективы франко-германских отношений до и во время периода пандемии COVID–19. В исследовании отмечено, что экономическое доминирование Германии в двусторонних отношениях в определенной степени уравновешивается военно-политическим потенциалом Франции. В статье также указано, что эти две страны в значительной степени определяют стратегию развития ЕС, в том числе и в его отношениях с Россией, особенно в сфере энергетической безопасности. Определено, что стремление Франции преодолеть негативные последствия пандемии коронавируса столкнется со значительными трудностями, и ее экономическая зависимость от Германии, по всей видимости, усилится. Развитие отношений этих двух стран в условиях роста глобальной и региональной нестабильности прогнозировать сложно, но несомненно, что они будут оказывать существенное влияние на внешнюю политику других стран, в том числе и России.

Ключевые слова: Франция – Германия – Европейский союз – политические и экономические отношения – кризис – COVID–19.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время в период затянувшегося кризиса мировой экономики в условиях пандемии коронавируса, важное значение приобретает поиск возможностей для стран по выходу из сложившейся ситуации. Наиболее уязвимым регионом оказалась Европа, в частности Европейский союз. Лидеры интеграционного объединения – Германия и Франция – обременены вдвойне, поскольку им необходимо восстанавливать не только свои национальные экономики, но также быть экономическими донорами для «новых» стран-членов ЕС в рамках финансово-бюджетной политики ЕС. Также обе страны несут на себе обязательства по решению проблем с миграционным кризисом, что увеличивает нагрузку на расходы государственных бюджетов. Вместе с тем, Германия и Франция по-своему претендуют на роль лидера в ЕС, хотя по макроэкономическим показателям, а также в политическом смысле Германия является лидирующей экономикой ЕС. Задача данной статьи – проанализировать предпосылки и тенденции развития двустороннего сотрудничества Франции и Германии, выявить причины соперничества и сделать вывод о влиянии обеих экономик на экономику ЕС и России, особенно в сфере энергетики.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

1. Особенности сотрудничества Германии и Франции в посткризисных условиях и проблемы их взаимодействия

Как отмечается многими исследователями, в Евросоюзе после выхода из него Великобритании (Brexit) [11] 1 февраля 2020 г. в данном интеграционном объединении остались только две страны, которые являются его своеобразными «локомотивами» – это Германия и Франция.

При этом, как справедливо отмечает большинство ученых, занимающихся данной проблематикой, из этих двух стран именно Германия является ведущей экономической державой в ЕС, и в перспективе таковой и останется. Но ее поражение во Второй мировой войне и последующая оккупация части ее территории союзниками, в том числе и Советским Союзом, не позволила ей претендовать на главную роль в формировавшемся ЕС. В настоящее время в ФРГ сохраняется присутствие американских войск (примерно 25 тыс. военнослужащих и 40 военных баз), и этот факт позволяет некоторым немецким ученым, экспертам и оппозиционным политикам утверждать, что она является «оккупированной страной». [12] Так, член международного комитета бундестага В. Гердт заявил, что США по-прежнему хранят свое ядерное оружие на территории его страны, и поэтому она не обладает полноценным государственным суверенитетом. [6]

Как следствие Германия имеет меньший по сравнению с Францией военно-политический потенциал и к тому же она является твердой сторонницей сохранения НАТО. Париж до последнего времени лоббировал идею создания европейской армии, отдельной от этого военно-политического блока, то есть стремился реализовать концепцию «величия Франции» генерала Ш. де Голля. Именно благодаря его усилиям в 1950–1960 гг. эта страна разработала атомное оружие и вошла в клуб ядерных держав. В настоящее время такой подход несколько эпатажно продемонстрировал президент Франции Э. Макрон, заявив в 2019 г., что «мозг НАТО мертв». [30]

Многие исследователи отмечают, что, невзирая на союз этих двух стран и их тесные экономические связи, между ними имеются существенные разногласия, чем откровенно пользуются США, поддерживая в каких-либо вопросах региональной или глобальной политики то одну, то другую сторону. Так, после распада Советского Союза президент Франции Ф. Миттеран был против присоединения ГДР к ФРГ и создания единой Германии: «До этого момента Пятая республика и ФРГ были равными игроками, на которых держалась европейская интеграция. После объединения Германии баланс между ними был нарушен в пользу объединенной Германии, соответственно, Париж на тот момент лишился возможности стать гегемоном в Евросоюзе (тогда ЕЭС), опираясь на свою экономическую мощь». [3] Вместе с тем следует отметить, что и США в принципе не заинтересованы в чрезмерном экономическом усилении Германии, и тем более ее переориентации на Китай, точно так же, как они не заинтересованы в превращении ЕС из экономического в политический союз со своими вооруженными силами и централизованной системой управления.

Для всех непредвзятых исследователей очевидным является тот факт, что социально-экономическое положение Франции и Германии после создания ЕС и зоны евро ухудшилось, отсюда и ностальгия в широких слоях населения по «старой доброй марке» или франку. Наблюдается и рост «евроскептицизма», чем не преминули воспользоваться оппозиционные политики, в первую очередь, в Париже. Появился даже термин *Frexit*, то есть выход Франции из ЕС, за который выступают правые партии. Здесь имеется в виду, в первую очередь, лидер Национального фронта Франции Марин ле Пен, которая одно время даже называла себя «мадам *Frexit*». В настоящее время, по мнению независимого журналиста, придерживающегося голлистской ориентации, Л. Эрбле – пандемия коронавируса продемонстрировала, что во Франции созрели условия для того чтобы она покинула Евросоюз. [27] Ожидается, что тем самым она укрепит свою экономику и сможет бросить вызов Германии в конкурентной борьбе. Ведь даже *Brexit*, как утверждают некоторые европейские эксперты, по большей части объясняется не противоречиями между ЕС и Великобританией, а противостоянием Германии и Франции. По мнению обозревателя американской медиа-компании *Politico* М. Рахмана, позиция Франции связана непосредственно с политикой Э. Макрона, который желает занять место лидера Евросоюза по вопросам внешней политики и безопасности, чтобы уравновесить экономическое доминирование Германии.

Известный немецкий эксперт и научный директор Российско-германского форума А. Рар отметил, что, поскольку ЕС оставила Великобритания – третья по политической и экономической значимости страна, то европейские политики боятся появления новых недовольных государств, желающих покинуть его. Поэтому «Берлин и Париж работают вместе для того, чтобы не допустить такого развития событий». [4] Следует заметить, что выход других стран из ЕС неприемлем как для руководства Франции, так и Германии, поскольку во многом благодаря усилиям этих стран состоялось данное интеграционное объединение. Они стояли у истоков ЕС и совместно прошли все стадии интеграционного процесса – от Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) до зоны евро. Во Франции и Германии с разной степенью эффективности, но функционирует модель социально-ориентированной рыночной экономики, и хотя она в последнее время переживает кризис, но, тем не менее, в ее сохранении заинтересованы все политические силы. Для Франции членство в ЕС, помимо всего прочего, означает то, что ее разногласия с Германией никогда не перейдут «красную черту», то есть не станут поводом для войны, как это неоднократно происходило в прошлом. Кроме того, эти страны в разной степени, но придерживаются осторожной позиции по отношению к новым членам ЕС из Центральной и Восточной Европы. Будучи основными донорами в Евросоюзе, они достаточно негативно относятся к политике США по отношению к данным государствам, которые фактически являются их марионетками. В свою очередь, новые государства–члены ЕС опасаются, что реализация концепции «Европы разных скоростей» во главе с Францией и Германией может привести к тому, что их интересы будут просто игнорироваться. «Страны Восточной Европы уже испытывают давление со стороны Брюсселя и франко-германской пары по вопросам социального демпинга, имея в виду рабочих-мигрантов из восточноевропейских стран ЕС и

соблюдение квот на прием мигрантов из Восточного и Южного Средиземноморья».
[5]

2. Соглашение о сотрудничестве и интеграции между Германией и Францией.

Стремление укрепить франко-германское сотрудничество в рамках ЕС в условиях мирового экономического кризиса выразилось в том, что 22 января 2019 г. в немецком г. Ахене федеральный канцлер Германии А. Меркель и президент Франции Э. Макрон заключили соглашение о сотрудничестве и интеграции между двумя странами. Он дополняет Елисейский договор 1963 г., подписанный Ш. де Голлем и К. Аденауэром, который закрепил послевоенное примирение между Парижем и Берлином. Как указывает МИД Франции, «это сближение свидетельствует о стремлении обеих стран действовать согласованно на международной арене и работать над укреплением сплоченности ЕС...В договоре, символично подписанном в столице Карла Великого, подробно представлены основные направления развития франко-германских отношений. Таким образом, оба правительства желают содействовать гармонизации их экономического, налогового и социального законодательства в рамках Экономического и валютного союза». Через год после его подписания, то есть 22 января 2020 г., Ахенский договор вступил в силу. [8]

В какой степени эти «благие пожелания» будут претворены в действительность – большой вопрос, поскольку пандемия коронавируса выявила достаточно большой спектр накопившихся проблем в двустороннем сотрудничестве этих стран, в том числе экономическом. Так, Германия является основным торговым партнером Франции и, в первую очередь, ее крупнейшим покупателем (экспорт в размере 68,6 млрд евро в 2017 г.), а также главным поставщиком (импорт в размере 85,8 млрд евро в 2017 г.). Вместе с тем, по данным немецкого Федерального статистического управления (Destatis), Франция в 2015 г. уступила США первое место среди торговых партнеров Германии, а в следующем 2016 г. – Китаю. В 2017 г. она опустилась на четвертое место во внешней торговле ФРГ (доля в товарообороте – 7,3 %), то есть после Китая (8,1 %), Нидерландов (7,7 %) и США (7,5 %).

В целом значение двусторонней торговли для Парижа существенно выше чем для Берлина: товарооборот с Германией в 2019 г. составлял 14,5 % от общего объема торговли Франции, то есть в два раза больше доли других торговых партнеров ФРГ. [28] Асимметричность торговых отношений этих двух стран свидетельствует о том, что в этой сфере Германия менее зависима от Франции.

Ситуация мало изменилась и в 2020 г. и не в лучшую для Франции сторону, за одним исключением – ей удалось снизить уровень безработицы с 9,3 % в 2017 г. до 7,3 % в 2020 г. В Германии этот показатель остался на прежнем уровне – 3,7 %.

Таблица 1.
Основные социально-экономические показатели Франции и Германии в 2020 г. (по отдельным пунктам, указанным в таблице, 2019 и 2021 гг.)

Показатели/страна	Франция	Германия
Население (млн. чел)	67.439.599	83.155.031
Количество мигрантов (млн. чел.)	2019 – 8.334.875	2019 – 13.132.146
Продолжительность жизни (годы)	82,3	81,1
ВВП (млрд евро)	2.302.860	3.367.560
ВВП на душу населения	33.960	40.490
Государственный долг (в стоимостном выражении млрд евро и доле от ВВП)	2.650.116 (115,7%)	2.325.463 (69,8%)
Дефицит госбюджета (в стоимостном выражении млрд евро и доле от ВВП)	-211.469 (9,2 %)	-139.616 (4,2 %)
Государственные расходы (млрд евро)	1.422.917,0	1.702.572,0
Расходы на оборону (в стоимостном выражении в млрд евро и доле в гос. бюджете)	2019 г. – 45.272,2 (3,34 %)	2019 г. – 44.130,6 (2,83 %)
Расходы на здравоохранение (в стоимостном выражении в млрд евро и доле в гос. бюджете)	225.627,4 (15,47 %)	355.385,0 (19,88 %)
Уровень безработицы	Июнь 2021 – 7,3 %	Июнь 2021 – 3,7 %
Средняя заработная плата за год (тыс. евро)	38.188	52.104
Экспорт (в стоимостном выражении в млрд евро и доле от ВВП)	426.994,2 (18,54%)	1.207.544,9 (35.86%)
Импорт (в стоимостном выражении в млрд евро и доле от ВВП)	509.629 (22,13%)	1.024.335,1 (30,42)
Внешнеторговое сальдо (в стоимостном выражении в млрд евро и доле от ВВП)	-82.635,5 (-3,59%)	+183.209,8 (5,44 %)
Место в рейтинге конкурентоспособности ВЭФ среди 141 исследованной страны)	2019 – 15	2019 – 7
Количество смертей от COVID 19 (тыс. чел.)	Август 2021 – 113.376	Август 2021 – 91.963

Источник: [13]

Как следует из таблицы 1, пандемия коронавируса отразилась на Франции в большей степени, чем на Германии. При этом ситуация в немецкой экономике существенно лучше, чем во французской: ВВП Германии значительно превышает

аналогичный показатель в соседней стране: она имеет положительное внешнеторговое сальдо; уровень безработицы намного ниже; государственный долг меньше и т.д.).

3. Влияние пандемии COVID-19 на экономику Германии и Франции и их двустороннее сотрудничество

МИД Франции подчеркивает, что национальные экономики двух стран «чрезвычайно взаимосвязаны и взаимодополняемы». Так, в ФРГ, по данным исследовательских институтов Франции, «находится 2737 французских предприятий (т.е. 30% французских филиалов, расположенных в зоне евро), на которых работает 363 тыс. человек и товарооборот которых, согласно данным Национального института статистики и экономических исследований (INSEE), составляет 147 млрд евро. Напротив, во Франции находится 3200 немецких предприятий, в работе которых занято 310 тыс. человек и товарооборот которых составляет 141 млрд евро».

[8]

Между тем, положение дел не столь позитивно, каким хотят его видеть официальные лица двух стран. По мнению известного французского политика и дипломата Р. Хуро, причины постепенного отставания французской экономики от немецкой следует искать в ошибках интеграционного строительства. По его мнению, следствием введения единой валюты евро («губительной», как он пишет, для его страны) стал растущий экономический дисбаланс между странами-членами ЕС, в том числе между Францией и Германией. По его оценкам, с 2000 по 2018 гг. в ФРГ промышленное производство выросло на 42 %, но одновременно сократилось на 3 % во Франции, на 15 % – в Италии и на 16 % – в Испании, хотя до возникновения валютного союза их развитие шло одинаковыми темпами. Он обращает внимание и на то обстоятельство, что Германия имеет положительное внешнеторговое сальдо, а Франция – отрицательное, и эта тенденция, по всей видимости, сохранится в будущем. Хуро полагает, что «немцы бросили в общий котел марку с заниженной стоимостью, что сократило цены их товаров в евро и сделало их чрезвычайно конкурентоспособными. Французы, в свою очередь, из-за тщеславия нашего руководства выложили переоцененный франк, что сделало наши товары более дорогими. На все это наложилась экономическая реформа канцлера Шредера, которая была проведена сразу же после перехода на евро и без каких-либо согласований: ее целью было еще больше снизить стоимость немецкой продукции по отношению к другим странам, чтобы тем самым обеспечить решительное преимущество Германии».

По расчетам Хуро, если бы Франция, после вступления в еврозону, демонстрировала бы такие же темпы экономического роста, как Германия (как это и было с 1950 по 2000 гг.), то ее промышленное производство возросло бы на 40 %. Единственным выходом из сложившейся ситуации для Парижа, по его мнению, является изменение валютного паритета двух стран, что, в свою очередь, подразумевает развал еврозоны, который, как он считает, «рано или поздно в любом случае произойдет».

Последствия экономической политики Пятой республики, по его оценке, крайне негативны: «Французские заводы закрываются, а фермеры кончают жизнь самоубийством. Сельское хозяйство долгое время экспортировало продукцию в Германию, однако оно теперь само стало импортером». Экономический дисбаланс, как считает Хуро, «можно было бы скомпенсировать активной политической волей», которая обеспечила бы эффективное использование объективных политических и экономических преимуществ страны. К ним он относит присутствие Франции в Африке, ее статус ядерной державы и обширную береговую черту, которая дает возможность беспрепятственного выхода к мировым торговым путям. Но руководство страны, по его мнению, их не использует, «а также проявляет угодливость по отношению к немецким партнерам». Поэтому в ЕС и во всем мире, пишет он, создается впечатление, что «Германия играет доминирующую роль и определяет курс, который затем представляется как общий».

Проблемы социально-экономического развития Франции, как указывает Хуро, в первую очередь обусловлены сокращением ее промышленного сектора. Он отмечает, что контроль над крупнейшими стратегическими предприятиями такими как «Альстом», «Некстер» и, быть может, «Наваль Групп» переходит в Германию и другие страны. «Эйрбас», как отмечает он, – «плод трудов поколений французских инженеров, сегодня совершенно неподконтролен Франции». По его мнению, подписанный в Ахене новый двусторонний договор лишь обострит перечисленные проблемы. Он полагает, что руководство страны пренебрегало национальными интересами, поддерживая «откровенно невыгодные» для Франции немецкие решения. К ним он относит, кроме вышперечисленных, миграционную политику А. Меркель и постепенный отказ от ядерной энергетики как главного преимущества Франции. Его вывод достаточно резкий в отношении руководства своей страны: «Немцам не стоит заблуждаться: германомания французской элиты объясняется в большинстве случаев не интересом к настоящей Германии, а презрением к французскому народу». [31]

Такое жесткое мнение в отношении двустороннего сотрудничества разделяют многие французские общественные и политические деятели, поскольку пандемия коронавируса только усугубила существующие проблемы, в первую очередь, в экспортно-ориентированных отраслях страны. По оценкам госсекретаря по туризму Франции Ж. Б. Лемуана, она явилась причиной того, что в 2020 г. доходы от туризма в стране снизились на 41 %, то есть упали до 89 млрд евро. По его оценке, «это 61 млрд евро упущенной выгоды для сектора». По данным государственного агентства Atout France, доходы от внутреннего туризма снизились на 29 млрд евро, то есть на 48 % по сравнению с прошлым годом, и на 32 млрд евро от иностранного (на 52 %). [7] Ожидается что такая тенденция в перспективе будет оказывать негативное влияние на эту сферу услуг, хотя Франция долгое время ввиду развитой туристической инфраструктуры, а также наличия памятников архитектуры мирового значения, была привлекательным местом отдыха для туристов из других стран. Доля этого сектора во французской экономике составляла в среднем около 10 % ВВП.

Естественно, что такая ситуация в туристическом секторе страны создала аналогичные проблемы и в других отраслях национальной экономики, хотя они,

следует заметить, во многом обусловлены и глобальными тенденциями. Так, по данным Международной ассоциации воздушного транспорта (IATA), мировые пассажирские авиаперевозки в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом упали на 66 %. Во Франции они снизились примерно на 70 % и, по экспертным оценкам, доковидные показатели будут восстановлены только к 2025 г., а возможно к 2026 или 2027 гг. Крупнейший национальный авиаперевозчик Air France находится под угрозой банкротства и, как считает министр экономики и финансов страны Б. Ле Мэр, правительство обязано поддерживать эту компанию, поскольку она является одной из гарантий государственного суверенитета Франции. Но и в Германии убытки крупнейшей немецкой компании Lufthansa в 2020 г. составили 6,73 млрд евро. [9] Значительные потери в том же году понес и французский железнодорожный концерн SNCF – они превысили 3 млрд евро в результате сокращения перевозок на 48 %. [15]

Политическая и экономическая ситуация во Франции осложняется еще и тем, что жесткая позиция центральной власти по введению так называемого санитарного пропуска, разрешающего только его обладателю посещать общественные места, вызвала массовые протесты по всей стране. Они начались сразу после объявления данного решения Э. Макроном 12 июля 2021 г. Дополнительно он обязал вакцинироваться всех сотрудников сферы здравоохранения и ряда других профессий. [14]

Соответственно, многие французы, также как и другие европейцы, в том числе жители Германии, обвинили правительства своих стран в использовании пандемии в качестве предлога для отмены основных гражданских свобод. Во Франции массовые протесты прошли также и после принятия в ноябре 2020 г. Закона о всеобщей безопасности, который запрещает фото- и видеосъемку, если она раскрывает личность полицейского. Это позволяет силовым структурам, с точки зрения многих французов, использовать жестокие методы борьбы с демонстрациями, «включая слезоточивый газ и дубинки». [19]

Растущий дефицит бюджета и государственного долга также не добавляет оптимизма во французское общество. Так, ВВП страны в 2020 г. сократился на 8,3 %, что является наихудшим результатом после Второй мировой войны. [16] Преодолеть этот спад, согласно прогнозам Банка Франции, удастся не ранее середины 2022 г. При этом, по мнению датского инвестиционного банка Saxo Bank, несмотря на пакет антикризисных мер льготную схему кредитования экономики, в рамках которой государство предоставило компаниям гарантии в размере до 90% от суммы кредитов, Франция не сможет избежать волны банкротств, особенно в секторе услуг. Учитывая состояние государственных финансов, датские эксперты полагают, что у Парижа нет иного выбора, кроме как «пойти на поклон к Германии, чтобы европейский Центробанк напечатал достаточно евро и предотвратил системный коллапс банковской системы Франции». [32]

Аналогичную позицию занимает исследовательская группа инвестиционного банка США JP Morgan. В начале 2021 г. она отмечала, что крупнейшие из французских банков – BNP Paribas, SocGen, Natixis и Credit Agricole – «столкнутся с особенно тяжелыми испытаниями из-за большого объема операций с производными финансовыми инструментами (деривативами)». [2] Вместе с тем, некоторым

положительным результатом пандемии можно считать тот факт, что, по данным Банка Франции, французы за прошлый год к апрелю 2021 г. сэкономили 142 млрд евро. По его оценкам, резко возросли частные вклады, достигнув «невиданных уровней», что связано с сокращением уровня потребления, а также и с желанием французов обезопасить себя в будущем ввиду нарастающего кризиса в здравоохранении и экономике. Банк Франции отмечает, что «непогашенные депозиты до востребования выросли более чем на 100 млрд евро, с конца 2019 г. увеличившись на 20%». [17]

Что касается Германии, то в 2020 г. ее ВВП вследствие ограничительных мер, связанных с пандемией коронавируса, закрытия границ и связанной с этим нестабильностью в глобальных и региональных цепочках поставок, сократился на 5 % по сравнению с 2019 г. По мнению директора исследовательского Центра экономики и роста в Институте мировой экономики г. Киля С. Кутса, экономический рост в стране обеспечивается в основном промышленностью, но и то во многом благодаря увеличению спроса со стороны Китая. В 2021 г. он прогнозирует рост ВВП страны на 3,1 % по сравнению с прошлым годом, а Институт экономических исследований имени Лейбница в г. Эссене ожидает его увеличения на 4,9 %. По оценкам федерального правительства, этот показатель возрастет на 4,4 % в 2021 г. Для преодоления последствий пандемии, по информации федерального министра экономики П. Альтмайера, правительство Германии в 2020 г. выделило финансовые средства в размере 130 млрд евро. [33]

Во Франции, учитывая необходимость принятия экстренных мер в социально-экономической сфере, ее правительством был принят План экономического возрождения страны на 2020–2022 гг. В соответствие с ним стимулирование экономики, предусматривающее выделение финансовых средств в объеме 100 млрд евро, является одним из самых крупных в ЕС. По абсолютному значению он занимает второе место в ЕС, уступая аналогичному показателю Германии в 130 млрд евро. [29] У некоторых французских аналитиков наблюдается критическое отношение к данному плану правительства, и они предупреждают, что он «может оказаться менее амбициозным, чем было объявлено. [21]

Вместе с тем, как несомненный успех, многие эксперты отмечают тот факт, что 19 мая 2020 г. Э. Макрон и А. Меркель поддержали инициативу ЕС о выпуске облигаций на сумму 500 млрд евро для восстановления экономики союза. [34] В сущности было принято решение об общеевропейском внешнем займе, который будет направлен на помощь наиболее пострадавшим от пандемии коронавируса странам, и который в последующем будет выплачен из бюджета ЕС.

4. Сотрудничество Германии, Франции и России в энергетической сфере.

Социально-экономическая ситуация в этих двух странах значительно ухудшилась и по другим причинам, в первую очередь, из-за роста цен на газ. Так, во Франции в начале августа 2021 г. «три миллиона семей, получающие по регулируемому тарифу газ Engie, были неприятно удивлены, узнав, что их счета выросли в среднем на 5,3 %. И это после роста на 9,96 % в июле и 4,4 % в июне». Прогнозируется, что дальнейший рост цен затронет в общей сложности 10,7 млн

французских семей. Эта ситуация для Парижа, как отмечают многие аналитики, «очень болезненная в политическом плане, как и все, что связано с ценами на энергоносители и топливо». Но цена на газ выросла во всем Евросоюзе и летом 2021 г. она поднялась «до невиданных ранее уровней» – увеличилась почти в 3 раза по сравнению средней ценой за прошедшие пять лет. Кроме того, длинная и холодная зима в Европе в 2020–2021 гг., а также сокращение производства ядерной энергии, вынудило страны–члены ЕС задействовать подземные запасы газа для удовлетворения текущих потребностей. В настоящее время подземные хранилища газа в ЕС находятся на самом низком уровне, и необходимость быстро заполнить их до наступления зимы стимулирует значительный рост цен.

По мнению профессора Института политических исследований в Париже Т. Броса, Россия не может оказать существенную помощь Евросоюзу, поскольку для нее «газ – это еще и политическое оружие. Она намерена показать европейцам, что ввод в эксплуатацию "Северного потока – 2" является необходимостью». Он отмечает, что Германия заинтересована в том, чтобы его строительство было завершено как можно скорее, но мнение в ЕС по этому вопросу разделилось, «учитывая повышенный риск чрезмерной зависимости от российского газа». [25] По сути Брос просто повторил заявление Э. Макрона 28 августа 2020 г., в котором тот выразил опасение, что завершение данного проекта усилит позиции России в Европе. Как отмечает немецкий аналитик Кристина Лонгин, политика Франции в отношении России является зигзагообразной – «то сближение, то критика», но, вместе с тем она указывает, что в отношении газопровода Э. Макрон занял абсолютно четкую позицию. По ее оценке, которую разделяют многие европейские политики и эксперты, «выступая против "Северного потока – 2", Франция тем самым претендует на лидерство в ЕС. [18] По всей видимости, это произошло во многом под влиянием США, которым выгодно усиливать разногласия внутри ЕС.

Таким образом, политическая составляющая в этом сугубо экономическом проекте просматривается достаточно явно, в том числе и по отношению к России. В редакционной статье от 25 января 2021 г. влиятельной французской газеты *Le Monde* «Перед лицом России нужно остановить газопровод "Северный поток – 2"» указано, что министр иностранных дел Франции Ж. И. Ле Дриан, осудил «очень тревожный авторитарный дрейф» Москвы.

Перед этим Европейский парламент подавляющим большинством голосов рекомендовал немедленно остановить строительство газопровода. [22] Хотя Европарламент, как справедливо указывает обозреватель информационного агентства *Eurasia Daily* П. М. Македонцев, не обладает реальными законодательными и директивными функциями, «этот факт необходимо отметить как «вопиющий пример попытки ограничения суверенитета страны – участницы Евросоюза», которая является ведущей экономикой ЕС, а также одной из ведущих экономик мира!». Однако, как далее отмечает он, уже на следующий день министр иностранных дел Ж. И. Ле Дриан заявил следующее: «У нас есть дискуссия с немцами по "Северному потоку", но она в основном касается вопросов европейского энергетического суверенитета» [3]. Следовательно, можно констатировать, что в этой ситуации Германия дала понять Франции и всему ЕС, что отношение к России после

ареста А. Навального не повлияет на ее позицию в отношении строительства данного газопровода. Более того, немецкое руководство смогло достичь договоренности по данному вопросу с США, которые 19 мая 2021 г. отменили санкции против немецкой компании Nord Stream AG (дочерняя компания «Газпрома») и ее генерального директора М. Варнига. Как утверждают многие эксперты, администрация Дж. Байдена сделала это с целью «не поставить под угрозу отношения США с Германией». [26]

Результат этой борьбы вокруг «Северного потока – 2» со всей очевидностью выявил раскол внутри ЕС и высказываются предположения, что за это «в политическом плане Германия заплатит высокую цену». [24] Бывший министр иностранных дел Польши Р. Сикорский в интервью немецкому журналу *Wirtschafts Woche* подтвердил неприятие «Северного потока – 2» и заявил следующее: «Россия не воспринимается Германией как угроза, и значительная часть немцев надеется на союз с Россией против Соединенных Штатов...Германия ставит свои экономические интересы выше геополитических интересов Европы и других стран». [20]

Но, с другой стороны, японский эксперт Е. Камэяма отмечает, что внешняя политика ФРГ приобрела субъектность, примером чему является соглашение по «Северному потоку – 2». Немецкая сторона, по его мнению, буквально «вырвала эту победу» для себя. И это несмотря на то обстоятельство что на ее территории находятся американские войска. [1]

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно сделать вывод, что двусторонние отношения Франции и Германии в настоящее время проходят испытание на прочность. Необходимо учитывать, что, невзирая на вполне очевидную зависимость этих двух стран от США, динамика их отношений с Вашингтоном имеет противоположную направленность. Германия начинает все более жестко отстаивать свою независимость в экономических и, в определенных случаях, во внешнеполитических вопросах, а Франция постепенно продолжает сдавать свои позиции в этих вопросах. Вместе с тем, в статье сотрудника Университета международных отношений в г. Дакки (Бангладеш) А. И. Джишада, опубликованной на европейском новостном сайте *modern diplomacy.eu*, указано, что внутренняя политическая ситуация во Франции «ничем не отличается от ситуации в Германии». Миграционный кризис, как отмечено в этой статье, захлестнул обе страны и привел к тому, что во Франции и Германии появились ультраправые, популистские и расистские политики и движения, к которым он бесосновательно относит «Альтернативу для Германии» и «Национальный фронт» во Франции. Соответственно, считает аналитик, в этих странах в последнее время сформировалось общественное мнение против ЕС. [10] Но А. И. Джишад ничего не пишет о других проблемах развития Евросоюза, которые поставили под вопрос его дальнейшее существование, и которые, как несложно предположить, в длительной перспективе будут оказывать серьезное воздействие на отношения Франции и Германии.

В этой связи необходимо отметить, что критика в адрес Берлина и недовольство Германией во французских СМИ растет. Известный новостной журнал *Valuers Actuelles* в марте 2021 г. назвал соседнюю страну «тираном Европы» и обвинил ее в том, что она всегда ставила свои собственные интересы выше интересов ЕС. Кроме того, Германия была названа реальной движущей силой подписания в декабре 2021 г. соглашения между ЕС и Китаем, которое вызвало «обеспокоенность в Вашингтоне и одновременно широкую критику во Франции». [23]

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что в условиях роста глобальной и региональной нестабильности перспективы двусторонних отношений Франции и Германии представляются достаточно неопределенными и поэтому трудно прогнозируемыми. Несомненным является только тот факт, что они будут оказывать существенное влияние на внешнюю политику других стран, в том числе и России.

Список литературы

1. Ёдзи Камэяма. Yahoo News Japan (Япония): почему администрация Байдена согласилась на «Северный поток – 2»? [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210730/>.
2. Кувырко М. Экономика Франции превращается в «слабое звено» Запада. [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/world/2021/2/6/1083703.html>.
3. Македонцев П. Германия и Франция: битва за ЕС, или Когда в поделниках согласия нет. 2021.02.06. [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/02/06/>.
4. Поплавский А. «Европейская катастрофа»: Brexit встал между Парижем и Берлином. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/politics.shtml>.
5. Обичкина Е. Франция – Германия: проблемы европейского тандема. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics>.
6. Сизова К. «Оккупированная страна»: почему США оставили бомбы в Германии. В бундестаге заявили об «оккупации» Германии США. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2020/03/27/13024795.shtml>.
7. Туристическая отрасль Франции за год потеряла 61 млрд евро из-за пандемии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by>.
8. Франко-германское сотрудничество и интеграция: подписание Ахенского договора (22 января 2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/>.
9. Antoine Fraysse-Soulier. Sortie de crise: quelles perspectives pour le secteur aérien en Bourse? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tourmag.com.html>
10. Ashiq Iqbal Jishad. Election in Germany & France: Repercussions for future of the EU. [Электронный ресурс]. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2021/05/26/>.
11. Brexit. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/brexit>.
12. Deutschland ist ein besetztes, ein fremdbestimmtes Land! [Электронный ресурс]. URL: <https://marialourdesblog.com/>.
13. Comparez l'économie des pays: France vs Allemagne. [Электронный ресурс]. URL: <https://fr.countryeconomy.com/pays/comparer/france/allemande>.
14. Covid-19: des manifestations anti-pass sanitaire dans toute la France. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr>. 2021.07.14.
15. Covid: la SNCF annonce une perte nette de 3 milliards d'euros en 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.europe1.fr>
16. Covid-19: le PIB a chuté de 8,3 % en 2020, une récession historique. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lepoint.fr/economie.php>.
17. Covid-19: le surplus d'épargne des Français atteint 142 milliards d'euros. 2021.06.01. [Электронный ресурс]. URL: <https://fr.finance.yahoo.com>.
18. Christine Longin. Macrons Ambitionen. [Электронный ресурс]. URL: <https://taz.de/Frankreichs-Nein-zu-Nordstream-2/!5744918/>.

19. Deutschland, Frankreich und Großbritannien 2020: Massendemonstrationen gegen den autoritären Staat. 2021.01.01. [Электронный ресурс]. URL: <https://de.rt.com/meinung/111240-deutschland-frankreich-und-grossbritannien-im/>.
20. Ehemaliger polnischer Außenminister: Deutschland hofft auf ein Bündnis mit Russland gegen die USA. [Электронный ресурс]. URL: <https://de.news-front.info/2019/05/20/>.
21. Eléa Pommiers. Pourquoi le plan de relance en France ne sera pas vraiment de 100 milliards d'euros en 2021 et 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2020/10/20/html>.
22. Face à la Russie, il faut arrêter le gazoduc Nord Stream 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lemonde.fr/idees/article/2021/01/25.html>.
23. French Complain of Germany's 'Political Infidelity'. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifri.org>.
24. Gas pipeline Nord Stream 2 links Germany to Russia, but splits Europe. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cleanenergywire.org>.
25. Jean-Claude Bourbon. Énergie: le prix du gaz à un niveau record en Europe. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.la-croix.com/Economie/2021-08-18-1201171265>.
26. Julian Wettengel. Gas pipeline Nord Stream 2 links Germany to Russia, but splits Europe. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cleanenergywire.org>.
27. Laurent Herblay. «La crise du Covid ou le début de la fin de l'Union européenne?» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr/vox/societe>.
28. Les relations commerciales entre la France et l'Allemagne. 2020.12.10. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tresor.economie.gouv.fr>.
29. Maxime Bioso Duplan. "France-Relance": un plan de relance économique "post-Covid" pour la France. [Электронный ресурс]. URL: <https://fr.euronews.com>. 2020.09.02.
30. Pour Emmanuel Macron, l'Otan est en état de «mort cérébrale». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr>.
31. Roland Hureauux. Pourquoi le Traité d'Aix-La-Chapelle aggravera le déséquilibre entre la France et l'Allemagne. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atlantico.fr/article/decryptage>.
32. Saxo Bank представил «шокирующие предсказания» на 2021 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/740373>.
33. Svea Junge. Deutsche Wirtschaft dürfte sich 2021 erholen. 2021.01.14. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/>.
34. Ulrike Franke, Jana Puglierin. The big engine that might: How France and Germany can build a geopolitical Europe. [Электронный ресурс]. URL: <https://ecfr.eu/publication/>

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

УДК 339.97(470+571)-042.2

РОССИЯ В ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЙТИНГОВ

Селюнина В. С., Буценко И. Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация
e-mail: inecondep@mail.ru

В статье представлен аналитический обзор позиций России в геоэкономическом пространстве на основе обобщения и систематизации частных и интегральных показателей международных рейтингов. Полученные результаты позволили констатировать качественные успехи и ущерб в формировании конкурентных позиций России в условиях внутренних и международных ограничений, глобальных процессов в геоэкономическом пространстве.

Ключевые слова: Россия в геоэкономическом пространстве, конкурентоспособность национальной экономики, макроэкономические показатели, показатели участия в международной торговле, частные и интегральные показатели международных рейтингов, сравнительная оценка развития и функционирования социально-экономической системы.

ВВЕДЕНИЕ

В современном геоэкономическом пространстве многие страны стремятся к достижению устойчивого конкурентного преимущества, используя максимально свои территориальные, социально-экономические, культурные и стратегические ресурсы. При этом характер конкуренции между государствами постоянно претерпевает качественные изменения. В последние годы многие страны мира столкнулись с экономическими последствиями внутренних и международных ограничений, глобальных процессов в геоэкономическом пространстве. Россия является не исключением, а примером национальной экономики, ощутившей негативное влияние данных процессов на фундаментальные факторы экономического роста. Актуальным в данном вопросе является проведение сравнительной оценки развития и функционирования социально-экономической системы России через призму частных и интегральных показателей международных рейтингов в динамике, что позволит констатировать качественные успехи или ущерб в формировании конкурентных позиций в геоэкономическом пространстве для выстраивания конструктивных отношений с ее участниками.

Исследованию позиций России в мировой экономике через систему частных и интегральных показателей международных рейтингов посвящены труды: Илясовой Ю.В., Жидовой О.Е. [2], Касаткина С.Е. [3], Курнышевой И.Р. [4], Лучко М.Л. [5], Мутовкиной А.Е. [9], Серовой Н.А. [17]. Отдельного внимания заслуживают научные работы, представляющие разные подходы к оценке участия России в геоэкономическом сотрудничестве, среди них: Асланова Л.О., Батова Б.З. [1]; Матушкина Ю.Н., Загородских В.В., Косолапов Е.В. [6]; Оболенский В.П. [10]; Печаткин В.В., Малышев Т.А. [14]; Шитов В., Загребельная Н. [19].

Однако факторы, определяющие геоэкономическое позиционирование стран в условиях роста нестабильности мирохозяйственных процессов, требуют постоянного

мониторинга и анализа. Актуальность проблематики определяет цель статьи – на основе обобщения и систематизации частных и интегральных показателей международных рейтингов выделить позиции России в геоэкономическом пространстве, определить основные положительные и отрицательные тенденции в их изменении в условиях внутренних и международных ограничений глобальных процессов.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Экономический потенциал России в сравнении с другими странами мира выделяется за счет ряда специфических преимуществ и возможностей для его реализации в геоэкономическом пространстве. Среди основных компонентов экономического потенциала выделим географическую составляющую, которая однозначно является конкурентным преимуществом России в мировой экономике. Россия занимает 1,9 % всей суши, через ее территорию проходят воздушные, сухопутные, морские маршруты. По размеру территории Россия занимает первое место в мире (таблица 1). Географическое расположение страны позволяет играть связующую роль между Европой и Азией.

В дополнение к географической составляющей фундаментальными для формирования конкурентоспособности России в геоэкономическом пространстве являются ресурсный и человеческий потенциал. По численности населения Россия входит в десятку крупнейших государств с показателем более 144 млн. человек или 2 % от населения Земли и 2,2 % мировых трудовых ресурсов [12;27]. В динамике по численности населения в России с 2009 г. по 2017 г. отмечен стабильный рост, затем тренд изменился [18]. Сокращение численности населения России в 2020 г. поставило рекорд за последние 15 лет. Несмотря на данную динамику, Россия занимает 9 место по численности населения в мире, находясь между Бангладешем и Мексикой. Перечислим главные факторы, формирующие тренды демографической динамики в России: «структурные изменения в возрастном составе, связанные с уменьшением численности населения в активных репродуктивных возрастах и увеличением численности лиц в старших возрастах; доковидные изменения в интенсивности демографических процессов за счет роста продолжительности жизни населения и притока мигрантов; процесс депопуляции, обусловленный пандемией»[16].

Среди ключевых показателей развития и возможностей экономического потенциала России в геоэкономическом пространстве, по результатам которых формируются позиции национальной экономики, выделим ВВП и ВВП на душу населения. По сравнению с зарубежными странами, ВВП России на основе паритетов покупательной способности валют (по данным Международного валютного фонда и национальных статистических служб) в 2020 г. после существенного сокращения восстановился и увеличился, что позволило стране вернуться на позиции 2013 г. – 5 место (прирост составил 10,5 %). Отмечается тенденция постепенного восстановления позиции России в мировом ВВП. Основными конкурентами России в борьбе за позиции по данному показателю являются: Корея, Канада, Италия, Франция, Индия, Великобритания, Германия, Китай, США.

РОССИЯ В ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ...

По уровню номинального ВВП за период 2013 г. – 2020 г. Россия занимает 8–12 место в мире, разделяя данные позиции между Канадой – 1643,4 млрд долл. США, Республикой Корея – 1630,5 млрд долл. США, Бразилией – 1444,7 млрд долл. США, Австралией – 1330,9 млрд долл. США и Испанией – 1281,2 млрд долл. США.

В 2016 г. Россия в рейтинге стран по объему ВВП на душу населения опустилась на 24 позиции с 64 места в 2013 г. (15,9 долл. США на душу населения) на 88 место. В 2020 г. тренд изменился в положительную сторону, позиция России – 56 место, занимаемое между Болгарией и Малайзией. Согласно классификации Всемирного банка [27] и полученному результату, Россия относится к странам с уровнем доходов выше среднего ВВП на душу населения.

Таблица 1

Ключевые экономические показатели развития и участия России в мировой экономике

Показатели	Величина (объем)/место (позиция)		
	2013 г.	2016 г.	2020 г.
Территория, км ²	17 125 191,00 (1-е место в мире)		
Население, млн. чел.	143,51 (9-е место)	144,34 (9-е место)	144,10 (9-е место)
ВВП, млрд долл. США	2 292,47 (8-е место)	1 276,79 (12-е место)	1 483,50 (11-е место)
Доля в мировой экономике, %	2,96 (8-е место)	1,67 (12-е место)	1,75 (11-е место)
ВВП по ППС, млрд долл. США	3 741,78 (5-е место)	3 538,98 (6-е место)	4 133,08 (5-е место)
ВВП на душу населения, тыс. долл. США	15,97 (64-е место)	8,7 (88-е место)	10,13 (56-е место)
Инфляция, %	6,75 (33-е место)	7,04 (29-е место)	3,38 (42-е место)
Безработица, %	5,46 (112-е место)	5,56 (105-е место)	5,73 (111-е место)
Международные резервы, млрд. долл. США	509,69 (5-е место)	377,05 (7-е место)	596,77 (5-е место)
Экспорт товаров, млрд долл. США	521,84 (8-е место)	281,71 (16-е место)	332,23 (15-е место)
Импорт товаров, млрд долл. США	341,27 (15-е место)	191,49 (21-е место)	240,38 (19-е место)
Экспорт услуг, млрд долл. США	70,12 (21-е место)	50,64 (24-е место)	46,89 (24-е место)
Импорт услуг, млрд долл. США	128,38 (9-е место)	74,6 (16-е место)	64,3 (18-е место)
Приток инвестиции, млрд долл. США	69,22 (8-е место)	32,54 (22-е место)	8,66 (79-е место)
Отток инвестиции, млрд долл. США	86,51 (6-е место)	22,31 (19-е место)	5,3 (19-е место)

Источник: составлено на основе [12,27]

Инфляция и безработица являются постоянными проблемами развития

национальных экономик мира. В России динамика уровня инфляции на протяжении 2013–2020 гг. крайне нестабильная. Пиком инфляции в стране стал 2015 г. с рекордным значением за весь рассматриваемый период 15,5 %. В 2020 г. уровень инфляции в России можно соотнести с уровнем следующих стран: Гондурас (3,47 %), Саудовская Аравия (3,45 %), Мексика (3,4 %), Польша (3,37 %), Венгрия (3,33 %), Танзания (3,29 %).

Безработица в России, как и в других странах мира, является противоречивым макроэкономическим явлением. Уровень безработицы в России за анализируемый период в среднем составляет 5,6% с диапазоном позиций в рейтинге 105-112 место. Данное значение показателя можно соотнести с уровнем следующих стран: Гондурас (5,53 %), Люксембург (5,52 %), Австрия (5,5 %), Гуам (5,49 %), Индия (5,41 %), Зимбабве (5,15 %), Буркина Фасо (5,13 %), Азербайджан (5,0 %). В 2020 г. отмечен рост уровня безработицы не только в России. Практически все страны мира столкнулись с пандемией коронавируса и связанными с ней ограничениями.

В 2020 г. Россия заняла 15 место в рейтинге мировых экспортёров товаров и 24 место в мировом экспорте услуг (таблица 1). В сравнении с 2013 г. Россия существенно снизила позиции в экспорте товаров (8 место). Темп роста по объёмам участия стран в экспорте и импорте в стоимостном выражении характеризуется трендом понижения активности в 2016 г. по сравнению с 2013 г. На изменение позиций России в мировой торговле повлияло существенное снижение цен на энергоносители и введение против России торгово-политических санкций. При этом изменение в позиционировании стран мира в рейтинге мировой торговли до 2020 г. происходит на общем фоне замедления роста мировой торговли, затем с 2020 г. процессы замедления роста только усилились за счет распространения коронавируса.

Россия выступает нетто-экспортером на мировом рынке товаров и нетто-импортером на мировом рынке услуг. Активность участия и лидерства России в экспорте товаров над услугами обеспечивает природно-ресурсная база. На протяжении многих лет Россия доминирует в мировом экспорте нефтепродуктов, газа природного, пшеницы. При этом активно находится в поисках своих экспортных ниш в мировой торговле услугами. Введение ответных санкций, ограничение сотрудничества и меры по импортозамещению существенно отразились на объемах импорта товаров и услуг в Россию.

Объемы экспорта и импорта товаров и услуг находится в тесной взаимозависимости с трансграничным перемещением капитала. Изменение в объемах и структуре инвестиций оказали влияние на состояние внешней торговли и внешнеэкономических связей России в целом. Сокращение объемов притока и оттока инвестиций в 2016 г. – результат санкционных ограничений, повлекших снижение активности инвесторов. Последовавшая за этим пандемия коронавируса в совокупности с ограничениями, вводимыми рядом государств в международных взаимодействиях, стала причиной повторного резкого сокращения в объемах притока и оттока инвестиций.

С учетом постоянно возникающих внутренних и внешних проблем в национальных экономиках мира, возник особый интерес экспертов международных организаций к величине международных резервов, как инструменту поддержки

экономической стабильности в стране. По величине международных резервов Россия в 2020 г. находится на 5 месте между следующими странами: Китаем (3 357,24 млрд долл. США), Японией (1 390,8 млрд долл. США), Швейцарией (1 083,4 млрд долл. США), США (628,37 млрд долл. США), Индией (590,23 млрд долл. США), Гонконгом (491,78 млрд долл. США) и Саудовской Аравией (472,85 млрд долл. США).

Кроме экономических показателей, значимость государства в геоэкономическом пространстве определяется уровнем его глобальной конкурентоспособности. Позиции России в ключевых международных рейтингах конкурентоспособности ведущих мировых организаций обобщены в таблице 2. В рейтингах, основанных на расчетах IMD, позиции России за представленный период находятся в диапазоне 38–50 места. Динамика неравнозначная, основными преимуществами остаются экономические показатели (иностранные инвестиции, занятость, внутренняя экономика). Слабые стороны в основном представлены показателями эффективности правительства (институциональная среда, законодательство в сфере бизнеса, общественная среда), эффективности бизнеса (производительность и эффективность, управленческая практика, отношения и ценности) и инфраструктуры (здравоохранение и окружающая среда).

Таблица 2

Глобальная конкурентоспособность России в международных рейтингах

Рейтинг / индекс	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Рейтинг глобальной конкурентоспособности (IMD)	42	38	45	44	46	45	45	50
Глобальный рейтинг конкурентоспособности стран в цифровой среде (IMD)	46	42	41	40	42	40	38	43
Индекс глобальной конкурентоспособности (WEF)	64	53	45	43	38	43	43	–
Индекс конкурентоспособности в сфере путешествий и туризма (WEF)	63	–	45	–	43	–	39	–

Примечание: «–» – данные отсутствуют
Источник: составлено на основе [28;33]

В качестве положительной динамики отметим, Россия существенно активизировала применение цифровых и информационных технологий, использование больших данных в сфере общественных услуг и деятельности компаний, что позволило укрепить свои позиции по эффективности бизнеса и качеству инфраструктуры.

В рейтингах, подготовленных на основе индексов WEF, позиции России укрепились в сравнении с данными IMD: индекс глобальной конкурентоспособности от 64 позиции в 2013 г. до 43 места в 2019 г. (рост на 21 позицию за 7 лет); в индексе конкурентоспособности в сфере путешествий и туризма очевидна динамика изменения позиций России (63 место в 2013 г. до 39 места в 2019 г. – рост на 24 позиции за 7 лет).

Возможности и дальнейшие перспективы расширения участия России в геоэкономическом пространстве находятся в прямой зависимости от уровня открытости экономики (таблица 3). Величина экспортной квоты России находится на среднемировом уровне (Франция – 28,04 %, Великобритания – 27,37 %, Молдова – 27,26 %, Саудовская Аравия – 26,34 %, Узбекистан – 26,31 %, Сальвадор – 25,53 %, Уругвай – 25,37 %, Австралия – 23,92 %). Импортная квота государства примерно в 1,3–3,3 раза меньше, чем в развитых и развивающихся странах и на одном уровне с такими странами, как Иран (21,12 %), Перу (21,1 %), Уругвай (21 %), Египет (20,77 %), Эквадор (20,75 %), Кения (20,16 %), Австралия (20,06 %).

Таблица 3

Показатели уровня открытости экономики России

Показатели	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Отношение внешнеторгового оборота, % к ВВП	46,3	48,1	49,5	46,9	46,9	51,0	49,1	46,5
Экспортная квота, %	25,8	27,3	28,8	26	26,1	30,5	28,3	25,8
Импортная квота, %	20,5	20,8	20,7	20,8	20,8	20,6	20,8	20,7
Отношение внешнего долга к ВВП, %	29,2	26,7	34,3	41,8	32,9	27,3	28,9	31,8
Доля объема иностранных инвестиций в ВВП, %	3,02	1,07	0,5	2,55	1,81	0,53	1,89	0,58
Доля в общемировом экспорте, %	2,80	2,66	2,10	1,79	2,02	2,30	2,24	1,92
Доля в общемировом внешнеторговом обороте, %	2,35	2,18	1,66	1,52	1,71	1,81	1,81	1,67
Отношение национального ВВП к мировому ВВП, %	2,97	2,59	1,81	1,67	1,94	1,93	1,94	1,75

Источник: составлено и рассчитано на основе [27]

Доля участия России в общемировом внешнеторговом обороте сформирована за счет экспортных операций. С 2013 г. по 2016 г. и с 2018 г. по 2020 г. произошло снижение удельного веса показателей России в мировом экспорте и внешнеторговом обороте. В целом за рассматриваемый период произошло снижение на 0,88 п.п. и 0,68 п.п. соответственно по данным показателям. Доля ВВП России в общемировом ВВП также сократилась: от 2,97 % в 2013 г. до 1,75 % в 2020 г. Полученные результаты – это следствие изменения инструментов внешнеэкономической политики России: ограничения для стимулирования экспорта и замедления потоков импорта; санкционное противодействие, ограничение туристического потока и поддержка экономики от последствий пандемии COVID-19. В целом состояние показателей, оценивающих уровень вовлеченности страны в мировую торговлю, можно охарактеризовать как приемлемое. Уровень открытости экономики России можно считать удовлетворительным.

Дальнейшее успешное интегрирование в геоэкономическое пространство связано с институциональным, инновационным, технико-технологическим развитием страны. В таблице 4 обобщены позиции России в международных

РОССИЯ В ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ...

индексах экономического, институционального, технологического развития. В последние годы положительная динамика изменения позиций отмечена по следующим рейтингам:

1. В 2020 г. Россия повысила свой ранг на 84 позиции с 2013 г. в рейтинге по показателю благоприятствования ведению бизнеса («Doing Business»). Среди реформ, повлиявших на благоприятное изменение ранга России в рейтинге, выделим: «ускорение подключения коммунальных предприятий к электроэнергии благодаря новым срокам и созданию специализированных отделов для выполнения работ по подключению; усиление защиты миноритарных инвесторов посредством предоставления большей корпоративной прозрачности; упрощение уплаты налогов за счет сокращения периода проверки налоговыми органами заявок налогоплательщиков о возврате денежных средств по НДС; совершенствование программного обеспечения ИС, используемого для составления налогов и расчета заработной платы; разрешение неплатежеспособности, получение разрешений на строительство, упрощение процедуры по открытию бизнеса»[21]. Низкие позиции в разрезе показателей рейтинга «Doing Business» в 2020 г. Россия занимает по «международной торговле (99 место), защите миноритарных инвесторов (72 место), уплате налогов (58 место) и разрешению неплатежеспособности (57 место)»[21].

Таблица 4

Позиции России в международных индексах экономического, институционального, технологического развития

Рейтинг/ индекс	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
«Ведение бизнеса» («Doing Business»)	112	92	62	51	40	35	31	28
Индекс процветания стран мира	85	84	78	83	85	80	75	76
Индекс хороших стран	–	95	–	72	65	41	47	–
Индекс продовольственной безопасности	40	40	43	48	41	42	42	24
Глобальный индекс инноваций	62	49	48	43	45	46	46	47
Индекс восприятия коррупции	127	136	119	131	135	138	137	129
Индекс экономической свободы	139	140	143	153	114	107	98	92

Примечание: «–» – данные отсутствуют

Источник: составлено на основе [20-21;23;25;29,31]

2. В рейтинге «Индекс процветания стран мира» позиции России за последние 8 лет находятся в диапазоне 75-85 места. В 2020 г. по сравнению с 2013 г. динамика положительная с разницей в 9 позиций. Россия опередила по значению индекса следующие страны: Босния и Герцеговина (77 место), Азербайджан (78 место), Молдова (80 место), ЮАР (87 место), Турция (94 место), Индия (101 место). Достаточно высокие позиции Россия занимает по значениям: «образование (21 место), экономическое качество (43 место), жилищные условия (58 место), доступ к рынку и инфраструктуре (61 место)»[31].

3. Россия повысила свой уровень на 48 рейтинговых позиций в рейтинге «Индекс хороших стран», заняв позицию между Израилем (45 место), Грецией (46 место),

Республикой Маврикий (48 место) и Сербией (49 место). Среди основных преимуществ России эксперты выделяют: «процветание и равенство (30 место), наука и технологии (31 место), здоровье и благополучие (38 место), международный мир и безопасность (66 место)»[34].

4. Согласно данным рейтинга «Индекс продовольственной безопасности» Россия занимает 24 место в 2020 г. с высокой оценкой по субиндексам: «уровень доступности и потребления продуктов питания – 20 место, натуральные продовольственные ресурсы – 27 место, уровень качества и безопасности продуктов питания – 30 место, наличие и достаточность продуктов питания – 34 место»[6]. В числе сильных сторон России отмечаются: «программы продовольственной безопасности, доступ к рынкам и финансовые услуги в сфере сельского хозяйства; доля населения, живущего за глобальной чертой бедности; качество белка, безопасность продуктов питания, доступность микроэлементов, потеря продуктов питания, достаточность предложения, изменение средних затрат на питание, тарифы на импорт сельскохозяйственной продукции». Слабые стороны, в первую очередь, связаны с высоким уровнем импортозависимости сельскохозяйственного производства в сочетании с обострением санкционных противоречий [6].

5. Итоги позиций России в рейтинге «Глобальный индекс инноваций» 2020 г. в сравнении с 2013 г. значительно выше (на 15 пунктов). Сильными составляющими позиции России являются: «человеческий капитал и исследования – 30 место, развитие бизнеса – 42 место, развитие технологий и экономики знаний – 50 место, развитие внутреннего рынка – 55 место, инфраструктура и результаты творческой деятельности – 60 места, институциональная среда – 71 место»[25]. Слабые составляющие – институциональная среда: качество нормативного регулирования, верховенство закона и эффективность государственного управления.

6. Позиционирование России в рейтинге «Индекс экономической свободы» нельзя назвать стабильным. Результат 2020 г. можно считать лучшим в сравнении с предыдущими периодами. Базовые составляющие положительного изменения позиции в рейтинге: «честность правительства, налоговая нагрузка, государственные расходы, финансовое здоровье, свобода ведения бизнеса и трудовой деятельности»[29]. Позицию в данном рейтинге Россия разделяет между следующими странами в 2020 г.: Вьетнам (90 место), Кот-д'Ивуар (91 место), Танзания (93 место), Сальвадор (94 место). В 2013 г. Россия занимала позицию между Гвинея (137 место), Гвинея-Бисау (138 место), Вьетнам (140 место), Непал (141 место).

Среди обобщённых результатов рейтингов в таблице 4, проблемными можно назвать результаты в рейтинге «Индекс восприятия коррупции». Согласно данным рейтинга, на протяжении длительного периода Россию относят к группе стран с высоким уровнем коррупции. За рассматриваемый период диапазон позиций России в рейтинге – от 119 до 138 места, что крайне отрицательно сказывается на инвестиционной привлекательности страны. В 2020 г. Россия находится на 129 месте, разделяя его с Габон, Малави, Азербайджаном, Мали. На 124 месте находится Кения, а на 134 – Того [20].

Позиции России в международных индексах, отражающих социально-

демографическое развитие государств представлены в таблице 5. Тренд индекса человеческого развития (оцениваемого по ожидаемой продолжительности жизни, образованию и валовому национальному доходу) варьируется от 48 до 52 позиции. Наиболее значимыми составляющими данного индекса являются: ожидаемая (15 лет) и средняя (12,2 года) продолжительность обучения. Слабые стороны: ожидаемая продолжительность жизни при рождении (72,6 года) и валовой национальный доход на душу населения (26,157 долл. США). Позиции в данном рейтинге Россия на протяжении последних лет разделяет между следующими странами: Черногория, Румыния, Палау, Казахстан, Беларусь, Турция, Уругвай, Болгария.

Таблица 5

Позиции России в международных индексах уровня и качества жизни, общественной безопасности

Индекс	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Индекс человеческого развития	50	48	49	49	49	49	52	–
Индекс качества жизни	64	72	51	61	51	59	67	67
Индекс социального прогресса	–	80	71	75	67	60	62	69
Глобальный индекс миролюбия	155	154	155	152	152	153	154	154
Глобальный индекс терроризма	11	23	31	33	34	37	39	–

Примечание: «–» – данные отсутствуют

Источник: составлено на основе [24;26;32;35]

По индексу качества жизни (оцениваемому по здравоохранению, семейной и общественной жизни, материальному благополучию, политической стабильности и безопасности, климатическим условиям и географическому положению, уровню занятости, политическим и гражданским свободам, гендерному равенству) среди основных преимуществ России выделяют: соотношение цены собственности к доходу, индекс стоимости жизни, индекс покупательной способности, климатический индекс.

Одновременно укрепились позиции России в индексе социального прогресса (человеческие потребности, благополучие, возможности развития) на 11 пунктов до 69 места в 2020 г. Соответственно, социальная среда и качество жизни в России находятся на среднем уровне с относительно стабильной динамикой рейтинговых позиций.

Среди индексов общественной безопасности позиции России неоднозначные. В индексе миролюбия диапазон значений – 152–155 места из 163 стран, в индексе терроризма достаточно высокие позиции, но с тенденцией к постоянному сокращению – от 11 места в 2013 г. до 39 места в 2019 г.

Выделим еще один рейтинг – «Индекс привлекательности стран»[22]. Эксперты оценили и дали предварительные прогнозы результатов на будущее по привлекательности стран мира. В рамках данного рейтинга: уровень динамичности привлекательности России оценивается как низкий; уровень устойчивости привлекательности и ожидания роста привлекательности оцениваются как

критичные. В рейтинге Россия занимает позиции между Венгрией, Эстонией, Оманом и Словенией с Саудовской Аравией.

Составленные прогнозы дальнейшего развития и позиционирования экономики России в условиях глобальных процессов и кризиса, вызванного пандемией COVID-19, являются субъективными и сложными в сопоставлении. Например, согласно прогнозам международных организаций и институтов (МВФ [36], Всемирный банк [13], ОЭСР [30]), «экономика России существенно сократит динамику экономического роста по отдельным макроэкономическим показателям, прогнозируется рост уровня инфляции, падение цен на нефть, повышение процентных ставок, обострение долговых проблем»[36]. Кроме того, в «Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» Министерства экономического развития России выделяются доковидные структурные тенденции, обуславливающие последующее замедление роста мировой экономики: «увеличение долговой нагрузки как в развитых экономиках, так и в странах с формирующимися рынками; замедление роста производительности труда; рост глобального протекционизма, замедление глобализационных процессов и мировой торговли»[15]. При этом, Центральный банк России в контексте «Основных направлений единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 г. и период 2023 и 2024 гг.» дает более оптимистичный прогноз, выделяя базовый сценарий и три альтернативных: «усиление пандемии, глобальная инфляция, финансовый кризис. В соответствии с базовым сценарием – темп прироста ВВП в 2021 г. составит 4,0–4,5 % и с 2022 г. стабилизируется на траектории сбалансированного роста в диапазоне 2–3 %»[11].

ВЫВОДЫ

Геоэкономическое положение России через призму международных рейтингов по-прежнему нельзя оценить однозначно. В большинстве случаев оценка в рейтингах носит субъективный характер, как результат использования только методик экспертных оценок; статистические данные используются в меньших масштабах. Результаты рейтингов по отдельным показателям (индекс восприятия коррупции, индекс экономической свободы, индекс хороших стран, индекс социального прогресса, глобальный индекс миролюбия) в определенной степени являются политизированными и идеализированными.

На основе количественных статистических показателей позиции России в геоэкономическом пространстве имеет более высокие оценки, чем индексы в рейтингах. Отмечено лидерство по площади территории государства и высокие позиции по численности населения. Позиционирование России среди стран–лидеров в разных сферах мировой экономики обеспечивается природно-сырьевой базой, невысокой стоимостью ресурсов, качеством системы образования и научно-техническим развитием. Емкий внутренний рынок также является важным конкурентным преимуществом России. Уровень открытости экономики оценивается как удовлетворительный.

Сопоставление изменения позиций России в геоэкономическом пространстве в динамике через призму отдельных индексов международных рейтингов экономического, институционального, технологического развития до 2020 г. позволило констатировать положительные и отрицательные тенденции реализации экономического потенциала страны в условиях внутренних и международных ограничений. Столкнувшись с глобальным кризисом, вызванным пандемией COVID-19 в 2020 г., значение большинства показателей и индексов России в рейтингах изменилось качественно и количественно. Составленные прогнозы дальнейшего развития экономики России в условиях глобальных процессов больше носят субъективный подход и характеризуются сложностями сопоставления. В данной статье предпринята попытка объединить результаты количественных статистических и качественных экспертных оценок как подготовительный этап для дальнейшего объективного сравнительного анализа позиционирования России в геоэкономическом пространстве.

Список литературы

1. Асланова Л.О., Батова Б.З. Геоэкономическое положение России в мире: проблемы и перспективы // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 2. С. 405. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21471402>
2. Илясова Ю.В., Жидова О.Е. // *Конкурентоспособность России в международных рейтингах Экономика и бизнес: теория и практика*. 2016. № 3. С. 74-78. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25803123>
3. Касаткин С.Е. Финансовая система России в международных рейтингах // *Инновационное развитие экономики*. 2020. № 3 (57). С. 109-114. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43819999>
4. Курнышева И.Р. Конкурентоспособность России в системе международных рейтингов // *Экономические науки*. 2021. № 200. С. 77-81. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46407292>
5. Лучко М.Л. Позиции стран Северной Европы через призму международных рейтингов // *Современная Европа*. 2020. № 3 (96). С. 83-95. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43076159>
6. Матвеев А.С., Соколова И.В. Угрозы продовольственной безопасности России в условиях ужесточения санкций // *Эпомен: научный журнал*. 2018. № 15. С. 152–161. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35369068>
7. Матушкина Ю.Н., Загородских В.В., Косолапов Е.В. Сравнительный анализ стран по индексу глобальной конкурентоспособности // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2016. Т. 2. № 8. С. 65-68.
8. Мицек С. А., Мицек Е. Б. Экономический рост, инфляция, инвестиции доходы в Российской Федерации: анализ и прогноз на основе экономической модели // *Экономический анализ: теория и практика*. 2018. Т. 17. № 1 (472). С. 18-29. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskij-rost-inflyatsiya-investitsii-i-dohody-v-rossiyskoj-federatsii-analiz-i-prognoz-na-osnove-ekonomicheskoy-modeli>
9. Мутовкина А.Е. Россия в международных рейтингах // *Валютное регулирование. Валютный контроль*. 2021. № 2. С. 3-7. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44608497>
10. Оболенский В.П. Открытость национальных экономик: мир и Россия // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 10. С. 5-15. [Электронный ресурс]. URL: [https://www.imemo.ru/en/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2017/0005_0015_\(1\)_Obolenskiy_ID11220.pdf](https://www.imemo.ru/en/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2017/0005_0015_(1)_Obolenskiy_ID11220.pdf)
11. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов // *Центральный банк Российской Федерации: [сайт]*. 2021. 163 с. [Электронный ресурс]. URL: [http://www.cbr.ru/content/document/file/126064/on_project_2022\(2023-2024\).pdf](http://www.cbr.ru/content/document/file/126064/on_project_2022(2023-2024).pdf)

12. Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/10705>
13. Перспективы мировой экономики // Всемирный банк [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vseмирnyjbank.org/ru/publication/global-economic-prospects>
14. Печаткин В.В., Малышев Т.А. Конкурентоспособность реального сектора экономики США, Китая и России в условиях пандемии // Экономические отношения. 2021. Т. 11. № 2. С. 319-334. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46208403>
15. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов // Министерство экономического развития Российской Федерации: [сайт]. 2021. 98 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d7f5f5dea44bda4c30d42aac04cc1fca/prognoz_socialno_ekonom_ra_zvitiya_rf_2022-2024.pdf
16. Россия в новую эпоху: выбор приоритетов и цели национального развития [Текст]: эксперт. докл. / Я. И. Кузьминов (рук. авт. кол.); П. В. Орехин, П. Н. Нетреба (отв. ред.); Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 112 с.
17. Серова Н.А. Конкурентоспособность России в мировой экономике (результаты международных рейтингов) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 45 (330). С. 34-43. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25027963>
18. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>
19. Шитов В., Загребельная Н. Международные оценки шансов и уязвимости экономики России // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 2 (45). С. 163-175. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26513012>
20. Corruption Perceptions Index // Transparency International: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2020/index/nzl>
21. Doing Business [// Группа Всемирного банка: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doingbusiness.org/en/doingbusiness>
22. Global Attractiveness Index. The thermometer of a country's attractiveness // The European House – Ambrosetti: [сайт]. 6th edition. 2021. 124 pp. [Электронный ресурс]. URL: https://admin.ambrosetti.eu/dompdf/crea_wmark.php?doc=L2F0dGFjaG1lbnRzL3BkZi9nYWktcmVwb3J0LTIwMjEtZW4tMjAyMTA5MDMxMi5wZGY%3D&id=14183&muid=corporate
23. Global Food Security Index // Economist Intelligence Unit. [Электронный ресурс]. URL: <https://foodsecurityindex.eiu.com/>
24. Global Indexes // Vision of Humanity: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/#/>
25. Global Innovation Index // Cornell University, INSEAD, and the World Intellectual Property Organization. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/publications/en/>
26. Human Development Reports (HDI) [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/en/2020-report>
27. Indicators // The World Bank: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator>
28. IMD World Competitiveness Center [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center/>
29. Index of Economic Freedom // The Heritage Foundation: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.heritage.org/index/ranking>
30. Keeping the recovery on track // OECD Economic Outlook, Interim Report. September, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/economic-outlook/>
31. Legatum Institute Prosperity Index – Methodology Report. 2019. 97 с. [Электронный ресурс]. URL: https://prosperitysite.s3-accelerate.amazonaws.com/7515/8634/9002/Methodology_for_Legatum_Prosperty_Index_2019.pdf
32. Quality of Life Index for Country 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.numbeo.com/quality-of-life/rankings_by_country.jsp?title=2018
33. Reports // World Economic Forum: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/reports>.

34. The Good Country Index [Электронный ресурс]. URL: <https://index.goodcountry.org/>
35. The Social Progress Imperative [Электронный ресурс]. URL: <https://www.socialprogress.org/>
36. World Economic Outlook: Managing Divergent Recoveries // International Monetary Fund: [сайт]. Washington, DC. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

УДК [330.34+316.42](1-926):616-036.21:578.834.1

АФРИКА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Юмаев Е. А.

*Омский государственный технический университет, Омск, Российская Федерация
E-mail: egorumaev@rambler.ru*

В статье представлены результаты исследования, раскрывающие особенности эпидемиологической обстановки в Африке в условиях распространения COVID-19, влияния принятых ограничительных санитарных мер на социальное и экономическое развитие континента. Сделан вывод о невысоком уровне распространения новой коронавирусной инфекции. Выявлены причины, определившие низкий уровень заболеваемости COVID-19. Негативные социальные и экономические последствия в значительной части обусловлены снижением спроса на мировом рынке на традиционно экспортируемые из Африки полезные ископаемые, ограничением притока инвестиций из промышленно развитых стран, запретом на выезд для трудовых мигрантов. Пример ЮАР показывает необходимость гибкости в принятии решений о санитарных ограничениях, чрезмерная жесткость которых не дает гарантии остановки распространения эпидемии, провоцирует тяжелые социальные и экономические последствия. В текущих условиях труднореализуемыми представляются инициативы африканского сообщества о коренной модернизации экономики, развития всех видов современной инфраструктуры. Собственных средств на реализацию гигантской инвестиционной повестки на континенте нет. Бюджетные ресурсы, недостаточные и в период до пандемии COVID-19, перенаправляются на поддержание системы здравоохранения, помощь населению и бизнесу.

Ключевые слова: Африка, COVID-19, пандемия, санитарные ограничения, эпидемиологическая обстановка, заболеваемость, экономический кризис, инвестиции, Южно-Африканская Республика (ЮАР)

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на впечатляющие успехи экономического развития последних десятилетий большинство стран Африки в целом плохо подготовлены к мировому санитарному COVID-19-кризису как с точки зрения медицины, так и с точки зрения экономики. После первого подтвержденного случая COVID-19 в Египте 14 февраля 2020 г. Всемирная организация здравоохранения чуть ли не ежедневно призывала Африку готовиться к худшему, ожидая небывалый всплеск пандемии по причине крайне неудовлетворительного развития системы здравоохранения [1]. Действительно, состояние национальных систем здравоохранения ограничивает возможности африканских стран следовать рекомендациям ВОЗ. Даже самое элементарное требование, – регулярно мыть руки, – не может быть выполнено, поскольку огромное число жителей континента, в первую очередь к югу от Сахары, не имеют доступа к чистой воде и средствам гигиены [2].

Фитуни Л. Л. отмечает недостаточную эффективность усилий последнего десятилетия по поиску общеафриканских подходов для активного наращивания научного, технологического, инновационного потенциала в целях преодоления колониальности в науке [3, с. 15–16]. Пандемия COVID-19 показала, как санитарные потрясения могут спровоцировать мощный социально-экономический кризис, обрушить благосостояние населения. Дробот Е.В., Макаров И.Н., Сапунцов А.Л.

отмечают рост социальной тревожности, снижение доступности продовольствия, смещение потребительского спроса в Африке в пользу дешевых, менее питательных продуктов, высокую волатильность цен на продовольствие [4, с. 13–32]. В условиях пандемии сильно пострадали жители Африки, занятые в теневом секторе экономики, что заставляет задуматься о необходимости запуска государственных программ, направленных на поддержку занятости в этом секторе [5, с. 145–146, 149–152], который, очевидно, невозможно форсированными темпами вывести в поле «наблюдаемой экономики». Закрытие африканских границ, запреты на выезд спровоцировали тяжелое положение африканских трудовых мигрантов, не находящихся для себя работу в собственной стране [6, с. 150].

Несмотря на невысокий в сравнении с другими макрорегионами мира регистрируемый уровень заболеваемости и смертности от COVID-19, показатели промышленного производства, потребления, туризма, финансового сектора резко пошли вниз на фоне мирового санитарно-экономического кризиса [7, с. 126]. Дополнительные трудности создает нарастающее геополитическое и геоэкономическое противостояние между крупнейшими державами планеты [8, с. 76], – в этой гонке Африка с ее быстрорастущим населением является не столько активным участником, сколько ареной борьбы за перспективные рынки сбыта.

Цель проведенного исследования заключается в углубленном изучении динамики распространения заболеваемости COVID-19 в Африке в ее взаимосвязи с новыми экономическими и социальными вызовами, определении перспектив экономического развития стран континента.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Исследование ежемесячной динамики заболеваемости с мая 2020 г. по август 2021 г. позволяет уверенно заявить: уровень проникновения COVID-19 в страны Африки оказался небольшим вопреки самым мрачным прогнозам. В таблицах 1 и 2, составленных автором на основе данных Университета Джона Хопкинса / Johns Hopkins University [9], представлены показатели, отражающие уровень проникновения COVID-19 на африканский континент.

Таблица 1

Уровень заболеваемости COVID-19 с мая 2020 г. по сентябрь 2021 г.

Дата	ТОП-10 стран Африки		ТОП-10 стран мира	
	число заболевших, тыс. человек	доля в общемировом показателе, %	число заболевших, тыс. человек	доля в общемировом показателе, %
08.05.20	36,4	0,95	2827,0	73,51
08.06.20	145,5	2,07	4705,9	66,88
08.07.20	420,7	3,55	7764,3	65,63
08.08.20	872,5	4,49	13428,7	69,13
09.09.20	1100,5	3,98	19408,6	70,27
08.10.20	1273,2	3,53	25429,9	70,49
08.11.20	1570,5	3,14	33332,7	66,72

Дата	ТОП-10 стран Африки		ТОП-10 стран мира	
	число заболевших, тыс. человек	доля в общемировом показателе, %	число заболевших, тыс. человек	доля в общемировом показателе, %
08.12.20	1922,4	2,85	44092,9	65,27
08.01.21	2499,6	2,84	57318,2	65,11
08.02.21	3027,7	2,85	69067,8	65,02
08.03.21	3205,3	2,74	75235,8	64,35
08.04.21	3426,3	2,57	84494,3	63,42
08.05.21	3645,1	2,33	100453,0	64,20
08.06.21	3973,1	2,30	111877,6	64,47
08.07.21	4501,5	2,43	118568,4	64,08
08.08.21	5395,9	2,67	126919,5	62,73
08.09.21	6011,8	2,71	137173,2	61,78

Таблица 2

Ежемесячный прирост заболеваемости COVID-19

Дата	ТОП-10 стран Африки		ТОП-10 стран мира	
	Количество новых случаев, тыс. человек	Прирост, в % к предыдущему месяцу	Количество новых случаев, тыс. человек	Прирост, в % к предыдущему месяцу
08.06.20	109,1	299,7	1878,9	66,5
08.07.20	275,2	189,1	3058,4	65,0
08.08.20	451,8	107,4	5664,4	73,0
09.09.20	228,0	26,1	5979,9	44,5
08.10.20	172,6	15,7	6021,3	31,0
08.11.20	297,3	23,4	7902,7	31,1
08.12.20	351,9	22,4	10760,3	32,3
08.01.21	577,2	30,0	13225,3	30,0
08.02.21	528,1	21,1	11749,6	20,5
08.03.21	177,6	5,9	6168,0	8,9
08.04.21	221,0	6,8	9258,5	12,3
08.05.21	218,8	6,4	15958,7	18,9
08.06.21	328,0	9,0	11424,6	11,4
08.07.21	528,4	13,3	6690,8	6,0
08.08.21	894,4	19,9	8351,1	7,0
08.09.21	615,9	11,4	10253,7	8,1

Из всех стран Африки наибольший «вклад» в уровень заболеваемости «вносит» Южно-Африканская республика (ЮАР), в августе и сентябре 2020 г. занимавшая соответственно 5 и 8 место среди 188 стран и регионов мира. В последующие месяцы в общемировом рейтинге ЮАР стала опускаться вниз. Доля ТОП-10 стран Африки в

общемировых показателях аналогично стала сокращаться, хотя прирост в абсолютных цифрах сохранялся в течении всего исследуемого периода. Рост уровня заболеваемости по состоянию на 08.08.2021 преимущественно произошел за счет трех стран: ЮАР (+411,2 тыс. новых случаев заражения за месяц), Марокко (+162,7 тыс. новых случаев заражения за месяц), Тунис (+143,2 тыс. новых случаев заражения за месяц). Соответственно, всего три страны из ТОП-10 африканских стран с 8 июля 2021 г. по 8 августа 2021 г. «обеспечили» 80% всех новых случаев заражения (717,1 тыс. из 894,4 тыс.).

Однако, уже к 08.09.2021 отмечается снижение числа заболевших от COVID-19 в ТОП-10 стран Африки. В ТОП-10 стран мира по заболеваемости COVID-19, напротив, число случаев заражения возросло.

Население ЮАР в целом дисциплинированно выполняло распоряжение правительства о самоизоляции, принятое в самом начале пандемии. Исследователи отмечают, что спустя 2 недели после резкого сокращения мобильности граждан заболеваемость, действительно, снизилась. Ученые также отмечают следующую особенность, которую должны учитывать органы государственной власти не только в ЮАР: соблюдение требования о самоизоляции явилось очень серьезной проблемой для жителей сельской местности и горожан с низкими доходами. Следовательно, в ситуациях, подобных пандемии COVID-19, необходимо продумать механизмы компенсаций для самых социально уязвимых слоев населения [10].

Исследователь из Университета Йоханнесбурга Сеан М. Мюллер / Seán M. Muller указывает на существенную ошибку, допущенную властями Южно-Африканской Республики с самого начала пандемии: чрезмерное доверие мнению ограниченного круга экспертов из научного мира о неминуемой катастрофе, по причине чего были реализованы жесткие меры по самоизоляции. В ответ на нарастающее недовольство и стремительное падение доходов населения официальные власти постоянно ссылались на мнения ученых. Таким образом, отсутствовала гибкость в принятии управленческих решений. Даже тогда, когда необходимость смягчения карантинных мер была абсолютно очевидной, власти республики не могли их отметить по причине изначально объявленной позиции и ссылок на мнения авторитетных специалистов из научного мира. В результате режим самоизоляции был гораздо более строгим, чем это требовалось. Резко ухудшилась социальная обстановка, снизился уровень жизни населения. Власти страны на старте лишили себя возможности поиска оптимального баланса между остановкой экономики и санитарными ограничениями, что крайне неблагоприятно отразилось на всех сферах жизни страны [11].

Несмотря на глубокий карантин избежать распространения COVID-19 на территории ЮАР не удалось, а по причине остановки экономики у правительства страны быстро закончились деньги на дополнительные социальные выплаты и поддержку экономических субъектов [12].

Помимо ЮАР ни одна африканская страна не вошла в мировой ТОП-10 стран по заболеваемости COVID-19 в течении исследуемого периода. Вторую строчку среди ТОП-10 африканских стран в первые 5 месяцев занимал Египет (в общемировом рейтинге места с 24 по 47). Последующие четыре месяца вторую строчку по

заболеваемости среди африканских стран «удерживало» Марокко (в общемировом рейтинге места с 30 по 34). Позиции остальных стран значительно ниже. В целом ситуация в ЮАР, Марокко, Тунисе, Египте оказывала определяющее влияние на общую статистику COVID-19 в Африке. Указанные страны отличаются высокой урбанизацией, привлекательны для посещения туристами со всего мира, имеют широкие внешнеторговые связи с зарубежными государствами. По состоянию на 08.09.2021 в общемировом рейтинге по заболеваемости COVID-19 Южно-Африканская Республика занимала 17-е место; Марокко – 37-е; Тунис – 46-е; Эфиопия – 74-е; Египет 77-е.

На 8 сентября 2021 г. доля всех стран Африки по числу заразившихся COVID-19 в мире составила 3,47%. Число случаев со смертельным исходом по причине заражения COVID-19 на континенте 195,7 тыс. против 4588,9 тыс. во всем мире (4,26%). В 2020 г. доля Африки по численности населения составила 17,21% от общемирового показателя (по состоянию на 18.09.2021 г. согласно данным портала Worldometer – 17,5%), поэтому результаты, во всяком случае официально публикуемые, позволяют опровергнуть прогнозы, согласно которым ситуация в Африке должна была пойти по самому неблагоприятному пути. И это на фоне оценок самих африканцев, которые в середине апреля 2020 г. прогнозировали 300 тыс. смертей при самом благоприятном сценарии, если будут реализованы максимальные меры противодействия COVID-19 при 10 миллионах заболевших [13]. По итогам и количество заболевших, и количество случаев со смертельным исходом оказалось в разы ниже прогнозов.

Французские специалисты выделяют следующие причины низкой заболеваемости в Африке [14; 15]:

- низкое число проверок из-за острой нехватки тестов;
- эпидемия пришла в Африку с «опозданием» относительно Европы и США, что позволило местным органам власти принять меры профилактики;
- низкая плотность населения: основная часть жителей сосредоточена в столицах, которые были закрыты от остальной территории государств, что исключило «транспортировку» вируса в обширные малонаселенные нестоличные ареалы;
- несмотря на предпринимаемые шаги в усилении связности территории континента, африканские страны по-прежнему живут изолированно друг от друга, число пересечений государственных границ невелико;
- Африка в целом менее популярна как туристическое направление;
- отсутствует практика отправки тысяч студентов на учебу в Европу и Северную Америку, как в Индии и Китае, поэтому нет возвращающихся домой потенциально зараженных студентов;
- по причине не очень высокой продолжительности жизни в структуре населения преобладают люди молодого возраста, более устойчивые к COVID-19;
- для жителей Африки не характерно ожорство и переедание, население не страдает от избыточного веса, который является одним из первых «помощников» коронавируса;

– недостаточная диагностическая мощьность здравоохранения африканских стран, а также специфические социокультурные факторы, ограничивающие отчетность о заболевании [16], требующие проведение систематических исследований и анализа корректности официально предоставляемых сведений об уровне и особенностях протекания заболевания, в том числе у лиц, имеющих иные хронические заболевания [17];

– исследования показывают, что население, проживающее в регионах с высоким риском распространения малярии, оказывается более устойчивым к COVID-19. Сделано предположение, что этому способствует иммунизация жителей от малярии. Кроме того, Африка является территорией, где все население получает прививку БЦЖ. Так, в наиболее пострадавших от COVID-19 США и Италии такая прививка давно не ставится. Впрочем, Всемирная организация здравоохранения не рекомендовала прививку БЦЖ как средство от коронавируса [18; 19].

В ходе видеосеминара, проведенного Институтом Африки РАН в марте 2020 г., исследователи из России и Африки указали на следующие причины низких темпов распространения COVID-19 на континенте и относительно невысокую в сравнении с другими макрорегионами смертность [20, с. 8]:

– благоприятные факторы внешней среды (высокие температуры, значительное солнечное облучение, низкая распространенность респираторных заболеваний вследствие жаркого сухого климата);

– медианный возраст населения Африки – 19,6 лет;

– дома престарелых преимущественно сосредоточены в Южно-Африканской Республике в среде белого населения;

– относительно невысокая средняя плотность населения (42 человека на 1 км²);

– низкая мобильность населения;

– «генетический» иммунитет, выработавшийся у африканских народов, столетиями подвергающихся атакам болезнетворных вирусов (в том числе с коронавирусами народы Африки сталкиваются не в первые [6, с. 148]);

– массовый прием антималярийных лекарственных средств и серия вакцинаций от вирусов в 2010-х годах.

Кроме того, некоторые страны Африки накопили опыт успешной борьбы со смертельными заболеваниями. Например, с такими, как лихорадка Эбола, малярия, денге. Закрытие границ, социальное дистанцирование, и, хоть и не всегда успешно реализованное, – дистанционное обучение, – были неплохо отработаны в ряде стран Африки еще до начала пандемии COVID-19 [21, с. 23]. Жители Африки традиционно много времени проводят на природе, что также повышает общий уровень сопротивляемости коронавирусу [6, с. 148].

Отличие Африки от экономически благополучных стран состоит в том, что принятие экстренных мер происходит в условиях острых ограничений системы здравоохранения и высокой заболеваемости и смертности от других инфекционных болезней. В связи с этим в африканском обществе очень выражена тревога по поводу более широких медицинских, социальных и экономических последствий тех мер, которые реализуются для замедления распространения COVID-19. Высокий риск, что концентрация усилий на противодействии коронавирусу спровоцирует выход из-под

контроля других инфекционных заболеваний [22]. И, действительно, в 2020 г. государственные программы в области здравоохранения, не связанные непосредственно с COVID-19, были прерваны или их реализация сильно замедлилась [16], в связи с чем резко увеличилась необходимость гуманитарной помощи [23].

Важным вопросом для стран континента является доступность вакцин. Очевидно, что промышленно-развитые страны в первую очередь будут обеспечивать вакцинами свое население. Закупка вакцин требует финансовых средств, которых в условиях резко возросших в 2020-м и начале 2021 г. расходов на социальную поддержку, здравоохранение и помощь наиболее пострадавшим предприятиям катастрофически не хватает. Выход африканскими учеными видится в проведении исследований по эффективности доступных населению средств традиционной народной медицины и лекарств на основе натуральных продуктов местного происхождения [24]. Это серьезный, актуальный вопрос и одновременно вызов для африканской науки, требующий консолидации усилий научных коллективов и проведения клинических испытаний, подтверждающих безопасность и эффективность лечения COVID-19 такими препаратами.

Конечно же, ограничительные санитарные меры крайне негативно влияют на экономическое развитие. Например, только в первые месяцы начала пандемии туристический поток между Китаем и Африкой сократился сразу на 46% [25]. Накануне пандемии многие африканские авиакомпании запустили прямые рейсы в Китай, которые в условиях санитарных ограничений не востребованы [26]. Туристическая отрасль, играющая заметную роль в наполнении бюджетов ряда африканских стран, одной из первых пострадала в условиях распространения COVID-19 на планете [27, с. 3].

В не менее сложной ситуации оказались африканские государства, для которых характерна монопродуктовая зависимость от цен на нефть [28, с. 52] или иной товар, доминирующий в национальном экспорте. ВВП нефтедобывающей Нигерии сократился на 6,1% во 2-м квартале 2020 г. ВВП «второй» по значимости нефтедобывающей страны континента, – Анголы, – ушел в минус уже в 1-м квартале 2020 г. (снижение на 1,8%). Южно-Африканская Республика, работающая в режиме строгих карантинных мер, столкнулась с падением ВВП на 17,1% во 2-м квартале 2020 г. Наиболее значительно по итогам 2020 г. сократился ВВП стран, экспортирующих металлы и топливно-энергетические ресурсы, в первую очередь нефть [29].

Согласно исследованиям Всемирного банка, в 2020 г. в Африке наблюдалась первая за последние 25 лет экономическая рецессия (падение суммарного ВВП стран континента на 3,3%). Порядка 40 млн. человек оказались в состоянии предельной бедности [29].

Для африканских стран в последние десятилетия в целом характерна ситуация, описанная в исследовании С.П. Турсунова «Экономические реформы в странах Магриба. Либерализация и приватизация» [30]: слаборазвитое машиностроение, особенно в высокотехнологичных отраслях, доминирование иностранных производителей, отсутствие значимых технологических прорывов, медленный рост местных обрабатывающих производств. Причинами, по мнению указанного автора,

могут быть низкая активность органов государственной власти в реформировании системы образования, недостаточная поддержка инноваций, неэффективность государственных институтов.

Сформировавшаяся в странах Африки сырьевая направленность экономики в условиях санитарно-экономического кризиса в очередной раз продемонстрировала высокий уровень зависимости благополучия континента от мирового спроса на энергоресурсы. Вместе с тем, в среднесрочной перспективе можно ожидать восстановления внешней торговли, в связи с тем, что значительная часть природных ресурсов Африки востребована в высокотехнологичных секторах экономики промышленно развитых стран [12]. Впрочем, экономические и социальные последствия пандемии коронавируса могли бы быть еще более тяжелыми, если бы не низкая включенность континента в мировую транспортно-логистическую систему.

Понимание того, что менять сложившуюся архаичную структуру экономики необходимо, в странах Африки есть. 24 июля 2010 г. был дан официальный старт Программе развития инфраструктуры Африки / Programme de Développement des Infrastructures en Afrique (PIDA) [31], имеющей целью содействовать социально-экономическому развитию и снижению уровня бедности в Африке посредством создания интегрированных сетей региональной инфраструктуры [32].

Согласно оценкам международных экспертов, для создания в Африке инфраструктуры, соответствующей мировым стандартам, в период 2017–2040 гг. потребуются инвестиции в размере от \$4,3 до \$6 трлн. Около трети всех инвестиций необходимо направить на развитие транспортного сектора [33]. В январе 2021 г. в Аддис-Абебе состоялась 6-я сессия, посвященная реализации самой масштабной panaфриканской программы развития. Итог неутешительный: за пять лет, с 2016 по 2021 гг., значимых результатов нет, большая часть проектов проходит стадию согласования [34]. Причинами, по нашему мнению, могут быть:

- нехватка квалифицированных специалистов, способных готовить документацию по инфраструктурным проектам для крупнейших мировых инвесторов в соответствии с международными стандартами;

- проекты на африканском континенте в целом отличаются высоким уровнем риска по причине многочисленных военных конфликтов и нестабильной внутриаполитической обстановки в странах континента, а также включают дополнительные статьи затрат вследствие невысокого уровня профессиональной подготовки местных специалистов и недостаточного развития базовой, в первую очередь транспортной и энергетической, инфраструктуры;

- если инвестиции не удалось привлечь до начала пандемии, то в условиях новой коронавирусной реальности промышленно развитые страны будут направлять усилия на восстановление собственной экономики и социальную поддержку своих граждан. Инвестиционные потоки в Африку как минимум в среднесрочной перспективе значительно сократятся.

ВЫВОДЫ

Подводя итог, отметим, что эпидемиологическая ситуация в Африке на фоне остальных регионов мира развивается по благоприятному сценарию. Не подтверждена изначально выдвинутая гипотеза о том, что Африку ждет неминуемая эпидемиологическая катастрофа. Это не исключает возникновения новых рисков в будущем по причине того, что все усилия национальных систем здравоохранения направлены только на противодействие коронавирусу, резко снижена профилактика других опасных инфекционных заболеваний, характерных для региона.

Пример Южно-Африканской Республики показывает, что строгие карантинные меры не дают гарантии нераспространения COVID-19, провоцируют быстрое углубление экономического кризиса.

Необходимость выделения дополнительных денежных средств из бюджетов африканских стран для национальных систем здравоохранения ложится тяжелым бременем на экономику. Традиционно большинство стран Африки не обладает сколько-нибудь значительными золотовалютными резервами, поэтому внеплановые медицинские расходы, затраты на поддержку населения и бизнеса закономерно вызовут разбалансировку государственных финансов. Продолжится рост долговой нагрузки, ухудшится структура государственного долга. Если долги не будут списаны богатыми странами, неминуема череда дефолтов.

Пандемия COVID-19 и обусловленный ею мировой экономический кризис серьезно затронули все страны континента, причем наиболее пострадали самые уязвимые слои населения. В очередной раз отодвигается вопрос решения проблемы бедности. Проекты по разработке месторождений нефти и газа и других природных ресурсов продолжатся. Но, если по-прежнему будет иметь место экспорт необработанных природных ресурсов без создания в самой Африке промышленных мощностей для их переработки, достижение амбициозных целей, которые декларируются африканским сообществом, будет снова и снова откладываться.

Список литературы

1. Imray G. Africa's 43% jump in COVID-19 cases in one week worries experts. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.timesofisrael.com/africas-43-jump-in-covid-19-cases-in-one-week-worries-experts/>.
2. Okoi O., Bwawa T. How health inequality affect responses to the COVID-19 pandemic in Sub-Saharan Africa // World Development. 2020. Vol. 135. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305750X20301935?via%3Dihub>.
3. Фитуни Л. Л. Наука, технологии и инновации в Африке: стереотипы, реалии, перспективы // Азия и Африка сегодня. 2021. № 4. С. 15–24. [Электронный ресурс]. URL: <https://asaf-today.ru/s032150750014642-8-1/>.
4. Дробот Е. В., Макаров И. Н., Сапунцов А. Л. Распространение коронавируса в Африке: региональные паттерны и экономические последствия // Экономические отношения. 2021. Т. 11, № 1. С. 13–38. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45625178>.
5. Дробот Е. В. Теневая экономика в Африке в условиях пандемии COVID-19 // Теневая экономика. 2021. Т. 5, № 2. С. 145–155. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46338659>.
6. Мугадам М. М. COVID-19 в Африке и его влияние на африканских мигрантов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8, № 2. С. 145–152. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45711312>.

7. Mruyi Nguala N. Les conséquences du COVID-19 sur l'économie africaine // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11, № 2. С. 125–128. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46335702>.
8. Секачева А. Б. Состояние и перспективы социально-экономического развития Франции в условиях глобальной и региональной нестабильности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2020. Т. 6 (72), № 4. С. 76–86. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44648269>.
9. COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU). [Электронный ресурс]. URL: <https://gisanddata.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/bda7594740fd40299423467b48e9ecf6>.
10. Carlitz R. D., Makhura M. N. Life under lockdown: Illustrating tradeoffs in South Africa's response to COVID-19 // World Development. 2021. Vol. 137. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105168>.
11. Muller S. M. The dangers of performative scientism as the alternative to anti-scientific policymaking: A critical, preliminary assessment of South Africa's Covid-19 response and its consequences // World Development. 2021. Vol. 140. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2020.105290>.
12. Баринов А. К., Сугаков Г. К., Алешин К. А. Россия и Африка в современном мире: вызовы и перспективы сотрудничества // Азия и Африка сегодня. 2021. № 3. С. 71–77. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44883411>.
13. Covid-19: l'Afrique, prochain foyer de la pandémie? [Электронный ресурс]. URL: https://www.lepoint.fr/afrique/l-afrique-face-au-covid-19-un-tournant-critique-18-04-2020-2371950_3826.php.
14. Bobin F. Coronavirus: pourquoi l'Afrique résiste mieux que le reste du monde. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2020/05/05/coronavirus-pourquoi-l-afrique-resiste-mieux-que-le-reste-du-monde_6038758_3212.html.
15. Deluzarche C. Coronavirus en Afrique: pourquoi la catastrophe annoncée n'a pas eu lieu? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.futura-sciences.com/sante/actualites/coronavirus-coronavirus-afrique-catastrophe-annoncee-na-pas-eu-lieu-79699/>.
16. Hardy É. J. L., Flori P. Spécificités épidémiologiques de la COVID-19 en Afrique: préoccupation de santé publique actuelle ou future? Epidemiological specificities of COVID-19 in Africa: Current or future public health concern? // Annales Pharmaceutiques Françaises. 2021. Vol. 79, Issue 2. P. 216–226. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.pharma.2020.10.011>.
17. Aberhe W. et al. The burden and outcomes of COVID-19 among patients with co-morbid disease in Africa: protocol for a systematic review and meta-analysis // New Microbes and New Infections. 2021. Vol. 39. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.nmni.2020.100802>.
18. Coronavirus disease 2019 (COVID-19). Situation Report – 84. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/situation-reports/20200413-sitrep-84-covid-19.pdf>.
19. Covid-19, les rapports de l'OMS d'avril 2020. Rapport 84 du 13 avril 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://infodujour.fr/sante/34280-covid-19-les-rapports-de-oms-avril-2020>.
20. Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. Развивающиеся страны в политической экономии посткоронавирусного мира // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 9. С. 5–14. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43984483>.
21. Тему А.-М. Т., Никольская М. В. Пандемия COVID-19 в Восточной Африке: анализ и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2020. № 9. С. 22–28. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43976586>.
22. Wess D. J. et al. Indirect effects of the COVID-19 pandemic on malaria intervention coverage, morbidity, and mortality in Africa: a geospatial modelling analysis // The Lancet. 2021. Vol. 21, Issue 1. P. 59–69. [Электронный ресурс]. URL: [https://doi.org/10.1016/S1473-3099\(20\)30700-3](https://doi.org/10.1016/S1473-3099(20)30700-3).
23. Болдырева Е. Л. Стратегия Финляндии в Африке // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 1 (19). С. 32–37. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44782149>.
24. Omokhua-Uyi A. G., Staden Van J. Natural product remedies for COVID-19: A focus on safety // South African Journal of Botany. 2021. Vol. 139. P. 386–398. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sajb.2021.03.012>.

25. Elbany M., Lihenawy Y. Analyzing the ultimate impact of COVID-19 in Africa // Case Studies on Transport Policy. 2021. Vol. 9, Issue 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2021.03.016>.
26. Voysey M. et al. Safety and efficacy of the ChAdOx1 nCoV-19 vaccine (AZD1222) against SARS-CoV-2: an interim analysis of four randomised controlled trials in Brazil, South Africa, and the UK // The Lancet. 2021. Vol. 397, Issue 10269. P. 99–111. [Электронный ресурс]. URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)32661-1](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)32661-1).
27. Апатова Н. В., Бакуменко М. А., Титаренко Д. В. Функционирование санаторно-курортного комплекса Республики Крым в период пандемии COVID-19 // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2020. Т. 6 (72). № 2. С. 3–13. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44157930>.
28. Дмитриев А. С., Книппель А. С., Чеховская И. А. О перспективах развития российского нефтяного экспорта в условиях глобального экономического кризиса // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 52–62. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45635618>.
29. World Bank Confirms Economic Downturn in Sub-Saharan Africa, Outlines Key Policies Needed for Recovery. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/10/08/world-bank-confirms-economic-downturn-in-sub-saharan-africa-outlines-key-policies-needed-for-recovery>.
30. Турсунов С. П. Экономические реформы в странах Магриба. Либерализация и приватизация // Азия и Африка сегодня. 2021. № 1. С. 49–55. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44746785>.
31. Lancement officiel du Programme de Développement des Infrastructures en Afrique (PIDA). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afdb.org/fr/news-and-events/official-launch-of-pida-7073>.
32. Programme de Développement des Infrastructures en Afrique (PIDA). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.afdb.org/fr/topics-and-sectors/initiatives-partnerships/programme-for-infrastructure-development-in-africa-pida#:~:text=PIDA%20est%20un%20programme%20continental,%2C%20eau%2C%20t%C3%A9l%C3%A9communications%20et%20TIC>.
33. Алешин К. А., Баринов А. К., Заноскина Е. Н. Транспорт Африки: планы и возможности // Азия и Африка сегодня. 2019. № 3. С. 35–40. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37140435>.
34. Wade A. Focus sur les méga-projets prioritaires (PIDA): des éléphants blancs? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.financialafrik.com/2021/01/18/focus-sur-les-mega-projets-prioritaires-pida-des-elephants-blancs/>.

Статья поступила в редакцию 30.09.2021

SUMMARIES

ASSESSMENT OF RELATIONSHIP OF FOREIGN TRADE AND GDP OF THE WORLD COUNTRIES IN THE CONDITIONS OF UNSTABLE GROWTH OF THE WORLD ECONOMY

Voronina T. V., Yatsenko A.B.

The article examines the relationship between the export of goods and services and the GDP of the countries of the world in the conditions of unstable growth of the world economy in 2000-2020. The instability of the development of the world economy is revealed on the basis of an analysis of the absolute and relative indicators of the world gross product, national GDP and GDP per capita. It is substantiated that the violation of the relatively stable growth of the world economy at the end of each ten-year period (in 2009 and 2020) caused by the global financial and economic crisis and the coronavirus pandemic.

As a result of the study, conclusions were drawn about country changes in leadership in the production of the world gross product and a significant differentiation in its growth rates across countries. It has been proven that the highest rates of economic growth were observed in underdeveloped countries or with economies in transition (with the exception of China), and in the top ten leaders in world production in 2000-2020. new countries entered: China, India and the Republic of Korea.

Based on the analysis of the correlation coefficient calculated for 80 countries of the world, the conclusion is justified that the GDP of most countries is in strong mutual dependence with the volume of exports of goods and services. The countries are grouped according to the degree of closeness of the relationship between commodity exports and GDP, exports of services and GDP.

Key words: world economy, world gross product, economic growth, GDP, GDP per capita, commodity export, export of services.

FOREIGN EXPERIENCE IN EUROREGIONAL COOPERATION AND DEVELOPMENT OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITIES

Gorda A. S.

The theoretical and practical aspects of the implementation of the Euroregional policy, complementing and strengthening the regional policy of the countries of the Western European region, have been studied. Forms of Euroregional cooperation have been systematized. It has been established that legally cooperation can take various forms - from informal to legally formalized. The forms of Euroregional cooperation can be classified according to the degree of cooperation between their border regions. Some of them are limited to solemn meetings, while other initiatives are aimed at long-term effective cooperation.

The features of the functioning of Euroregions, Workers' Commonwealth and Regional Councils, as the most common forms of Euroregional cooperation, have been analyzed. The goals and objectives of their functioning and development priorities are systematized.

The main directions and strategic guidelines for the development of Euroregional cooperation in European countries are highlighted: increasing the economic efficiency of the development of the region, optimizing the transport and communication sphere, developing the tourism sector, nature protection and environmental protection, improving social security.

The characteristics and signs of the economic impact of Euroregional structures on the development of border regions of neighboring states have been determined.

The features of the formation of European groupings for territorial cooperation, the main goals of which are to improve territorial cooperation within the framework of new functioning macroregions, have been studied; ensuring territorial unity and cohesion of economically strong and weak regions of the EU, focusing policy in accordance with territorial formats.

On the basis of a systematic analysis of the foreign experience of Euroregional cooperation, the directions of foreign economic activity of the regions within the framework of cross-border cooperation are highlighted: foreign trade activities based on the principles of cooperation in border trade; implementation of investment projects and production and investment cooperation; Foreign economic activity in the field of transport and communications; Foreign economic activity in the environmental sphere on the basis of cooperation in the rational use of natural resources and environmental protection; cooperation in the field of regulation of population migration and foreign economic activity in the labor market; Foreign economic activity in the innovation sphere and scientific and technical cooperation.

The exceptional role of Euroregional cooperation in the process of activating foreign economic activity was noted, which opens up new prospects and opportunities for the socio-economic growth of regions of European countries. Taking into account the analyzed characteristics of Euroregional cooperation, the conceptual vision of enhancing foreign economic activity in the context of Euroregional cooperation is to purposefully influence the development of interregional socio-economic systems and create favorable conditions for strengthening international cooperation by defining strategic guidelines, establishing foreign economic ties, a mechanism for achieving them and developing forms of Euroregional cooperation.

Keywords: region, Euroregion, Euroregional cooperation, interregional cooperation, cross-border cooperation, Euroregional education, foreign economic activity, intensification of foreign economic activity.

EVOLUTION OF A TOOLKIT FOR FINANCIAL SUPPORT FOR REGIONAL DEVELOPMENT IN THE EU

Gorda O. S.

It has been established that for several decades the EU has been developing and implementing specific instruments of financial support for the development of regions, relying on key historical achievements - a single market and multi-level management of economic processes. The levels of multi-level (distributed) regulation of regional

development in the EU have been determined, the main of which are: the goal of the programming period, the strategy of the integration association, National strategies, National and regional programs.

It was determined that within the framework of distributed (multi-level) development regulation, the regions with the greatest need for a certain amount of funding are initially determined. The next step is the development of regional development programs, usually carried out by joint coordinated efforts of the EU, as well as the governments of the national, regional and local levels. Such programs generally cover a multi-year span of time. In general, the multi-level system of regulation of the development of the EU regions provides for the presence of a common development strategy, national strategies in accordance with the number of EU member states, national and regional programs that concretize national strategies.

The distinctive features of each stage of the evolution of instruments of financial support for European regional development are characterized.

It is concluded that, in general, for the first decade, the dominant direction of the European Regional Development Fund was the use of resources for individual, in most cases not related, national projects and regional programs. In general, the performance of the Fund in the first decade turned out to be much lower than expected. The key areas of financial support provided in the first decade were: restructuring the economy of weak regions; structural transformation of the economy of regions with developed traditional industry.

The investment priorities and instruments of the EU Cohesion Policy in 2000-2006, 2007-2013 have been systematized. and 2014-2020 The analysis of the evolution of the toolkit for financial support for regional development made it possible to generalize the main changes in the tools in conjunction with the key transformations of the Cohesion Policy in the context of the program periods defined at the pan-European level.

Based on an in-depth analysis of the evolution of financial support tools, the essence of the integration potential of supranational financial support for the development of EU regions through the creation, use and distributed regulation of joint supranational funds for financial support is revealed. In the context of the integration potential of support, the role of instruments of financial support for regional development is substantiated, providing an integration effect in the form of additional economic benefits and advantages for integrated regions, the achievement of which is impossible (or less effective) outside of integration interaction.

Keywords: EU region, European regional integration, EU Cohesion Policy, distributed (multilevel) regulation, financial support instruments, European structural and investment funds, projects and programs of financial support for regional development.

COMPETITIVENESS OF A PHYSICAL CULTURE AND SPORTS ORGANIZATION IN A CRISIS SITUATION

Egorova N. M.

In the article, the author examines the competitiveness of physical culture and sports organizations, namely fitness clubs, during a crisis situation provoked by the coronavirus

pandemic. The author considered theoretical aspects concerning the concept of competitiveness and factors influencing it, as well as the peculiarities of the formation of competitive advantages of a physical culture and sports organization. The definitions of Russian and foreign researchers on the topic of competitiveness in general and competitiveness in the field of physical culture and sports in particular are given. The article presents the author's analysis of the dynamics of the volume of the Russian market of fitness services over the past ten years and the main problems of the development of the fitness industry. The data of statistical materials on the research topic are given. The article considers and analyzes the results of both Russian and foreign studies on the development of the fitness industry. The author cites data from the Ministry of Sports, the Association of Fitness Industry Operators and the National Fitness Community. The possibilities of forming competitive advantages in physical culture and sports organization in the post-crisis period are also considered. In addition, according to the results of the study, the author's recommendations for improving the competitiveness of physical culture and sports organizations were formulated. The materials of the article and conclusions can be useful for further study of the development of the fitness industry, the formation of qualitatively new methods and recommendations, taking into account the existing situation in the fitness market.

Keywords: fitness club, fitness industry, physical culture and sports organization, competitiveness, competitive advantages.

ANALYSIS OF THE IMPLEMENTATION OF THE VFSK "READY FOR WORK AND DEFENSE" IN THE LENINSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

Enchenko I. V., Slobodyanyuk B. V.

The authors consider the key indicators of the implementation of the All-Russian physical culture and sports complex "Ready for work and defense" in the Leninsky District of the Republic of Crimea. In particular, such indicators as the population of the complex "Ready for work and defense", the staffing of the complex, and the financing of the activities of the complex "Ready for work and defense" are considered.

Keywords: physical culture, sports, mass sports, Ready for labor and defense, Crimea

INTERNATIONAL PRACTICE OF REGULATING FOREIGN INVESTMENT AND POSSIBILITIES OF ITS ADAPTATION IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

Ilyasova Yu. V., Dimitriev A. V., Mirankov D. B.

The article examines the features of investment regimes and approaches to the regulation of foreign investment at the state level by countries with different economic

development and belonging to different integration groups. In particular, a comparative analysis of the applied control instruments for investment transactions with the participation of a foreign investor, legislative acts and state institutions regulating the inflow of foreign investment, strategic industries with limited access or completely closed for foreign investment is carried out. Based on the analysis carried out, proposals are made for the introduction of additional tools for controlling foreign investments in the Russian Federation and the Republic of Crimea in order to ensure national and regional economic security, as well as to enhance the positive effect of foreign investments.

Keywords: investment, foreign investment, legal regime, foreign investment regime, public interest, threshold values, strategic sectors of the economy, national interest, investment activity, government regulation of investment activity, investment climate.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION OF COMPANIES ON THEIR ECONOMIC EFFICIENCY

Klimovets O. V.

The article discusses the current trends in the transition of the economy of Kazakhstan to a new technological order, which necessitate the formation of new approaches to the organization of production and economic activities. These approaches can be implemented primarily through the introduction of digital technologies. The relevance of this topic is due to the need to increase the competitiveness of the Kazakh economy, increase labor productivity, and reduce production costs. Kazakhstan's economy will not be able to achieve these goals if the mechanism of its innovation activity is not fully involved.

Keywords: innovation, efficiency of companies, scientific and technological progress, digital platform.

SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE REGIONAL ECONOMY IN THE CONDITIONS OF CREATIVE AND DIGITAL TRANSFORMATION

Kuznetsov M. M., Rudnitskiy A. O.

The global trend in the development of society takes into account the creative and digital transformation, which affects through the socio-cultural space of the regions.

This process involves a creative type of human capital in economic relations, which is a creative class that participates in the activities of fifteen branches of the economy, where the integrating element is the creation, transmission, processing and storage of digital data, through the mass dissemination of information and communication technologies, digital data represents new knowledge.

The modern development of the socio-economic space takes place under the following conditions:

First, all relations related to industry, which requires significant investments in information and communication infrastructure and a low level of return, are transferred beyond the concentration points of the intangible sphere of the digital format;

Secondly, the intangible sphere of the digital format is integrated with the innovative component of industry, and the end result is a complex and synchronized integration of "everyone with everyone" within the framework of digitalization of public relations;

Third, the accelerated process of division of labor in the service sector is enriched with new types of digital activities, as well as personalized trajectories in the form of targeted service delivery.

Nevertheless, motivation plays a primary role for the socio-cultural space of the region, since it is it that pushes the population to activities related to finding a place to meet needs, which in the conditions of the creative digital economy is located within the socio-cultural space of cities.

These processes leave their imprint on the development of the socio-cultural space of the region, mainly on the socio-cultural spaces of urban and rural settlements.

The main point is that the city acts as a generator of such transformation, it creates conditions, it creates demand and supply, and it also requires more and more resources of rural settlements in the form of human capital or new consumers for this.

The main problem is to find a balance between the innovative development of the socio-cultural space of the region and the country as a whole and the preservation of the socio-cultural space of rural settlements, which most often act as sources of cultural values of the population of the region in the broad sense of the word. This is due to the fact that the creative class (successful participants of the creative economy who have broken away from the realities of life of the less affluent majority of society) becomes the "carrier" of such, transforming the traditional understanding of culture as a whole, through the involvement, mixing and general interaction of technical and economic creativity with culture and artistic creativity.

For the development of a creative class adequate for the needs of the state, it is necessary to create favorable conditions for a systematic increase in the settlement attraction of the socio-cultural space of rural settlements. At the same time, there will be a demand in society for the formation of a comfortable environment for the emergence, cultivation and implementation of various startups aimed at achieving this goal.

Keywords: creative economy, digitalization, social and cultural space, transformation, settlement attraction

FACTORS OF THE INFLUENCE OF THE SHADOW COMPONENT ON THE ECONOMY OF THE REGION

Reutov V. E., Kifyak A. V.

The article considers the genesis of factors that can influence the structure and dynamics of the shadow economy in the Republic of Crimea. Comparative approaches to the interpretation of the term "shadow economy" are given. The general and specific impulses capable of influencing shadow processes in the region are analyzed. Based on the surveys, a list of the factor impact on the shadow economy of Crimea has been compiled.

Taking into account the hierarchical construction of the influence model, the assessment of the most accessible strategies for countering the shadow economy in the territory was carried out. The inconsistency of the chosen model of countering shadow processes and paradoxes in statistical information on them are noted. Based on the analysis, reasonable conclusions about the expected trends are made.

The implementation of a social order for positive, adjustments of optimistic statistics no longer works. "The average number of employees without external part-timers for a full range of organizations in May 2020 in the Republic of Crimea amounted to 409.2 thousand people, and the number of unemployed amounted to 34,836 people". And this is with "a population of working age in the amount of 1,036,4 thousand people". In conditions of falling effective demand, the population becomes forcibly interested in working outside the legal sectors of the economy, as it receives real and tax-free amounts of income.

The prototype of financial and political groups that has practically developed in the territory will strive to strengthen and protect its status, based on demonstrative support for the policy of the federal center and strengthening the requirements for large business in the territory. Any significant competition between the FPGS themselves in the coming years is unlikely. In order to prevent the need to change the established order of things and in relation to any unauthorized entry into the region of new major market players, law enforcement and supervisory authorities will be actively used.

Small businesses and the self-employed will be "forcibly legalized" and "systematically monitored" to provide a source of financial income to grassroots officials. Medium-sized businesses will try to maintain an independent position in the business environment of the region, but increasing administrative pressure will either lead to its fragmentation and mass withdrawal into the shadows or transfer it to a status with new owners. The desire to legalize their activities among business entities will be minimal, since in the current conditions the "benefits from violations", continue to exceed the "losses in punishment".

We should expect the continuation of the deformation of formal institutions and the formalization of informal ones, since the first direction contradicts the economic interests of business entities, and the second is the basis for stabilization and predictability of doing business. It is also permissible to assert that the reciprocal and criminal components of the shadow economy of the territory are likely to expand as compensatory mechanisms for countering the economic policy of state institutions by the business environment.

Keywords: shadow economy, factor influence, dynamic and structural trends, modeling of forecast trends, strategies to counteract the shadow economy

THE CURRENT STATE AND PROBLEMS OF BILATERAL RELATIONS BETWEEN FRANCE AND GERMANY IN THE EUROPEAN UNION

Sekacheva A. B.

This article analyzes the features, problems and prospects of Franco-German relations before and during the COVID-19 pandemic. The study notes that the economic dominance of Germany in bilateral relations is to a certain extent balanced by the military-political

potential of France. The article also points out that these two countries largely determine the EU's development strategy, including its relations with Russia, especially in the field of energy security. It is determined that France's desire to overcome the negative consequences of the coronavirus pandemic will face significant difficulties, and its economic dependence on Germany is likely to increase. It is difficult to predict the development of relations between these two countries in the context of growing global and regional instability, but there is no doubt that they will have a significant impact on the foreign policy of other countries, including Russia.

Keywords: France – Germany – European Union-political and economic relations-crisis-COVID-19

RUSSIA IN THE GEOECONOMIC SPACE THROUGH THE PRISM OF INTERNATIONAL RATINGS

Selyunina V. S., Butsenko I. N.

In the modern geo-economic space, many countries are striving for a sustainable competitive advantage, using the most of their territorial, socio-economic, cultural and strategic resources. At the same time, the nature of competition between states undergoes qualitative changes every year.

The geo-economic position of Russia through the prism of international ratings still cannot be assessed unambiguously. In most cases, the assessment in the ratings is subjective, as a result of using only expert assessment techniques, statistical data are used on a smaller scale. The results of individual rankings (the Corruption Perceptions Index, the Index of Economic Freedom, the Good Country Index, the Social Progress Imperative, the Global Peace Index) are politicized and idealized to a certain extent.

On the basis of quantitative statistical indicators, Russia's position in the geo-economic space is assessed higher than the indices in the ratings. Leadership by the area of the state territory and high positions in terms of population were noted. The positioning of Russia among the leading countries in various spheres of the world economy is ensured by the natural resource base, low cost of resources, the quality of the education system and scientific and technological development. The capacious domestic market is also an important competitive advantage of Russia. The level of openness of the economy is assessed as satisfactory.

Comparison of the dynamics of changes in Russia's positions in the geo-economic space through the prism of individual indices of international ratings of economic, institutional, technological development until 2020 made it possible to state positive and negative trends in the implementation of the country's economic potential under conditions of internal and international restrictions. Faced with the global crisis caused by the COVID-19 pandemic in 2020, the value of most of Russia's indicators and indices in the rankings has changed qualitatively and quantitatively. The forecasts for the further development of the Russian economy in the context of global processes are more subjective and difficult to compare. This article makes an attempt to combine the results of quantitative statistical and

qualitative expert assessments in order to conduct an objective comparative analysis of Russia's positioning in the geo-economic space.

Keywords: Russia in the geo-economic space, the competitiveness of the national economy, macroeconomic indicators, indicators of participation in international trade, private and integral indicators of international rankings, a comparative assessment of the development and functioning of the socio-economic system.

AFRICA DURING THE COVID-19 PANDEMIC: EPIDEMIOLOGICAL SITUATION AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Yumaev E. A.

The article presents the results of a study revealing the peculiarities of the epidemiological situation in Africa in the context of the spread of COVID-19, the impact of the restrictive sanitary measures taken on the social and economic development of the continent. It is concluded that the level of new coronavirus infection is low compared to Europe, Asia, and North and South America. Based on the analysis of foreign and domestic studies, the reasons that determined the low level of the spread of COVID-19 and mortality associated with the infection of residents with this virus were identified. The negative social and economic consequences are largely due to a decrease in demand on the world market for minerals traditionally exported from Africa, a restriction on the inflow of investment from industrialized countries, and a ban on departure for migrant workers. The example of the Republic of South Africa shows the need for flexibility in making decisions about sanitary restrictions, the excessive rigidity of which does not guarantee stopping the spread of the epidemic, provokes severe social and economic consequences. Under current conditions, the initiatives of the African community to fundamentally modernize the economy and develop all kinds of modern infrastructure seem difficult to implement. The continent does not have its own resources to implement a gigantic investment agenda. Budgetary resources, insufficient even before the COVID-19 pandemic, are redirected to maintaining the health care system, social assistance to the population and businesses.

Keywords: Africa, COVID-19, pandemic, sanitary restrictions, epidemiological situation, morbidity, economic crisis, investment, Republic of South Africa (South Africa)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Буценко И. Н., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Воронина Т. В., доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой мировой экономики и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Горда А. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Горда О. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Димитриев А. В., аспирант кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Егорова Н. М., кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и экономики спорта ФГБОУ ВО «Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта»

Енченко И. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и экономики спорта ФГБОУ ВО «Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта»

Илясова Ю. В., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Кифяк А. В., ассистент кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Климовец О. В., доктор экономических наук, профессор, первый проректор НАН ЧОУ ВО «Академия маркетинга и социально-информационных технологий – ИМСИТ»

Кузнецов М. М., кандидат географических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Мираньков Д. Б., старший преподаватель кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Реутов В. Е., доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой маркетинга, торгового и таможенного дела ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Рудницкий А. О., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Секачева А. Б., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Селюнина В. С., аспирант кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Слободянюк Б. В., магистрант кафедры менеджмента и экономики спорта ФГБОУ ВО «Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта»

Юмаев Е. А. – кандидат экономических наук, доцент кафедры Государственное, муниципальное управление и таможенное дело ФГБОУ ВО «Омский государственный технический университет».

Яценко А. Б., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

СОДЕРЖАНИЕ

Воронина Т. В., Яценко А. Б.

Оценка взаимосвязи внешней торговли и ВВП стран мира в условиях нестойчивого роста мировой экономики 3

Горда А. С.

Зарубежный опыт еврорегионального сотрудничества и развития внешнеэкономической деятельности 14

Горда О. С.

Эволюция инструментария финансовой поддержки регионального развития в ЕС. 30

Егорова Н. М.

Конкурентоспособность физкультурно-спортивной организации в период кризисной ситуации 43

Енченко И. В., Слободянюк Б. В.

Анализ реализации ВФСК «Готов к труду и обороне» в Ленинском районе Республики Крым 53

Илясова Ю. В., Димитриев А. В., Мираньков Д. Б.

Международная практика регулирования иностранных инвестиций и возможности ее адаптации в Республике Крым 62

Климовец О. В.

Влияние цифровизации компаний на их экономическую эффективность 79

Кузнецов М. М., Рудницкий А. О.

Социально-культурное пространство экономики региона в условиях креативной и цифровой трансформации 85

Реутов В. Е., Кифяк А. В.

Факторы влияния теневой составляющей на экономику региона 94

Секачева А. Б.

Современное состояние и проблемы двусторонних отношений Франции и Германии в Европейском Союзе 106

Селюнина В. С., Буценко И. Н.

Россия в геоэкономическом пространстве сквозь призму международных рейтингов 119

Юмаев Е. А.

Африка в период пандемии COVID-19: эпидемиологическая обстановка и экономическое развитие 132

Summaries 143

Сведения об авторах 152

Содержание 154

Contents 155

CONTENTS

Voronina T. V., Yatsenko A. B.

Assessment of relationship of foreign trade and GDP of the world countries in the conditions of unstable growth of the world economy 3

Gorda A. S.

Foreign experience in euroregional cooperation and development of foreign economic activities 14

Gorda O. S.

Evolution of a toolkit for financial support for regional development in the EU..... 30

Egorova N. M.

Competitiveness of a physical culture and sports organization in a crisis situation..... 43

Enchenko I. V., Slobodyanyuk B.V.

Analysis of the implementation of the VFSK "Ready for work and defense" in the Leninsky district of the Republic of Crimea 53

Ilyasova Yu. V., Dimitriev A. V., Mirankov D. B.

International practice of regulating foreign investment and possibilities of its adaptation in the Republic of Crimea..... 62

Klimovets O. V.

The impact of digitalization of companies on their economic efficiency 79

Kuznetsov M. M., Rudnitskiy A. O.

Socio-cultural space of the regional economy in the conditions of creative and digital transformation 85

Reutov V. E., Kifyak A. V.

Factors of the influence of the shadow component on the economy of the region 94

Sekacheva A. B.

The current state and problems of bilateral relations between France and Germany in the European Union..... 106

Selyunina V. S., Butsenko I. N.

Russia in the geoeconomic space through the prism of international ratings..... 119

Yumaev E. A.

Africa during the COVID-19 pandemic: epidemiological situation and economic development 132

Summaries 143

Authors Data..... 152

Contents..... 155